
ОГОНЁК
№ 33 АВГУСТ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
БИБЛИОТЕКА
Журн. „Огонек"

Председатель укрупненного колхоза «Искра» (Приморский район, Ленинградской области) А. М. Лемехов и архитектор Е. Ю. Бородич рассматривают проект нового колхозного села.

Фото Д. Трахтенберга.

На первой странице обложки: телятница Саня Кожемяка, колхоз имени Сталина, Черкасского района, Киевской области. Фото С. Фридлянда.

На последней странице обложки: сплав леса на Каме. Фото Дм. Бальтерманца.

ОГОНЁК

№ 33 (1210) 13 АВГУСТА 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Военная авантюра американских империалистов, их наглая агрессия против корейского народа вызывают возмущение всего прогрессивного человечества. Советские люди с горячим сочувствием наблюдают за героической борьбой Корейской народно-демократической республики, отстаивающей свою свободу и независимость.

Сообщения об успехах Корейской народной армии живо обсуждаются на всех заводах, фабриках и других предприятиях нашей страны.

На снимке: группа работников Второго московского часового завода в обеденный перерыв собралась в партийном кабинете. Здесь читают последние сообщения с корейских фронтов, следят по карте за продвижением Народной армии.

Фото Дм. Бальтерманца и Е. Умнова

НА МИРНЫХ КОЛХОЗНЫХ НИВАХ

Мы за мир

Герой Социалистического Труда П. А. ПРОЗОРОВ, член Советского Комитета защиты мира, председатель колхоза «Красный Октябрь»

«...Вятской губернии, Вожгальской волости, деревня Чекоты». Письмо с таким адресом долго плутало по северному бездорожью, покуда достигало цели. Да и часто ли писали в этакую глухомань, за 70 верст от железной дороги!

«Колхоз «Красный Октябрь», Кировской области...» Груды писем, пакеты, телеграммы доставляет почтальон ежедневно по этому адресу. Можно сказать, вся страна переписывается с нами!

Вот так и во всем остальном не похожа сегодняшняя наша жизнь на ту, что влачили некогда вожгальские бедняки.

Люди бежали тогда от «неродимых земель». «Неродимые»! Даже не верится, что это про наши земли говорили. С тех пор, как организовался колхоз, вчетверо увеличились урожаи. Растет великолепная пшеница, а раньше здесь ее и не сеяли.

Село наше от города, пожалуй, не отличишь. Двухэтажные дома, электричество, центральное отопление, водопровод. Дети учатся в своей колхозной школе-десятилетке, молодежь и взрослые развлекаются в своем Дворце культуры. В своем санатории отдыхают и набираются сил колхозники. 17 Героев Социалистического Труда у нас, почти половина членов артели награждена орденами и медалями. Такова трудовая слава наших колхозников.

Счастливо живется нам, хорошо работается на мирных нивах! Много еще задуманных и начатых дел у нас. А чтобы свершить их, нам, как и всем советским людям, нужен мир.

Вот почему люто ненавидим мы поджигателей войны — врагов всего человечества, врагов и нашего колхоза «Красный Октябрь».

Вот почему колхозники горячо откликнулись на призыв Советского Комитета защиты мира и от всей души подписались под Стокгольмским Воззванием.

Председатель колхоза «Красный Октябрь» Петр Алексеевич Прозоров, вернувшись с пленума Советского Комитета защиты мира, выступает в колхозной радиостудии.

Надежда Алексеевна Прозорова собирает помидоры в теплице.

Чудесные плоды труда

Бригадир Герой Социалистического Труда Н. А. ПРОЗОРОВА

Может быть, смешным покажется, но мечтаю я в последнее время об арбузах и дынях... Точнее сказать, мечтаю о такой агротехнике, которая позволила бы в нашем северном климате выращивать теплолюбивые бахчевые и огородные культуры.

Для помидоров мы построили в колхозе большие теплицы. Каждая из них дает до 3 тысяч килограммов плодов. Но арбузы и дыни в теплице не вырастишь.

Познакомилась я с экспериментами по утеплению почвы в Москве, в Тимирязевской академии. Опытные грядки есть и у нас на Кировской зональной станции.

Вот и надумали мы нашу бахчу оборудовать центральным отоплением, так же, как и колхозные дома. Отходов пара вполне хватит и на утепление грунта.

Этой же осенью мечты начнут воплощаться в жизнь. Выроем канавы в полметра глубиной и установим в них уже заготовленные трубы. А весной будущего года пустим пар, и на согретой почве в апреле начнем высаживать бахчевые и помидоры.

Сколько нового приносит нам каждый день мирной жизни!

Подписываясь под Воззванием, я голосовала за то, чтобы всеми силами беречь мирную деятельность человека и чудесные ее плоды.

Нам война не нужна

Плотник Ф. А. СУСЛОПАРОВ

Прожил я немало: семь десятков скоро минет. По годам да и по достатку вполне на отдых можно. Но нет, тружусь помалу. Привыкли руки к работе, без нее жизнь пустая. Вот и плотничаю, слежу, чтобы и зимой и летом транспорт в колхозе исправный был.

Не одну войну видел я на своем веку. И всякий раз ее затевают те, кто на горбу у трудового человека сидит.

Нам война не нужна. А для них, для поджигателей, добром война никогда не кончается.

Плотник Федор Александрович Суслопаров.

Три—четыре колоса вместо одного

Агроном В. Н. ГАГАРИНОВА

Давно было сказано: тот, кто сумеет вырастить два колоса там, где рос один, достоин благодарности человечества.

Эту благодарность заслужила советская сельскохозяйственная наука, утвердившая закон возрастающего плодородия земель. Следуя в своей практике передовой науке, мы у себя в колхозе выращиваем три—четыре колоса вместо одного. И это еще далеко не предел.

В первые годы существования колхоза мы собирали 6 центнеров зерна с гектара. В 1948 году урожай достиг 19,5 центнера, в 1949 году — 22 центнеров, а в этом году «Красный Октябрь» обязался собрать не менее 25 центнеров с каждого гектара на всей площади посевов.

Двадцать шестая жатва начинается на полях нашего колхоза. По праву мы называем ее «жатвой мира»: она воплощает в себе мирный труд советских людей, которых не запугать военной истерией.

Могучие силы мировой армии труда опрокинут кровавые планы американских атомщиков!

Свинарка Анастасия Семеновна Коробейникова за домашними делами.

Агроном Валентина Николаевна Гагаринова в колхозной лаборатории.

Сбережем счастье детей

Герой Социалистического Труда свинарка А. С. КОРОБЕЙНИКОВА

Когда я прихожу с фермы домой, навстречу бегут Люда и Володя. Дочка у меня книголюб, собирает библиотеку. А малыш, всего три года ему, больше всего любит возиться с колесиками и винтиками детского конструктора.

Я вспомнила и о людиной библиотеке и о детских играх Володи, когда подписывала Стокгольмское Воззвание. Дети наши дышат мирным воздухом. У нас нет книг, в которых восхваляют убийц. У нас ребята не играют в атомные бомбы. А дома с отвращением и ненавистью говорят всегда о поджигателях войны.

У советских детей впереди большая дорога к счастью. Омрачить их будущее может только война. Бороться за мир — это значит бороться за будущее наших детей.

Колхозники Леонид Прозоров и Нина Коробицына готовятся к приемным экзаменам в вуз.

Мы хотим созидать

Колхозный механик Леонид ПРОЗОРОВ

В нашем колхозе машин много, и с каждым годом становится их все больше. Все они: и полевые агрегаты, и генераторы на гидростанции, и радиоаппаратура — хорошо знакомы мне. Но всегда кажется, что любой механизм может быть лучше и совершенней. В меру сил я и помогаю колхозу. Для нашей речки Селюги заводская турбина была слишком велика. Я заменил ее водяным колесом своей конструкции. Удалось мне переделать и соломотаску. Сейчас с волнением жду испытания сенопогрузчика, изготовленного по моему проекту в колхозной мастерской.

В нынешнем году я подал заявление в Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства. Уже вижу себя в конструкторском бюро за проектированием новых механизмов... Их ждет колхозное производство!

Будущее представляется мне полным самых смелых и увлекательных изобретений. Послушаешь моих сверстников — и у них такие же мечты. Все мы хотим созидать, а нам грозят разрушениями. Жгучую ненависть пробуждают в нас поджигатели новой войны.

Фото С. Осипова

ПРАЗДНИК ГЕРОИЧЕСКОГО

НАРОДА

(К пятилетию освобождения Кореи Советской Армией)

В. КУДРЯВЦЕВ

Мужественная борьба корейского народа за свою свободу и независимость, за единство страны вызывает живое сочувствие, горячую поддержку, восхищение честных людей во всем мире. Она порождает бешеную злобу у поджигателей войны, ибо в борьбе корейского народа империалисты видят образец той неисчерпаемой стойкости и мужества, с которыми народы дают отпор их попыткам навязать человечеству новую мировую бойню.

Откуда же тридцатимиллионный корейский народ, еще недавно отсталый и угнетенный, берет такие силы для успешной борьбы против вторгнувшегося на его землю американского империализма? Откуда этот изумительный боевой дух солдат Народной армии на фронте и вдохновенный трудовой подъем в тылу?

Высокий патриотизм и свободолюбие корейского народа, его ненависть к иноземным поработителям раскрылись во всей полноте в эти дни, когда борьба за честь и свободу родины потребовала от народа Кореи мобилизации всех его физических и духовных сил.

История этого древнего народа, как и его государства — по-корейски оно называется Чесен, — полна борьбы за независимость против захватчиков. В 1592—1598 годах корейский народ выдержал тяжелую и упорную борьбу против вторжения японских захватчиков, уже тогда пытавшихся овладеть богатствами полуострова, а миллионы корейцев превратить в своих рабов. Экономическая отсталость страны, разоренной к тому же набегами и грабежами японских самураев, не помешала корейскому народу изгнать захватчиков со своей священной родной земли.

В 1871 году у побережья Кореи появились военные корабли американских колонизаторов. Они подвергли жестокому обстрелу прибрежные мирные корейские города и села, убивая беззащитных стариков, женщин и детей. Так американские «цивилизаторы» семь десятилетий назад пытались «открыть» Корею для грабежа и эксплуатации. Однако эта затея оказалась менее успешной, нежели миссия пресловутого коммодора Пэрри, который незадолго до того выстрелами из пушек «открыл» Японию. Американским любителям силой вламываться в чужой дом пришлось убраться из Кореи восвояси, за океан.

Только пять лет спустя, в 1876 году, удалось японским милитаристам навязать Корее неравноправный договор. Он стал отправной точкой для полного порабощения Кореи самураями. Но свободолюбивый корейский народ ни на минуту не прекращал упорной борьбы за свободу и национальную независимость своей страны. В 1882 году в Сеуле солдаты и гражданское население поднимают восстание

Молодые добровольцы Народной армии отправляются на фронт.

НА СНИМКАХ: вверху слева — Юноша приехал к матери на каникулы. Он учится на втором курсе университета имени Ким Ир Сена. Справа — так выглядит новая школа в деревне Нам Иль Ри. Внизу слева — строительство новой больницы в деревне. Справа — одна из новостроек Пхеньяна.

против японских угнетателей. В 1893 году вспыхивает всекорейское крестьянское восстание, во главе которого стояла религиозная организация «Тон Хак» («Восточное знание»). Это восстание, известное в истории Кореи как восстание тонхаков, было потоплено в крови японскими захватчиками, а вождь восставших Тен Бон Дюн казнен вместе со своими друзьями.

С 1910 года Корея была окончательно закована японскими империалистами в колониальные цепи. В стране воцарился режим произвола и террора, вошедший в историю под названием «сабельного режима» генерала Тераучи, первого японского генерал-губернатора в Корее. «Корейцы должны подчиниться нашей власти или погибнуть», — заявил этот палач, вступая на свой пост. Японский полицейский стал царем и богом в корейских городах и селах. Корейский язык был запрещен, силой проводилась японизация. Лучшие земли захватили японские помещики. Казалось, что корейский народ сломлен и что ему навеки суждено прозябать в рабстве. Но так казалось только поверхностным наблюдателям.

Как на вулкане, чувствовали себя в Корее японские оккупанты, выполнявшие роль жандармов для американских, английских, французских, голландских и иных грабительских колониальных компаний, присосавшихся к богатствам страны. Японские милитаристы боялись, словно огня, национально-освободительного движения азиатских народов. Для того чтобы представить страх и неуверенность захватчиков, достаточно привести следующий, весьма яркий пример. В первый период хозяйничанья в Корее японские власти разрешили иметь в каждой корейской деревне только по одному топору и то — прикованному железной цепью где-нибудь возле колодца!

Весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции пронеслась над измученным народом Кореи, как дыхание освежающей грозы. В марте 1919 года вспыхивает мощное народное восстание против японского ига. Оно было суровым предупреждением японским милитаристам: свободолюбивый дух корейского народа нельзя убить, патриотические силы корейского народа растут, близится час его освобождения! Японские хищники жестоко расправились с восставшим народом — тысячи корейских патриотов были казнены, десятки тысяч брошены в тюрьмы. Но и это не остановило борьбы.

В самый разгар японской агрессии на азиатском материке против Китая, когда милитаристская императорская Япония, казалось, была в зените своего могущества, на границе с Маньчжурией, в горных районах близ реки Ялу, образовался партизанский район. Это был первый освобожденный от японских угнетателей уголок Кореи. Партизанами руководил национальный герой корейского народа Ким Ир Сен. Этот район продержался до самого момента освобождения Кореи, послужив как бы опорой для того, чтобы корейский народ мог расправить свою согбенную спину и выпрямиться во весь свой рост.

Забойщик Садонской шахты Ким Бон Гюн — инициатор трудового соревнования.

Крестьянин на рисовом поле.

Можно ли поработить народ, у которого позади такая большая и славная история борьбы за национальную независимость! Видно, наглое пренебрежение к одному из древнейших народов на земле заслонило от американских империалистов наших дней его героическую историю. В ней один из источников успеха народа Кореи в его нынешней борьбе против иноземных захватчиков.

Но главный источник побед возрожденного корейского народа — его освобождение от ига японского империализма, которое он получил из рук могучей Советской Армии. Несмотря на упорное сопротивление японским захватчикам, корейский народ не мог только своими силами сбросить с себя цепи гнета мировых хищников. Для того, чтобы корейский народ мог стать свободным и независимым, нужна была великая победа советского народа над силами германского фашизма и японского милитаризма.

По злой воле американской реакции не всей Корее суждено было встать в 1945 году на путь независимого и свободного существования. Но освобождение Кореи Советской Армией и коренные демократические реформы на севере страны показали всему миру, что уже нет такой силы на земле, которая повернула бы историю корейского народа вспять, к мрачным временам колониального порабощения.

Вот почему день 15 августа 1945 года — день освобождения Кореи Советской Армией — корейский народ считает своим величайшим национальным праздником, праздником возрождения, праздником свободы и независимости. За прошедшие пять лет со дня своего вызволения из японской империалистической кабалы корейский народ неоднократно высказывал глубочайшее чувство благодарности и любви к советскому народу и вождю всех трудящихся товарищу Сталину. Но, пожалуй, наиболее ярко он выразил это чувство, провожая в декабре 1948 года своих освободителей — солдат и офицеров Советской Армии, по решению советского правительства покидавших территорию Северной Кореи. В письме, подписанном 16 767 680 жителями Северной и Южной Кореи и адресованном великому другу и освободителю товарищу Сталину, корейцы писали:

«Дорогой и мудрый Иосиф Виссарионович! Провожая советских воинов, мы выражаем искреннюю признательность им, воздаем честь и славу Советской Армии за те заслуги, которые она имеет перед нашей родиной. Славные подвиги, совершенные Советской Армией во имя освобождения и возрождения нашей страны, не померкнут в веках. Они вечно будут жить в памятниках, воздвигнутых нами в честь освобождения, в дымящихся трубах заводов и фабрик, восстановленных с помощью Советского Союза, в золотых волнах наших хлебов, в радостных улыбках наших людей.

Провожая советских воинов, корейский народ крепко жмет их братскую руку. С новой силой мы осознаем, что только с помощью советского народа и лично с Вашей помощью наша страна сможет стать единым и сильным демократическим государством».

Чувства эти выражены всем корейским народом. О единстве чувств и воли всех корейцев свидетельствуют не только подписи под этим незабываемым документом. Об этом говорят и итоги выборов в Верховное народное собрание Кореи, проведенных по всей стране 25 августа 1948 года. В выборах приняли участие 99,98 процента избирателей Северной Кореи и, несмотря на террор лисынмановских властей, 77,52 процента жителей Южной Кореи. Голоса, отданные за кандидатов в депутаты Верховного народного собрания, одновременно были голосами за вечную советско-корейскую дружбу—гарантию независимости Кореи и ее объединения в единое демократическое, народное государство.

В письме корейского народа товарищу Сталину не случайно в свидетели вечной благодарности корейского народа Советскому Союзу призывались дымящиеся трубы заводов и фабрик, золотые волны хлебов и улыбки свободных корейцев.

Советский Союз не только освободил корейский народ от империалистического порабощения, но и бескорыстно помогает ему подвести под свою национальную независимость прочный экономический фундамент. Корея, и в частности ее северная часть, получила тяжелое наследство от японских империалистов в виде отсталой, однобоко развитой колониальной экономики. Все развитие корейской промышленности и сельского хозяйства было подчинено интересам японских монополий, видевших в Корее источник невиданных барышей и рынок баснословно дешевой рабочей силы. К тому же, отступая под ударами Советской Армии и Флота, японские угнетатели разрушали заводы и фабрики, вывозили наиболее ценное оборудование. Промышленность осталась без квалифицированных специалистов, ибо японские власти не давали корейцам возможности получить высшее образование.

При братской помощи Советского Союза корейский народ проявил чудеса творческого трудового героизма. Проведенные народно-демократическим правительством последовательно демократические реформы — ликвидация помещичьего землевладения, национализация промышленности, банков и транспорта, принадлежавших японским империалистам и национальным предателям, равноправие женщин, восьмичасовой рабочий день — все это раскрепостило производительные силы страны.

За прошедшие после освобождения страны пять лет восстановлена промышленность, существовавшая при японцах, и построено много новых фабрик и заводов, особенно машиностроительных. Валовая продукция промышленности в 1949 году выросла в 3,8 раза по сравнению с 1946 годом. В прошлом году в числе других предприятий был построен первый в Корее стекольный завод в Нампхо. Пхеньянский текстильный комбинат, строительство которого должно быть закончено в нынешнем году, будет давать текстиля в четыре раза больше, чем вся текстильная промышленность при японской оккупации. Постепенно ликвидируется однобокость промышленного развития северной части Кореи, столь характерная для экономики колониальных стран.

Юг Кореи — типичный район сельскохозяйственного производства и легкой промышленности. Северная, наиболее развитая в промышленном отношении часть страны всегда получала продовольствие и промышленное сырье из южных районов. За пять лет правительство народно-демократической республики при поддержке всего народа преодолело и эту трудность. Валовой сбор зерновых культур в 1949 году, несмотря на засуху, составил по сравнению с 1944 годом 129,8 процента, а валовой сбор хлопка увеличился почти в 2½ раза.

Северная часть республики покрылась сетью школ, клубов, театров, больниц и других культурно-просветительных и медицинских учреждений. Количество начальных школ возросло почти вдвое по сравнению с 1944 годом, а число учащихся в них — в 1,7 раза. Сейчас в республике в 20 раз больше неполных средних и средних школ, чем в последний год японской оккупации, а число учащихся в них увеличилось в 23 раза. В северной части Кореи имеется 15 высших учебных заведений с 10 тысячами студентов. Возрождается корейское национальное искусство и литература.

Победы освобожденного корейского народа на фронте мирного строительства, успешное выполнение двухлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства служат мощным резервуаром силы и мужества народа Кореи в его борьбе против американских интервентов и их пособников из предательской лисынмановской клики. Взоры населения Южной Кореи были все время прикованы к Северной Корее, откуда им светило солнце свободы и независимости. И чем тяжелее становился гнет американских поработителей, южнокорейских марионеточных властей и оставшихся в нетронутом виде полуфеодалов-помещиков, чем больше неистовствовала лисынмановская полиция и жандармерия, бросая в тюрьмы и физически уничтожая лучших сынов корейского народа, тем выше поднималась волна народного гнева, тем шире развертывалось партизанское движение в южных районах страны.

И когда американский империализм, осуществляя свои давно задуманные агрессивные планы, бросил лисынмановскую армию на север от 38-й параллели, рассчитывая на быструю ликвидацию Корейской народно-демократической республики, он встретился лицом к лицу с сокрушительным отпором всего корейского народа. Победоносно наступающая корейская Народная армия опирается не только на прочный, созданный самоотверженным трудом корейского народа тыл на севере страны, но и на народное движение партизан в тылу американских интервентов.

К главному источнику национальной силы корейского народа — освобождению Кореи героической Советской Армией в 1945 году,— к патриотизму, выкованному в многолетней борьбе за национальную независимость, в наши дни прибавился еще новый источник уверенности корейского народа в победе: мощная братская поддержка и сочувствие всего международного лагеря демократии и социализма, всего международного фронта сторонников мира.

Свой великий праздник — пятилетие со дня освобождения Кореи Советской Армией — корейский народ встречает в суровых условиях вооруженной борьбы против американского империализма и его подручных. «История показывает, — сказал славный вождь корейского народа национальный герой Ким Ир Сен в связи с агрессией американского империализма против корейского народа, — что народ, решительно поднявшийся на борьбу за свою свободу и независимость, непобедим. Дело нашего народа справедливое. Победа должна быть за нашим народом».

Советские люди горячо желают братскому корейскому народу победы в его справедливой борьбе за национальное единство и независимость страны. Гарантией этой победы служат замечательные успехи корейского народа, которых он достиг за пять лет, истекших после его освобождения в незабываемом августе 1945 года.

ВЕЛИКИЕ традиции

Н. НОВИЦКИЙ

Фото М. Квирикашвили

Из года в год праздничные демонстрации трудящихся Тбилиси открывает колонна паровозо-вагоноремонтного завода имени И. В. Сталина. «ПВРЗ идет! — с гордостью говорят тбилисцы. — Старейший и достойнейший!»

* * *

Тифлисские главные железнодорожные мастерские были основаны в 1883 году. До революции они были самым крупным в Тифлисе предприятием: здесь работало около 4 тысяч человек. И сейчас, в наши дни, это — одно из ведущих предприятий столицы Грузии. Только у нынешнего Тбилисского паровозо-вагоноремонтного завода имени Сталина совершенно новое лицо. Старых мастерских теперь не узнать. Но каждый уголок здесь хранит воспоминания о днях революционной борьбы.

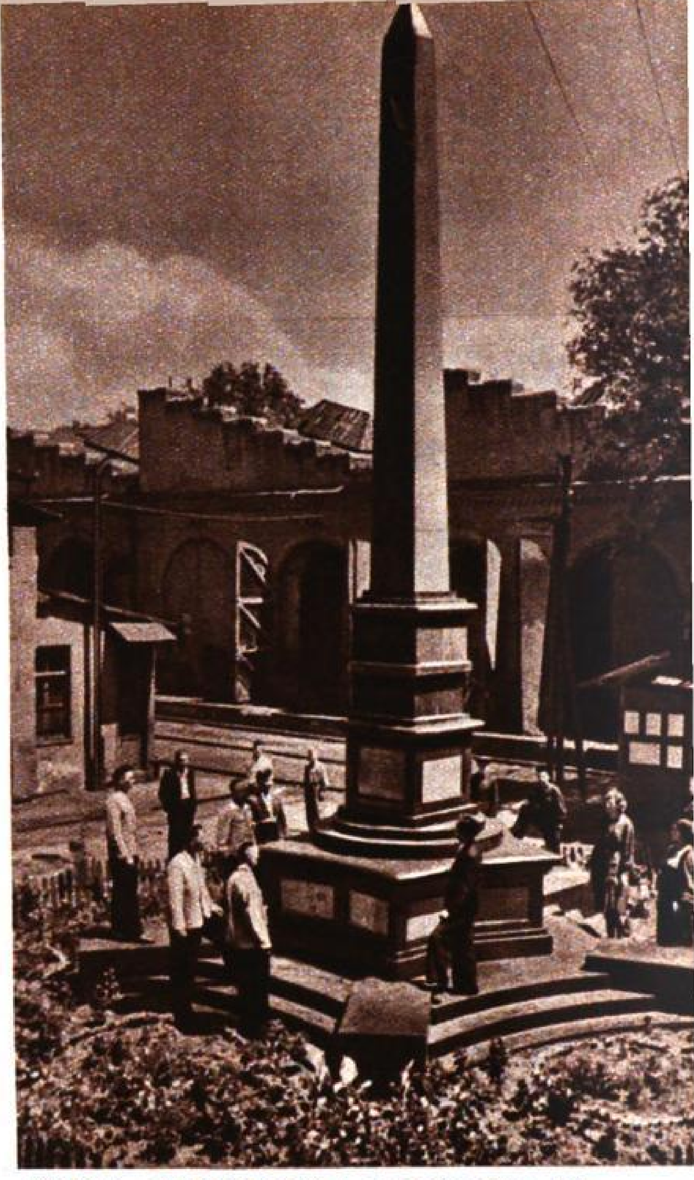
В памяти сотен рабочих завода незабываемый день 8 июня 1926 года, когда здесь, среди паровозов и вагонов, перед всем большим заводским коллективом выступал товарищ Сталин. «Я вспоминаю 1898 год,— говорил товарищ Сталин,— когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских... Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое революционное крещение... моими первыми учителями были тифлисские рабочие.

Позвольте принести им мою искреннюю, товарищескую благодарность».

Какая богатая, славная история у завода!

30 июня 1900 года, незадолго до исторической августовской забастовки, в мастерских начал работать Михаил Иванович Калинин, высланный из Петербурга в Тифлис «под особый надзор полиции». На странице 4909 матрикульной книги железнодорожных мастерских сделана запись о поступлении на работу М. И. Калинина, токаря — рабочий № 1011, с «поденным содержанием в 1 рубль 20 копеек». Плата была немалая для того времени, но ведь Михаил Иванович был отличнейший токарь.

Вспоминая о годах работы в Грузии, М. И. Калинин говорил: «Вскоре после приезда в Тифлис мне пришлось делать доклад о рабочем движении в Петербурге. На этот доклад собралось нелегально около 150 человек, преимущественно железнодорожников, хотя были, конечно, и не железнодорожники, но большинство пришло из железнодорожных мастерских. Для того времени это было очень многолюдное собрание и оно означало, что в железнодорожных мастерских уже существовало довольно крепкое революционное ядро».

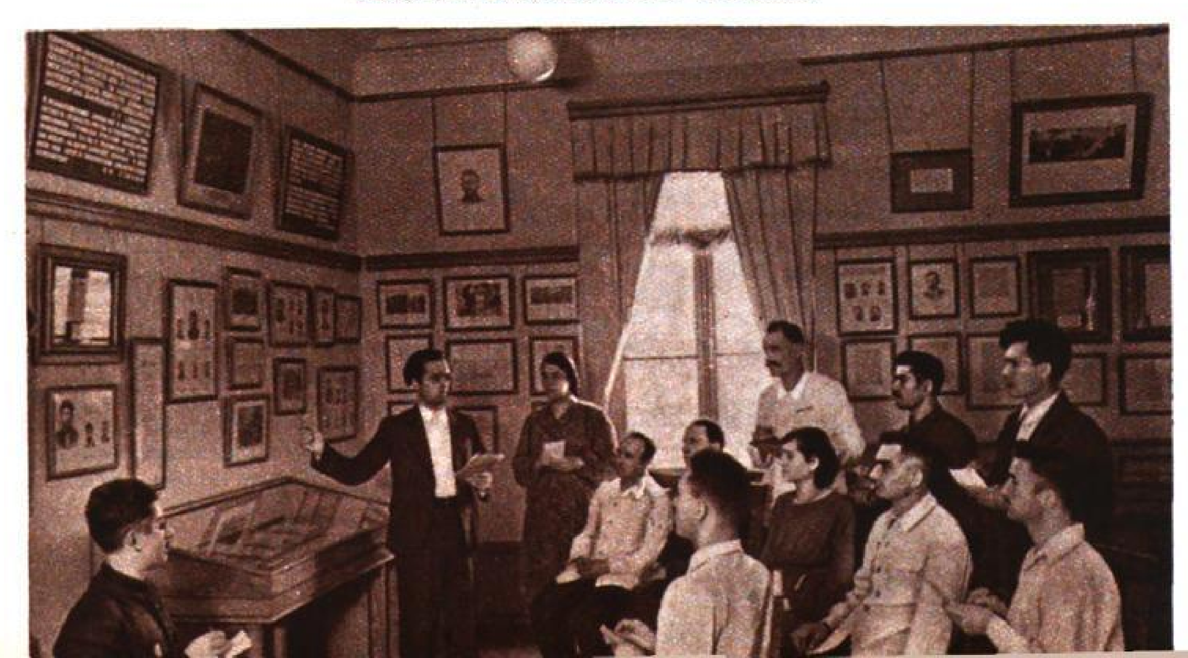

Обелиск, установленный в ознаменование тех далеких дней, когда здесь, в бывших Главных железнодорожных мастерских, товарищ И. В. Сталин руководил марксистским рабочим кружком.

Старшие рабочие завода (слева направо): С. Д. Пхакадзе, А. П. Закомолдин, Т. Д. Ильин, Н. Н. Цилкин, Е. В. Хубулури.

В Сталинской комнате завода. Пропагандист Е. Тарасов проводит занятие кружка по изучению биографий В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Это ядро было создано И. В. Сталиным. Русский революционер М. И. Калинин был одним из ближайших помощников товарища И. В. Сталина в развертывании революционной работы в Тифлисе и в подготовке грандиозной августовской забастовки в мастерских.

Рабочие мастерских жили и трудились в ужасающих условиях. Старые производственники завода имени Сталина не забыли этих мрачных, далеких дней. Выступая на встречах с молодежью, они рассказывают о жизни рабочих до революции. Накануне 50-летия августовской забастовки 1900 года состоялась одна из таких встреч. Старики и молодежь собрались в комнате, которую на заводе называют Сталинской: здесь уже много лет существует большая выставка фотоматериалов, документов и художественных полотен, отражающих историю мастерских и завода, неразрывно связанную с именем товарища Сталина.

Сисо Димитриевич Пхакадзе, Егор Васильевич Хубулури, Терентий Дмитриевич Ильин и другие, кто проработал здесь по 50 и больше лет, рассказывали молодежи о том, как под руководством товарища Сталина проходила грандиозная августовская забастовка.

Тифлисская социал-демократическая организация вела большую работу в мастерских. И. В. Сталин лично руководил этой работой, направлял агитацию и пропаганду, давал советы, проводил совещания, на которых разрабатывались требования к администрации об увеличении заработной платы, сокращении рабочего дня, об отмене штрафов. Вместе с М. И. Калининым большую революционную работу в мастерских вели С. Аллилуев, В. Стуруа, З. Чодришвили, М. Бочоридзе, Г. Телия и другие.

Волнения в мастерской ширились с каждым днем. 11 июля 200 рабочих токарного цеха потребовали запрещения изнурительной вечер-

Токари-скоростники Вахтанг Байсонашвили и Алексей Ермоленко.

ней работы: после целого дня уставшим людям приходилось еще трудиться при свете еле мерцавших коптилок. Вскоре к токарям присоединились рабочие других цехов, и к концу июля в мастерских не осталось уже ни одного цеха, где бы не было предъявлено требований к администрации.

Репрессии и угрозы не сломили революционного духа рабочих мастерских. Грандиозная политическая забастовка состоялась! Это был один из первых раскатов революционного грома на заре XX века. Забастовка рабочих Главных железнодорожных мастерских и депо оказала большое влияние на развитие революционного рабочего движения в Грузии и Закавказье.

В 1940 году Михаил Иванович Калинин побывал в мастерских, ставших передовым заводом Грузии. Михаил Иванович, выступая перед рабочими завода, говорил тогда:

«...Традиции героической борьбы за возвышенные идеалы, за лучшее будущее рабочего класса, за то, чтобы рабочий класс имел власть и при помощи этой власти строил новый мир — эти славные традиции должна свято чтить и продолжать вся советская молодежь, и, в особенности, молодежь Тбилисского паровозовагоноремонтного завода. В них, в этих традициях, есть нечто особенное, составляющее огромное преимущество по сравнению с традициями революционных рабочих других фабрик и заводов нашей страны. Преимущество это состоит в том, что в течение нескольких лет рабочих Тифлисских железнодорожных мастерских по-ленински, по-большевистски воспитывал, закалял и организовывал товарищ Сталин. Это, товарищи, не маленькое дело. Это значит, что люди прошли классическую школу революционной борьбы под руководством одного из основоположников нашей партии».

* * *

Завод стар. Но как бурно кипит жизнь во всех его цехах!

Разумеется, во внешнем облике завода за годы советской власти произошло много перемен. Появились новые корпуса. Но самое главное — это рабочие завода, которые умело управляют новой, сложной техникой. Они попрежнему один из самых квалифицированных отрядов тбилисских рабочих и успешно решают труднейшие производственные задачи.

Завод восстанавливает разбитые паровозы и вагоны, побывавшие в зоне военных действий. Сколько таких паровозов и вагонов, оставшихся после Отечественной войны, возвратил завод в строй! Виртуозное мастерство рабочих достойно восхищения. Когда, весело пыхтя, поблескивая свежей покраской, восстановленный паровоз уходит с завода, не верится, что это тот самый локомотив, который еще недавно ржавел на «кладбище».

Разбирая архив, работники заводоуправления обнаружили старые цеховые ведомости на выдачу жалования рабочим. В графе росписи — крестики, крестики, крестики — «за неграмотностью»... Об этих крестиках в дореволюционных ведомостях вспоминали старые рабочие завода, когда недавно слушали лекцию, которую читал токарь Вахтанг Байсонашвили. Было это в том самом цехе, где когдато работал Михаил Иванович Калинин и где поныне, тщательно оберегаемый, стоит его станок. Станок и сейчас служит заводу. Работать на нем доверяется только лучшим токарям, когда случается поделка, соответствующая возможностям станка.

Паровоз отремонтирован и готов к выходу на линию.

Коммунист Вахтанг Байсонашвили был первым, кто решил поставить на скоростную обработку колесную пару — махину весом иногда более трех тонн. На помощь стахановцу пришли научные работники Тбилисского института инженеров железнодорожного транспорта. Вахтанг Байсонашвили вооружился лупой, чертежным карандашом, альбомом технологических карт. Спустя месяц он выступил перед многолюдной аудиторией с лекцией о том, как ему удалось довести обработку колесных пар до 12 за смену, вместо 4—5 по норме.

Такие лекции рабочие-стахановцы читают часто. Читал их сварщик Захарий Надирадзе — искуснейший мастер своего дела, выезжавший по заданию Министерства путей сообщения на ряд заводов страны для передачи своего опыта работы; читал их кузнец Константин Илуридзе — член Научного инженерно-технического общества Закавказской железной дороги; котельщик Яков Бабаев — замечательный «врачеватель» паровозных котлов...

Лучший токарь цеха Илья Чумбурадзе за станком, на котором 50 лет назад работал М. И. Калинин.

Завод учится, кадры его растут, и те, у кого знаний и опыта больше, делятся ими со всем коллективом — так здесь принято. Загляните вечером в заводскую школу рабочей молодежи: около 200 молодых рабочих завершают среднее образование. Многие, окончив школу, пошли дальше — в вузы и втузы. Получив с помощью завода среднее образование, не порывая связи с производством, учатся на вечернем отделении Тбилисского института инженеров железнодорожного транспорта дежурный электромонтер Розалия Хвтисиашвили, оператор вагоно-пассажирского цеха Николай Тохадзе, техник Нина Магличенко. Абрам Кикилашвили, бывший котельщик завода, уже закончил Грузинский политехнический институт. Сколько еще людей с высшим образованием, сколько новаторов производства даст стране паровозо-вагоноремонтный завод имени Сталина!

Ленинский район Тбилиси, где расположен завод, — в зелени молодых садов. До революции здесь были землянки и убогие лачуги, в которых жили железнодорожники и рабочие мастерских. Землянки и хибарки давно снесены. Новое лицо района — это чудесная, прямая, как стрела, широкая, залитая асфальтом Советская улица, это многочисленные красивые жилые дома и культурно-бытовые учреждения, это десятки новых строек. Бывший кузнец завода Давид Чичинадзе, один из инициаторов стахановского движения в Тбилиси, — депутат Верховного Совета СССР, председатель исполкома Ленинского районного Совета депутатов трудящихся.

* * *

1900—1950. Знаменательные даты. Великое дело, за которое полвека назад под руководством товарища Сталина боролись передовые рабочие Тифлиса, победило. Идеи Ленина и Сталина восторжествовали, жизнь расцветает все краше!

На опытной пасеке Литовской сельскохозяйственной академии в Каунасе. Действительный член Академии наук Литовской ССР и Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина И. В. Крищунас проводит практические занятия по пчеловодству с курсантом подготовительного отделения Сельскохозяйственной академии Героем Социалистического Труда А. И. Миклушисом.

Фото Я. Халипа.

Лауреат Сталинской премии мастер московской швейной фабрики «Красная швея» П. П. Суховерхова (слева) и швея Татьяна Анурова.

Фото М. Савина.

ДИСКУССИЯ О ЯЗЫКЕ

Академик В. В. ВИНОГРАДОВ

Вопросы языкознания сейчас в центре внимания советской общественности. Свободная дискуссия на страницах «Правды» не только всколыхнула стоячие воды нашего языкознания, но и привлекла к нему внимание всего народа.

В дискуссии принял участие И. В. Сталин. Его гениальные работы «Относительно марксизма в языкознании», «К некоторым вопросам языкознания» и «Ответ товарищам» повернули и эту область науки на истинно марксистский путь. Они дали ясные, точные и глубокие ответы на самые важные и сложные вопросы, положили предел невероятной путанице в теории языка, путанице, которая царила в руководящих языковедческих кругах и особенно среди учеников академика Н. Я. Марра.

Последователи Н. Я. Марра — выдающегося кавказоведа, выдвинувшего своеобразное учение о происхождении и развитии языка,— объявили его, а заодно и самих себя творцами и носителями марксистского языкознания. Образовав непогрешимую касту руководителей, они требовали от всех инакомыслящих безоговорочного признания учения Марра, подкрепляя свои требования соответствующими организационными выводами.

Работы И. В. Сталина не только разоблачили антимарксистскую сущность лингвистических взглядов Н. Я. Марра и его последователей, но и произвели глубокий переворот в советском языкознании. Они кладут резкую грань между настоящим и прошлым советского языкознания, ярко освещая задачи его будущего развития. В этих работах И. В. Сталина дана гениальная программа развития марксистской теории языка.

1

Естественно желание самых разнообразных слоев советского общества разобраться в том перевороте, который произошел в советском языкознании. Для этого необходимо хотя бы очень бегло ознакомиться с основными чертами теории Н. Я. Марра.

И. В. Сталин так характеризует методологические основы учения Марра: «Н. Я. Марр действительно хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом. Он был всего лишь упростителем и вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткультовцев» или «рапповцев».

Н. Я. Марр считал язык такой же надстройкой над экономическим базисом, как и литература, искусство, политические убеждения. «Язык,— по его словам,— занимает исключительное место в надстройке только ему присущей полнотой объективно-идеологического охвата всех сторон бытия человечества на всем протяжении времени и пространства». Язык, думал он, отразил в себе все пути и все ступени развития материальной и духовной («надстроечной») культуры, все изгибы общественного мышления. Впрочем, понятие «мышление» Н. Я. Марр наполнил очень сложным, противоречивым и не вполне определенным содержанием. Но чаще всего он ставил знак равенства между мышлением и мировоззрением, идеологией. Мышление так же классово, как и мировоззрение, утверждал Марр.

Если язык — идеологическая надстройка, то он должен быть классовым. В языке все классово, и он всегда был классовым. Ведь история идеологий — это борьба классовых идеологий. При этом термин «класс» Марр употреблял не в марксистском, точном смысле, а в очень расплывчатом и неясном, как синоним всякой социальной организации людей не по крови. Поэтому он находил классы даже в доклассовом обществе, в эпоху первобытнообщинного строя. Мышление Марр также считал извечно классовым, объединив мышление и язык в одном понятии: «язык-мышление как надстройка базиса».

Н. Я. Марр был уверен в том, что его учение настоящее марксистское. Он полагал, что говорить о неклассовом языке даже «на начальных этапах сложения человечества, точнее, выделения человеческого коллектива из мира животных»,— это значило бы «в пропасть тянуть марксизм, против его общественной природы, против логики».

Понимание языка как надстройки над базисом, смешение мышления с мировоззрением и принцип изначальной классовости языка — краеугольные камни теории Н. Я. Марра. В связи с этим учение, или, как он выражался, «гипотеза Ф. Энгельса о возникновении классов в результате разложения родового строя нуждается в серьезных поправках».

Основной задачей языкознания, по Марру, является изучение законов развития классового языка, как классовой идеологии, или, лучше,— классовой идеологии в классовом языке. При этом Н. Я. Марр очень часто совсем отрывал идеологию от языка. Естественно, у него сложилось убеждение, что развитие языка состоит в непрекращающейся смене систем языка и — что одно и то же — систем классовых идеологий, в связи со сменой базисов и форм общественного производства. Развитие языка, по Марру, идет скачками, с одной ступени на другую. Оно ступенчато, или «стадиально». Революционные сдвиги в движении мышления приводят к коренным перестройкам в структуре языка, к резким его переходам от одного качественного состояния к другому.

Этот принцип резких, скачкообразных переходов, «взрывов», коренных качественных изменений, как основной формы исторического движения языка, получил название «принципа стадиальности в развитии языка и мышления».

Скачки, «взрывы», стадиальные смены в развитии человеческого языка, приводящие к образованию новых по своему строю и качеству языков, чаще всего, как думал Н. Я. Марр, осуществляются посредством их скрещения, смешения. Он выдвигает теорию происхождения новых видов языков путем массового скрещения старых.

По мысли Н. Я. Марра, близость грамматического строя и некоторой части словаря русского, например, и польского языков объясняется тем, что и тот и другой образовались из скрещения более или менее однородных элементов, а совсем не тем, что оба эти языка восходят к общему языку — основе, как доказывает сравнительно-историческая грамматика славянских языков.

Само собой разумеется, что этими общими принципами не исчерпывается теория Н. Я. Марра. Кроме того его ученики, «развивая и уточняя» эту теорию, внесли в нее целый ряд предположений и догадок, которые еще более запутали дело.

И. В. Сталин в своей работе «Относительно марксизма в языкознании» так оценивает эту методологию: «Н. Я. Марр внес в языкознание неправильную, немарксистскую формулу насчет языка, как надстройки, и запутал себя, запутал языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы развивать советское языкознание.

Н. Я. Марр внес в языкознание другую, тоже неправильную и немарксистскую формулу насчет «классовости» языка и запутал себя, запутал языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы, противоречащей всему ходу истории народов и языков, развивать советское языкознание».

2

Коротко изложу учение Н. Я. Марра о происхождении и развитии языка, а также некоторые вытекающие из него следствия.

Марр утверждал, что первоначально был язык жестов, ручной язык и соответствующее ему «ручное» мышление («говорили руками»). Звуковая речь возникла в среде жрецов, магов, как «труд-магическое действие». Обладая звуковой речью, жрецы, маги составляли особую общественную организацию, особый «класс». Первичных слов — элементов — четыре. Эти четыре элемента («сал», «бер», «йон», «рош»), как бы четыре «праслова», были найдены Марром в процессе анализа древнейших племенных названий. И самые эти четыре слова служили магам для общения не с людьми, а с племенным божеством, тотемом, и являлись средством магического воздействия на низшие «классы».

Эти фантастические предположения находятся в решительном противоречии с учением классиков марксизма-ленинизма о происхождении языка, возникшего в процессе трудовой деятельности людей, из потребностей общения. По Марру, после борьбы между носителями ручной речи и обладателями звуковой речи «более мощный коллектив с звуковой речью взял верх над глухонемыми». С этого момента и начинается история человеческого языка, единый языкотворческий процесс, как выражался Марр.

И. В. Сталин в ответе товарищам Д. Белкину и С. Фуреру убедительно доказывает ошибочность предположения Н. Я. Марра, что «одно время человеческое общество не имело языка слов, что «ручной» язык заменял тогда появившийся потом язык слов». И. В. Сталин учит: «Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей». В сравнении с познавательным и общественно-историческим значением языка слов «значение так называемого языка жестов ввиду его крайней бедности и ограниченности — ничтожно». По Марру языкотворческий процесс един в силу того, что в основе всех языков мира лежат четыре однородных элемента, и в силу того, что этот процесс подчинен общим и единым закономерностям — при всем многообразии языков мира.

Н. Я. Марр был убежден, что с помощью изобретенного им анализа слов по этим элементам (палеонтологического анализа), путем выделения разных комбинаций этих элементов в разных словах различных языков мира он может восстановить самые первоначальные стадии развития человеческого языка и мышления.

Но естественно возникает вопрос: почему же языки мира так различны, различны по грамматическому строю и словарному составу? Марр так отвечает на этот вопрос: различие языков соответствует разным ступеням развития общечеловеческого языка. Оно олицетворяет и отражает разные стадии этого развития. Этим же обусловлено родство и различие групп (систем или семей) «родственных» языков (славянских, германских и т. п.). Вопрос о системах или семьях таких языков раньше разрабатывался сравнительно-историческим языкознанием, исходившим из мысли об общей основе этих языков, о так называемом «праязыке». Н. Я. Марр отвергал и изобличал это языкознание как «формалистическое» и «идеалистическое».

Традиционному сравнительно-историческому методу он противопоставил технику нового учения о языке, сравнительно-палеонтологический анализ всех языков мира по четырем элементам, независимо от родства и различия этих языков. Такой путь, думал Марр, открывает «законы семантики», то есть изменений значения слов на разных стадиях развития языка, свойственные каждому языку и — одновременно — всем языкам мира; такой путь устанавливает закономерности движения человеческого языка, обусловленные сменой форм производства, сменой социально-экономических формаций и связанных с ними мировоззрений. Например, по учению Марра, в русских словах «рука», «река» («ручей»), «русалка» содержится общий элемент «ру» («рош»), свидетельствующий якобы о том, что на древнейшей стадии развития языка и мышления понятия «рука», «вода» и «женщина» были связаны в один смысловой «пучок». С точки же зрения традиционного сравнительно-исторического языкознания между этими словами нет и не было никакой этимологической связи, связи по происхождению.

Таким образом, все языки мира, имея общий исходный материал в виде четырех первичных элементов и проходя единый языкотворческий процесс развития, по мнению Марра, подвергаются в зависимости от разных производственных, экономических, общественно-политических условий, а также в результате разнообразных скрещений друг с другом, резким сдвигам в технике оформления и идеологического построения. Так образуется все многообразие языков мира.

И. В. Сталин так определил сущность теории происхождения и развития языка, предложенной Марром и опирающейся на фантастический домысел о развитии всего многообразия языков мира из четырех элементов:

«Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как «идеалистический». А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов.

Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории «праязыка». А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка».

3

Замечательные работы И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», «К некоторым вопросам языкознания» и «Ответ товарищам» разоблачили немарксистскую сущность теории Н. Я. Марра и его последователей, устранили царившую до того невероятную путаницу в советском языкознании. Вместе с тем они дают гениально яркое, глубокое и точное разрешение основных вопросов марксистского языкознания.

Прежде всего И. В. Сталин раскрывает марксистское понимание природы языка как общественного явления, специфические особенности его в ряду других общественных явлений. Определение природы языка как общественного явления ведет к истинному, марксистскому разрешению целого ряда других основных, сложнейших вопросов языкознания — о языке и мышлении, о языке и обществе, о закономерностях исторического развития языка до победы социализма в мировом масштабе и о новых исторических законах развития языков в эпоху после победы социализма во всемирном масштабе, о внутренних законах развития языка, о характере качественных изменений в языке, о характерных признаках языка.

И. В. Сталин с поразительной ясностью и простотой описывает основные отличия языка от надстройки. Таких отличий четыре:

I. Всякий базис имеет свою, ему соответствующую надстройку, то есть политические, правовые, художественные, религиозные и т. п. взгляды. С изменением и ликвидацией базиса изменяется и ликвидируется надстройка. Рождение нового базиса ведет к рождению новой надстройки. Язык в основе своей независим от изменений в базисе и надстройке. В отличие от надстройки язык порожден не тем или иным старым или новым базисом внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков.

II. Надстройка не может безразлично относиться к судьбе своего базиса, которым она порождена и от которого зависит. Она служит ему, активно помогая ему оформиться и укрепиться. В классовом обществе она носит классовый характер. Язык же как средство общения людей в обществе одинаково обслуживает все классы общества, проявляя в этом отношении своего рода безразличие к классам. Один и тот же язык одинаково обслуживает как старый, умирающий, так и новый, подымающийся строй. Язык общенароден.

III. Надстройка — продукт одной эпохи, эпохи существования и действия породившего ее экономического базиса. «Язык же, наоборот, является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется».

IV. Сфера действия надстройки узка и ограниченна; сфера действия языка почти безгранична. Язык обслуживает все области человеческой деятельности: производство, базис и надстройку.

И. В. Сталин иллюстрирует все эти положения примерами из истории русского языка. Устанавливаются марксистские закономерности развития языка, диаметрально противоположные тем, которые выдвигались Марром и его последователями. При подлинно историческом изучении языка в нем не наблюдается внезапных взрывов, резких качественных смен и сдвигов, не видно «ступенчатого» движения языка. Скрещение языков обычно в эпоху до победы социализма в мировом масштабе, «когда скрещивание языков происходит в порядке борьбы за господство одного из языков..., когда на очереди стоит не сотрудничество и взаимное обогащение языков, а ассимиляция одних и победа других языков», не приводит к образованию нового языка, нового качества. При скрещении «происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счет побежденного языка, но это не ослабляет, а, наоборот, усиливает его.

Так было, например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем» (И. В. Сталин).

Выяснение сущности языка как общественного явления, естественно, связано с совершенно новым пониманием характерных признаков языка и с установлением новых закономерностей его исторического развития. И. В. Сталин указывает, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка». Вместе с тем язык неразрывно и непосредственно связан с мышлением, будучи средством обмена мыслями в человеческом обществе.

И. В. Сталин подчеркивает, что мысли «могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз». Если язык — не надстройка, то и неразрывно связанное с ним мышление не может быть признано надстроечной категорией.

Мышление — не то же, что мировоззрение, идеология. «Реальность мысли проявляется в языке». Таким образом, исследование языка тесно связывается с диалектической логикой, с диалектико-материалистической теорией познания. Основой языка является его грамматический строй.

Именно благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку. «Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления». По отношению к грамматике, а также к основной функции языка быть средством человеческого общения словарный состав языка является лишь строительным материалом. В этом строительном материале необходимо различать главное — основной словарный фонд, очень устойчивый, живущий в течение веков,— и очень подвижный, почти непрерывно изменяющийся словарный состав языка.

Ведь «...язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе... Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй». Однако основной словарный фонд языка и его грамматический строй, будучи продуктом целого ряда эпох, изменяются очень медленно — вне прямой зависимости от смены базисов и надстроек — причем грамматический строй языка изменяется медленнее, чем основной словарный фонд. Основной словарный фонд, включающий в себя и все корневые слова, составляет базу для образования новых слов.

Так—на новой материалистической основе—возникает вопрос об историко-этимологическом словаре языка. Развитие основного словарного фонда, так же как и грамматического строя, подчинено внутренним законам развития языка. Основной словарный фонд языка общенароден.

И. В. Сталин заложил прочные марксистские основы исторической лексикологии и истории словообразования. Все основные области языкознания — грамматика, лексикология, словообразование, история языка, историческая диалектология — получили глубокое марксистское освещение в работах И. В. Сталина. Необходимо остановиться в связи с этим на указаниях И. В. Сталина относительно общенародного языка.

В прежнем языкознании был распространен ложный, антимарксистский взгляд, согласно которому лишь в будущем социалистическом обществе — с прекращением классовой борьбы и с устранением классовых перегородок — язык станет действительно общим, общенародным. В классовом же обществе и язык будто бы всегда остается классовым. Даже общность национального языка, согласно этому «учению», мнимая, так как национальный язык в эпоху капитализма в основном служит классовым интересам буржуазии.

При таком антимарксистском представлении о классовости языка стиралась грань между языком и классовым диалектом. Естественно, что все воспроизведение процесса развития языка принимало искаженный, антиисторический характер.

И. В. Сталин направляет историков языка на истинный марксистский путь исследования, раскрывает ясно, точно и необычайно просто основные категории и понятия марксистской истории языка. И. В. Сталин указывает, что «везде на всех этапах развития язык, как средство общения людей в обществе, был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения».

У племени, народности, нации язык общенароден. Наряду с ним существуют и диалекты, местные говоры, но над ними превалирует единый и общий язык племени или народности. Говоры, обслуживающие народные массы, имеют свой основной словарный фонд и грамматический строй. Поэтому некоторые из них могут лечь в основу национального языка. От народных говоров необходимо различать классовые диалекты и жаргоны, имеющие узкую социальную сферу обращения.

Особенно склонны к образованию таких классовых диалектов «верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии». У этих классовых диалектов и жаргонов нет своего основного словарного фонда и грамматического строя — они заимствуют их из национального языка.

Эти классовые диалекты и жаргоны, обладающие набором некоторых специфических слов, оборотов и выражений, некоторым количеством иностранных слов, а иногда некоторыми отличиями в значениях общенародных слов, лишены какой-либо языковой самостоятельности и обречены на прозябание. Вообще говоря, количество таких специфических классовых элементов в общенародном языке сравнительно ничтожно. «Только невежество в вопросах марксизма и полное непонимание природы языка могли подсказать некоторым нашим товарищам сказку о распаде общества, о «классовых» языках, о «классовых» грамматиках»,— замечает И. В. Сталин по адресу представителей так называемого «нового учения о языке».

И. В. Сталин в ответе товарищу А. Холопову, с гениальной силой и остротой характеризуя творческую сущность марксизма — «врага всякого догматизма», устанавливает новые закономерности развития языков в эпоху после победы социализма в мировом масштабе.

В эту эпоху из сотен национальных языков «в результате длительного экономического, политического и культурного сотрудничества наций будут выделяться сначала наиболее обогащенные единые зональные языки, а потом зональные языки сольются в один общий международный язык, который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков».

Благодаря гениальным работам И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», «К некоторым вопросам языкознания» и «Ответ товарищам» разрешены основные, центральные вопросы марксистской теории и истории языка. Советское языкознание, выведенное из тупика на прямую, широкую дорогу, получило все средства и возможности для того, чтобы в процессе своего развития занять первое место в мировом языкознании.

ГЕРОИ СВОБОДОЛЮБИВОЙ КОРЕИ

ПО СТРАНИЦАМ ПХЕНЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЫ «РОДОН СИНМУН»

Ким Гун Ок, Герой Корейской народно-демократической республики.

Перед нами комплект пхеньянской газеты «Родон Синмун». В каждом номере портреты героев Народной армии, рассказы об их подвигах. Здесь же короткие сообщения о том, как партизаны перерезают дороги в районах Пусана и Тэгу, обстреливают из засад машины с американскими солдатами и офицерами.

Развернем газету. Каждая строчка доносит до нас дыхание боев корейского народа против американских империалистов, за свободу и независимость своей родины.

Всмотримся в портреты. Вот лейтенант Народной армии Ким Бон Хо. Смелое, волевое лицо. Коренастая, крепкая фигура. На второй день после нападения лисынмановских бандитов Ким Бон Хо пошел в разведку. Это было в горном районе, который он хорошо знал. Он выполнил задание командования. Но затем, возвращаясь в штаб, молодой офицер услышал голоса и пополз по склону горы. Внизу он увидел целый отряд лисынмановцев. Они о чем-то спорили. Ким Бон Хо выскочил из укрытия и предложил солдатам сдаться. Он крикнул: «Правда на стороне Народной армии! Переходите к нам. Мы встретим вас, как братьев!» Солдаты побросали оружие и пошли за Ким Бон Хо. Так он привел в штаб 215 солдат ныне разгромленной лисынмановской армии.

Через некоторое время Ким Бон Хо участвовал в боевых операциях по освобождению Сеула. В те дни он командовал отрядом смелых бойцов. Этот отряд, как сообщает газета, одним из первых ворвался в Сеул и не дал лисынмановским бандитам взорвать здание центрального телеграфа.

Затем отряд Ким Бон Хо получил приказ форсировать реку Хanган (Кан), на противоположном берегу которой закрепились два батальона противника, вооруженные артиллерией. Батальоны все время держали переправы под сильным огнем. Смелым и ловким маневром Ким Бон Хо отвлек внимание врага от главных сил своего отряда и форсировал реку.

«Доблестный лейтенант Ким Бон Хо,— пишет газета,—сумел противостоять ожесточенному сопротивлению неприятеля и выбил его с позиций, заняв важную высоту».

В статье «Славные орлы Корейской народной армии» подробно рассказывается о воздушном бое, который вели два летчика, Ким Ги Ок и Ли Мун Сун, против двадцати американских самолетов.

«12 июля на энском аэродроме,— сообщает газета,— летчики ждали боевого приказа. Около полудня стало известно, что к аэродрому приближаются двадцать самолетов. Ким Ги Ок и Ли Мун Сун побежали к самолетам. Взлететь — дело одного мига...»

Американские летчики держали курс на Кимпо. Ким Ги Ок, заметив их, тотчас пошел в атаку. Он сбил один самолет, затем другой. Бомбардировщики рассыпались. Ли Мун Сун догнал «летающую крепость», заставил замолчать ее хвостовые орудия и атаковал самолет снизу. У Ли Мун Суна верный глаз и твердая рука. «Летающая крепость» потеряла управление и вошла в штопор. Она взорвалась на собственных бомбах. В этом бою Ким Ги Ок и Ли Мун Сун сбили четыре американских самолета.

Это было 12 июля. А в газете от 16 июля мы снова увидели портреты обоих летчиков: доблестным орлам Народной армии было присвоено звание Героя Корейской народно-демократической республики.

В этом же номере газеты напечатано фото, запечатлевшее зверства лисынмановских бандитов: на земле лежит женщина с простреленной головой, а рядом — мертвый ребенок...

В другом номере опубликованы три снимка. Газета сообщает, что они были найдены на квартире американского советника в Сеуле. Первый снимок: женщину-патриотку привязывают к столбу. Второй: у женщины завязаны глаза, на грудь повешена мишень. Рядом стоит солдат с плеткой. Женщина как-то неестественно прямо держит голову. Но всмотритесь лучше в это фото — и вы увидите, что женщина привязана к столбу за шею... На третьем снимке уже не один, а много столбов. Жертвы лисынмановских и американских извергов растерзаны...

Газета рассказывает, как американские солдаты в провинции Южный Чунчан сожгли деревню Тоджент, а в Пхэнтхэне убили шестьсот человек, в Тэчжоне — около тысячи.

Народ отвечает на зверства интервентов ударным трудом. Все для фронта, все для победы! — под таким лозунгом создаются фронтовые бригады. Вонгунский завод выпускает в эти дни в два раза больше продукции, чем обычно.

В одном из номеров газеты напечатан подробный рассказ о командире торпедных катеров Ким Гун Оке, одном из самых популярных и любимых героев Народной армии. Здесь же опубликованы портрет Ким Гун Ока и фото потопленного американского крейсера. Обе фотографии мы воспроизводим на этой странице.

Узнав о том, что в корейских территориальных водах появились американские корабли, Ким Гун Ок отправился с четырьмя торпедными катерами в море. В четыре часа утра произошла встреча двух американских крейсеров и одного миноносца с маленькими катерами.

— Подготовиться к бою! — приказал Ким Гун Ок.

Моряки Народной армии смело вступили в бой, они были полны решимости не упустить противника. Ким Гун Ок собрал экипаж на палубе и обратился к нему с такими словами:

— Пусть каждый будет храбр и отважен в этот час. Мы боремся за нашу дорогую родину, мы на деле покажем свою глубокую любовь к вождю корейского народа Ким Ир Сену. Вперед к победе! — так закончил свою речь Ким Гун Ок; и все матросы тотчас заняли свои места.

Противник открыл бешеный огонь, но катеры попрежнему смело шли навстречу крейсерам. Вот уже всего 1500 метров отделяют маленький отряд от врага. Катеры не видят друг друга: американцы стреляют так часто и ожесточенно, что столбы кипящей воды закрывают все вокруг. Моряки не дрогнули. Осталась тысяча метров.

— Можно пускать торпеду? — спрашивают матросы у Ким Гун Ока.

— Рано, — отвечает командир.

Первая торпеда была выпущена с расстояния в 800 метров.

Другой катер, которым командовал Цой Ден Су, тоже пошел в атаку и выпустил мину. Крейсеры сосредоточили особенно сильный огонь на этом катере. Тогда Ким Гун Ок дал приказ катеру номер 21 привлечь внимание к себе.

«Катер номер 21, — пишет газета, — шел в атаку с левого фланга. И враг перенес огонь на него».

Рванулся в атаку третий катер. Его командир, Ли Ван Гын, приказал выпустить торпеду с расстояния в 900 метров, и эта торпеда взорвала крейсер.

Поднялся огромный столб дыма, и вражеский корабль начал тонуть.

— Смелее вперед! — крикнул Ли Ван Гын.

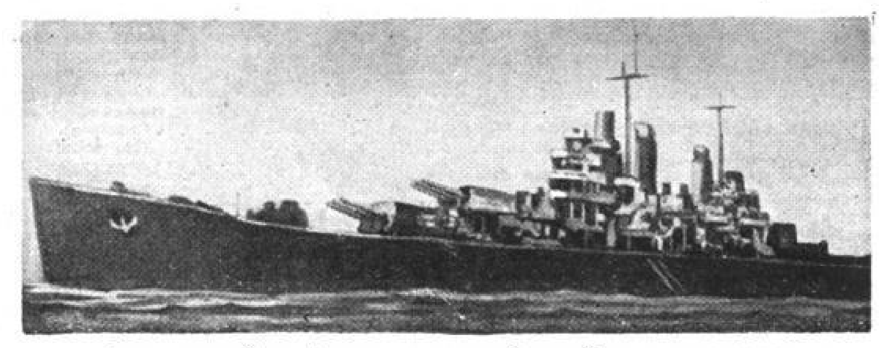
Катер настолько приблизился к крейсеру, что можно было без труда различить американцев, бегавших по палубе. С расстояния в 500 метров корейские моряки выпустили еще одну торпеду, она тоже попала в цель.

Вражеский снаряд взорвал бензиновый бак катера номер 24. Но экипаж не повернул к берегу. Доблестные моряки бросились еще раз в атаку и вышли из боя лишь тогда, когда стало ясно, что американский крейсер идет ко дну.

Ким Гун Оку и Ли Ван Гыну присвоено звание Героя Корейской народно-демократической республики, а их боевые товарищи награждены орденами и медалями.

Пять часов продолжался этот замечательный бой, показавший беспредельное мужество моряков Корейской народной армии.

К. Н.

Американский крейсер, потопленный корейскими моряками.

ДЕЛЕГАТЫ КОНГРЕССА МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА СТУДЕНТОВ

В Москву прибыли делегации студенчества Китайской народной республики, Корейской народно-демократической республики, Демократической республики Вьетнама, следующие в Прагу, на 2-й Конгресс Международного союза студентов. На снимке: делегаты Китая и Вьетнама на Ярославском вокзале.

Фото А. Гостева

Замечания по поводу...

Инсектарий, или «в мире насекомых»

Французский еженедельник «Аксьон» опубликовал доклад так называемого «международного комитета по изучению европейских проблем», свидетельствующий, что идея о проведении «операции с колорадским жуком» была подсказана Полем Рейно и др.

(Из газет)

В прессе шум. Немудрено!
В мире насекомых
Обнаружили... Рейно
И его знакомых!..

Крошка-жук и Поль Рейно,
«Крупная особа»,
Выступали заодно
И вредили оба.

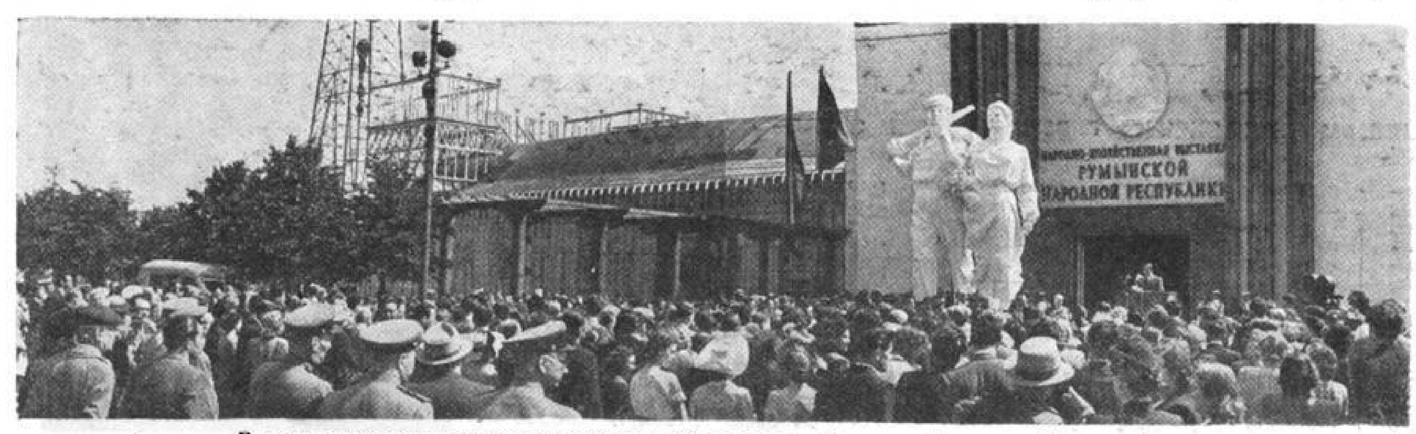
И картофельный жучок
И парламентарий
В тот же просятся сачок,
В общий инсектарий.

Но кого же поразит,
Что союзом братским
Европейский паразит
Связан с колорадским?!.

Эмиль КРОТКИЙ

НАРОДНАЯ РУМЫНИЯ В ТРУДЕ

В день открытия народнохозяйственной выставки Румынской народной республики.

Фото Г. Алексеева

Когда министр внешней торговли Румынской народной республики Александру Бырлэдяну перерезал красную ленту и первые посетители выставки заполнили огромный павильон, они услышали, как загудел прядильный станок. Возле него стояли гости из Румынии — Аника Ротару и Елена Попа.

Передовые работницы Бухарестской прядильной фабрики — обе награждены медалями Труда — удостоились чести демонстрировать на выставке в Москве усовершенствованный прядильный станок на 396 веретен, освоенный румынской промышленностью в нынешнем году. Этот станок — яркое свидетельство больших достижений Румынской народной республики. Так в любом отделе выставки.

Советские люди радуются успехам своих друзей в странах народной демократии. О героических трудовых усилиях румынского народа говорят не только станки, машины, нефтяная вышка, ткани. Мы знакомимся и с новыми хозяевами всех этих богатств, мы видим Румынию в труде. Среди экспонатов, посвященных угольной промышленности (добыча угля возросла в этом году на 41,5% по сравнению с 1948 годом), портрет шахтера Вильгельма Деака: он перевыполняет норму на 60—80%. В отделе, демонстрирующем достижения румынских нефтяников, мы узнаем о лучшем из них — механике Константине Сибичану. Портреты инженера-химика Бернарда Райсса, крановщицы мартеновского цеха Марии Кристой — строителей новой Румынии, украшают павильон, в котором представлены плоды их труда.

На многих экспонатах красуется надпись: «Изготовлено в 1949 году», «Освоено в 1950 году». И столь же часто встречаются машины, станки с табличками: «Чертежи и техническая помощь Советского Союза», «Построено с помощью СССР». Среди трудящихся Румынии широкое применение находит опыт стахановцев Советского Союза. Рассказывая об успехах строителей, выставка знакомит нас с Ионом Гуцулем, освоившим метод советских каменщиков.

Некоторые экспонаты не удалось доставить на территорию Центрального парка культуры и отдыха имени Горького, где разместилась народнохозяйственная выставка Румынской народной республики. Они для этого слишком громоздки. Чтобы осмотреть паровозы и вагоны, выпускаемые в Румынии, нужно проехать на Ярославский вокзал.

Тысячи советских людей побывали на выставке. Книга отзывов полна восторженных записей рабочих, ученых, студентов, офицеров. В этих записях слова искреннего привета, дружеских пожеланий новых успехов румынскому народу, строящему социализм, народу, который трудом своим вносит ценный вклад в дело укрепления мира.

Я. ЯКОВЛЕВ

Прядильный станок, освоенный румынской промышленностью в нынешнем году.

Зеленые переселенцы

Янтарной желтизной отсвечивают на солнце налитые прозрачным соком ягоды «баян-ширин» — одного из лучших узбекских сортов винограда. Будто легким инеем подернуты тяжелые черносизые гроздья «саперави» и «тавквери», переселенцев из солнечной Грузии.

Это плантации совхоза № 1, расположенного близ столицы Узбекистана. Совхоз издавна славится самыми высокими в Советском Союзе урожаями винограда.

Недавно знатные узбекские садоводы отправили со своих участков в Москву восемь двадцатипятилетних виноградных кустов.

Выемка их из грунта и транспортировка — сложное дело. Каждый куст вместе с землей и упаковкой весит около 5 тонн и несет от 60 до 100 гроздьев. Урожай с этих кустов снимут уже в Москве.

Погрузка виноградного куста вместе с землей.

Фото В. Сироткина

СТАРЕЙШИЙ ГОРОД НА АМУРЕ

Амурские берега словно раздвигаются, и пароход выносит вас к порту. Это Николаевск-на-Амуре, один из старейших русских городов на берегу Тихого океана. Здесь, по существу, и кончается Амур. Несколькими десятками километров ниже, за мысом Пронге, начинается уже лиман — ворота в Татарский пролив, к океану.

Ровно сто лет тому назад, 13 августа 1850 года, знаменитый русский мореход Геннадий Иванович Невельской с группой смелых товарищей вышел на здешний берег и под грохот ружейных салютов торжественно поднял на мысе Куегда государственный флаг России. Так был основан Николаевский пост. Отсюда и начинается история города на Амуре.

Царское правительство не склонно было поддерживать законное стремление русского народа, лучших его сынов освоить новые земли. С преступным равнодушием отнеслось оно к судьбе Амура, этой важной водной артерии, связывающей Сибирь с океаном. В ход были пущены ни на чем не основанные версии о том, что Амур несудоходен и устье его теряется в песках.

Г. И. Невельского, посмевшего перечить невежественным министрам, хотели разжаловать в матросы, а дело об Амуре было «высочайше приказано» оставить, как совершенно бесполезное. Потребовалась кипучая энергия талантливого морехода, прогрессивных людей России, чтобы исправить вопиющую несправедливость. На свой риск и страх, вопреки воле царских чиновников, осваивал русский народ восточные земли своей Отчизны. Однако, несмотря на очевидную важность Николаевска как порта, царское правительство мало заботилось о его развитии. По-настоящему этот город расцвел лишь в годы советской власти.

Японские интервенты, хозяйничавшие в Николаевске в 1918—1921 годах, разрушили его. За десятилетия, прошедшие со дня утверждения советской власти на Дальнем Востоке, город почти заново отстроен. Здесь возрождена существовавшая и создана новая промышленность, возникли оснащенные первоклассной техникой заводы, мастерские, обслуживающие богатейшие рыбные промыслы.

Свой юбилей патриоты города встретили на вахте мира. Здесь, вблизи Кореи, страны, подвергшейся нападению американских империалистов, люди особенно остро ощущают, сколь безмерно дорог нам мир, какая страшная опасность новой мировой войны нависла над человечеством, как важно сейчас еще больше крепить мощь нашей миролюбивой Родины. И они укрепляют ее трудом своим и разумом. Каждый из них — и знатный фрезеровщик судоремонтных мастерских Г. Колосовский, работающий уже в счет 1952 года, и старшина катера А. Шаповалов, выполнивший два годовых плана, и слесарь М. Макаренко, вдвое перекрывающий производственную норму, стахановцы заводов и рыбных промыслов — все они солдаты армии борцов за мир.

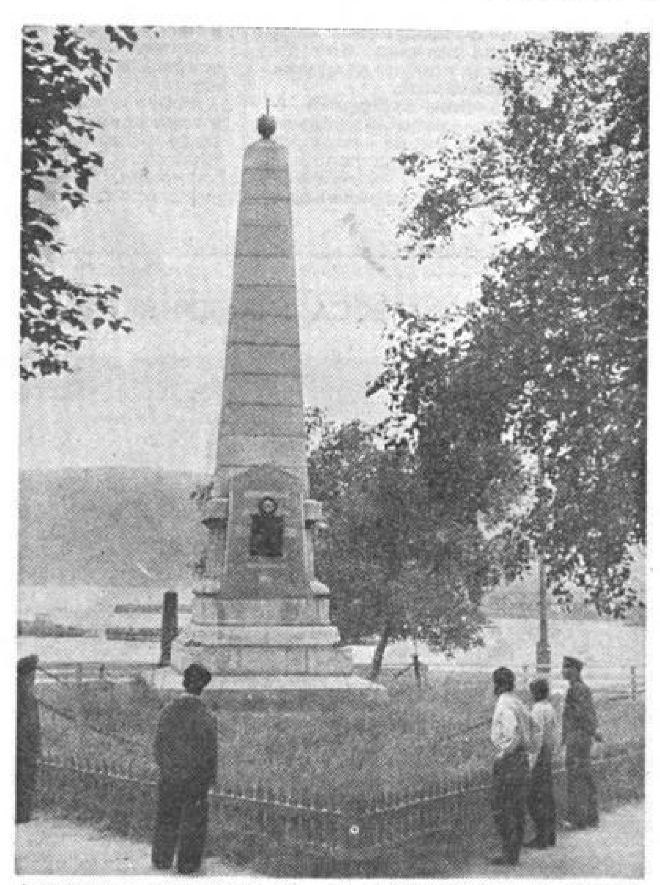
Мирно и счастливо течет жизнь в этом городе, раскинувшемся на краю советской земли. Многолюдно в городском театре, рабочих клубах, музее, в молодом сквере на берегу Амура, там, где высится памятник Г. И. Невельскому.

Есть в Николаевске старинные здания, которыми особо гордятся горожане.

На возвышенности, против морского вокзала, стоит дом, внешним видом напоминающий корабль. Это — мореходное училище. Тут готовят специалистов по вождению рыболовецкого флота. На мемориальной доске читаем: «Здесь с 1858 по 1865 год учился вице-адмирал С. О. Макаров». Нынешние воспитанники училища умножают славные традиции русского флота.

Столетие своего города патриоты Николаевска-на-Амуре отмечают новыми победами в труде, творчестве, учебе.

Ст. СМОЛЯКОВ

Памятник адмиралу Г. И. Невельскому в парке Николаевска-на-Амуре.

Фото В. Байдалова (ТАСС)

Выдающиеся спортивные результаты

На московском стадионе «Динамо» в День физкультурника

Старт бега на 200 метров. В круге — победитель соревнования Владимир Сухарев.

6 августа, в день праздника советских физкультурников, на московском центральном стадионе «Динамо» состоялись соревнования сильнейших легкоатлетов СССР при участии спортсменов Венгрии.

Первыми на беговую дорожку вышли 15-летняя ленинградская школьница Ирина Турова и опытная венгерская бегунья Ивонне Толнаи. Юная ленинградка успешно соревнуется в этом сезоне со взрослыми спортсменками. Так случилось и теперь, в беге на 100 метров. Стремительно и красиво преодолев дистанцию, Ирина Турова опередила партнершу. Время Туровой — 12,1 секунды — превышает всесоюзный рекорд для девушек. Этот блестящий результат повторяют затем Е. Сеченова и С. Мальшина.

Через час И. Турова стартовала на 200 метров. И снова выигрыш первенства с результатами, превышающими всесоюзный рекорд для девушек: 25,1 секунды. Успех талантливой школьницы — лишнее подтверждение того, какими богатыми резервами располагает советский спорт.

Прекрасными результатами порадовал и московский динамовец Владимир Сухарев: 100 метров он пробежал за 10,4 секунды, повторив всесоюзный рекорд Н. Каракулова, установленный два года назад. Первенствовал В. Сухарев и в беге на 200 метров. Эту дистанцию он пробежал за 21,4 секунды, превысив на 0,2 секунды старейший всесоюзный рекорд Р. Люлько, установленный в 1936 году.

Однако попутный ветер, несколько ускоривший бег участников соревнований, не дал возможности зафиксировать их выдающиеся результаты в качестве новых всесоюзных рекордов.

Одновременно с выступлениями бегунов шли соревнования на центральном поле и в легкоатлетических секторах стадиона.

Вот берет на ладонь ядро эстонский атлет Хейно Липп. Он заносит руку с грузом назад, вытягивает другую и делает мощный толчок. Ядро летит 16 метров 93 сантиметра. Это новый рекорд не только Советского Союза, но и Европы. Свой прежний всесоюзный рекорд Х. Липп превысил на 20 сантиметров.

Нина Думбадзе (Тбилиси) отлично метнула диск. Бросок был равен 50 метрам 24 сантиметрам. Результат этот лучший в мире для нынешнего сезона.

Успехов, превышающих национальные рекорды, добились и венгерские гости. Ольга Дьярмати пробежала 100 метров за 12,2 секунды, а Ивонне Иожане метнула диск на 42 метра 19 сантиметров.

В качестве зрителей на соревнованиях присутствовали также французские гости советских физкультурников — велосипедисты спортивной гимнастической рабочей федерации (ФСЖТ).

Французские спортсмены высоко оценили мастерство и советских легкоатлетов и футбольных команд динамовцев Москвы и Ленинграда, встретившихся 6 августа в очередном матче. После матча, закончившегося со счетом 2 : 0 в пользу ленинградцев, французы тепло поздравили победителей. Секретарь ФСЖТ Р. Гатеньо вручил капитану ленинградской команды «Динамо» П. Дементьеву от имени федерации памятный вымпел.

Е. ГАЛИНИН

Хейно Липп доволен результатом.
Фото Е. Умнова

«Приезжайте на новоселье!»

См. фото на 2-й стр. обложки

Укрупненные колхозы получили возможность по-новому, с более широким размахом решать вопросы благоустройства сел. Вот что рассказал по этому поводу начальник Ленинградского областного отдела архитектуры Н. А. Гуков:

— В Ленинградской области много деревень, испепеленных гитлеровцами, отстроено заново. После войны все усилия сельских строителей были направлены на то, чтобы покончить с землянками. Эта задача успешно решена. Теперь надо идти дальше. Крупным, объединенным артелям по плечу создание новых колхозных сел, которые, отвечая своей планировкой и архитектурой требованиям сельского быта, в то же время предоставляют все удобства городской жизни.

У нас, архитекторов, требовательные и строгие заказчики, люди бывалые, с хорошим вкусом, живущие в достатке и рассчитывающие жить еще богаче. Все это сказывается на характере заказов. Строить хотят по-колхозному — прочно, добротно, красиво, чтобы были довольны и самые юные и старики, чтобы и нужды производства были учтены и культурный отдых обеспечен.

Покажу это на примере одного колхоза.

Недавно артель «Искра», Лужского района, обратилась к нам в отдел с просьбой командировать архитектора. Укрупненный колхоз приступил к составлению перспективного плана развития своей артели на пять лет. Правлению важно было услышать мнение архитектора о генеральном плане: какую из семи деревень сделать центром будущего села? Какой характер жилых домов наиболее подходит для здешних мест? Где лучше заложить фруктовый сад?

— На какие средства можно рассчитывать при составлении проекта? — спросил, в свою очередь, архитектор Н. П. Гамов председателя правления.

— Средствами себя не ограничивайте. На хороший городок денег не пожалеем. Мы уже миллионеры, а в ближайшие годы доходы, пожалуй, утроятся, — последовал ответ.

— Что брать в расчет, проектируя новое село?

— Дворов у нас будет сотни три. Крупного рогатого скота — до тысячи голов. Тысяча овец, около трехсот свиней. Урожаи ожидаем высокие.

Члены артели высказали архитектору ряд пожеланий. Жилые дома должны быть из двух — трех комнат, с кухней и верандой; при доме — палисадник, ягодно-фруктовый сад, цветник. В животноводческих фермах надо предусмотреть полную механизацию. На окраине села можно построить парники и теплицы. Следует найти место для складских помещений, мастерских, гаража. Клуб со зрительным залом человек на 300 надо разместить в парке. Необходимо построить школу-десятилетку, а то сейчас дети старшего возраста ходят в соседнее село. Новые здания яслей и детского сада желательно расположить подальше от проезжих дорог: детишкам спокойнее. Центр села и главная улица должны быть застроены кирпичными домами. Само собой разумеется, водопровод, мощеные дороги, радио и телефон...

А вот как будет выглядеть село Горьковское, Рощинского района, генеральный план которого уже утвержден и общим собранием артели и исполкомом областного Совета.

Вдоль главной магистрали жилые кварталы с бульварами. В каждом доме две — три комнаты, передняя, кухня, кладовая. Клуб на 200 мест, парк культуры и отдыха со стадионом и спортплощадками. Медпункт и почта. Сельский магазин и чайная. Склады концентрированных кормов и минеральных удобрений. Село электрифицируется и радиофицируется, обеспечивается надежная телефонная связь колхоза с районным центром и Ленинградом.

Подобные же генеральные планы утверждены для большого числа колхозов.

Пройдет немного времени, и члены объединенных артелей Ленинградской области смогут сказать своим друзьям: «Приезжайте на новоселье!».

ДЛЯ УКРАШЕНИЯ НАШЕЙ ЖИЗНИ

В залах института размещены дипломные работы студентов — будущих художников прикладного и декоративного искусства.

На больших глиняных подносах, сверкая глазурью, стоят объемистые кувшины и такие же кружки. Хорошо в жаркий летний день напиться студеного молока или кваса из такой посуды!

Это дипломная работа М. Цвилиновой, студентки Московского института прикладного и декоративного искусства. Сочная роспись из цветов клевера, веточек вики, изумрудной травы тимофеевки превратила это изделие из глины в произведение искусства.

Студент С. Кравец спроектировал для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки фонтан из стекла высотой в восемнадцать метров. Вылитый из темнозеленого стекла, украшенный скульптурными изображениями представителей всех советских республик, фонтан будет освещен изнутри и озарит мощные потоки воды всеми цветами радуги.

Хотя в работе дипломанта еще не все совершенно, но знание материала и богатая фантазия художника подкупают самых строгих судей.

В нынешнем году институт выпускает квалифицированных специалистов по художественной обработке металла. Общее одобрение вызвала работа Л. Шатиловой. Это массивная дверь, украшенная бронзовым чеканным орнаментом и рельефами,— проект декоративного оформления главного входа в здание Моссовета.

Дипломная работа М. Галавтина — настольная лампа для читального зала Центрального дома Красной Армии — зрелое произведение художника - профессионала.

Б. Зотов. — Рабочий-новатор.

В тонких витражах из пластмассы и стекла работы Н. Гусева, Н. Ганф и других дипломантов ощущается веяние современности, стремление передать образ социалистической Москвы.

Декоративную скульптуру «Рабочий-новатор» высек из подмосковного камня Б. Зотов. Он предлагает украсить ею один из павильонов Сельскохозяйственной выставки.

В работах молодых специалистов отражены мирные устремления советской молодежи, забота об украшении каждого уголка родной земли.

Ф. ПЕЩАНСКАЯ

КОРОТКО

ФИЛИАЛ ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ организуется в Ленинграде. В лектории при филиале будут проводиться встречи юных читателей с писателями, учеными, путешественниками, знатными людьми страны. Намечено оборудовать читальни для детей младшего, среднего и старшего возрастов. Открывается кинозал. Музей детской книги ознакомит ребят с процессом создания книги.

СПЕЦИАЛЬНАЯ КЛИНИКА ТКАНЕВОЙ ТЕРАПИИ открывается в Ростове-на-Дону. Ею будет руководить врачноватор Г. Е. Румянцев. Он с успехом применил на практике метод тканевой терапии, разработанный выдающимся советским ученым лауреатом Сталинской премии В. П. Филатовым, и дальше развил его положения. Клиника рассчитана на 50 коек.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ открыта в залах Государственного музея изобразительных искусств Туркменской ССР. Представлено около 500 работ; среди них произведения художников Туркмении и других братских союзных республик — Узбекистана, Грузии, Армении, Белорусской и Эстонской ССР. Среди экспонатов скульптуры замечательные изделия мастеров художественного ремесла из серебра, золота, кожи. Демонстрируются также лучшие образцы туркменского коврового искусства — портреты В. И. Ленина и И. В. Сталина, Героев Советского Союза, писателей.

БАЛЬЗАК

(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

Сто лет прошло со дня смерти знаменитого французского писателя Оноре де Бальзака. Больше 120 лет прошло со времени выхода в свет его романа «Шуаны» (в 1829 году). Это была первая книга в грандиозной серии романов, рассказов и повестей из жизни французского общества первой половины прошлого века. Всю серию в целом писатель назвал впоследствии «Человеческой комедией».

Чем объясняется захватывающий интерес, с каким читают и по сей день Бальзака? Увлекательностью интриги? Но далеко не все произведения «Человеческой комедии» отличаются увлекательной интригой: если такие книги, как «Шуаны», «История тринадцати», «Блеск и нищета куртизанок», «Шагреневая кожа», полны неожиданных или необычайных событий, то ход событий «Отца Горио» или «Евгении Гранде» можно пересказать в нескольких словах. Еще меньше оснований считать, что Бальзак привлекает читателя тонкой отделкой художественной речи. Увлеченный обширным замыслом «Человеческой комедии», Бальзак из 143 задуманных им произведений успел за двадцать лет осуществить около 100. При такой спешной работе невозможно было, конечно, достигнуть того совершенства словесной отделки, каким отличались впоследствии произведения Флобера, работавшего над каждым своим романом по шесть — семь лет.

Бальзак увлекает читателя огромной жизненной правдой, заключенной в его книгах.

Произведения Бальзака насыщены точными сведениями о самых различных областях французской жизни времен Реставрации и Июльской монархии. Маркс и Энгельс высоко ценили художественное дарование Бальзака и познавательную значимость его книг. Так, Энгельс писал:

«Бальзак, которого я считаю гораздо более крупным художником-реалистом, чем все Золя прошлого, настоящего и будущего, в своей «Человеческой комедии» дает нам самую замечательную реалистическую историю французского «общества», описывая в виде хроники нравы, год за годом, с 1816 до 1848 года, все усиливающийся нажим поднимающейся буржуазии на дворянское общество... Он описывает, как последние остатки этого образцового для него общества постепенно погибли под натиском вульгарного денежного выскочки или были развращены им; как grande dame... уступила место буржуазной женщине, которая приобретает мужа для денег или нарядов; вокруг этой центральной картины он группирует всю историю французского общества, из которой я узнал даже в смысле экономических деталей больше... чем из книг всех профессиональных историков, экономистов, статистиков этого периода, взятых вместе».

Хорошее знание судейской и адвокатской среды, знакомство с законодательством, с бытом и нравами законников, которое было приобретено писателем в нотариальной конторе, где он в юности готовился к карьере юриста, сразу чувствуется в таких произведениях, как «Брачный контракт», «Дело об опеке», «Полковник Шабер» и многих других. Опыт, приобретенный Бальзаком в качестве неудачливого владельца типографии и фабриканта дешевой бумаги, дает себя знать на страницах «Утраченных иллюзий», где Бальзак не скупится на технические подробности, рассказывая о типографии Давида Сешара и о его изобретении в области бумажного производства. Крах, постигший Бальзака-типографа, финансовые неудачи, неизменно сопровождавшие все попытки Бальзака выступать в качестве дельца, доставили автору «Человеческой комедии» прекрасный материал для таких книг, как «Величие и падение Цезаря Бирото» или «Банкирский дом Нюсинжена». Нечего и говорить об изображении быта и нравов писателей, журналистов, актеров в «Утраченных иллюзиях» — здесь каждая деталь поражает своей достоверностью.

Не ограничиваясь своим личным жизненным опытом — опытом обширным и разнообразным,— Бальзак с неиссякаемым творческим любопытством присматривался и к аристократическим особнякам Сен-Жерменского предместья и к лачугам рабочей окраины. Он подробно изучал жизнь современной ему деревни, что с такой глубиной сказалось в его романе «Крестьяне».

Об этой книге Маркс писал: «...Бальзак, вообще замечательный по глубокому пониманию реальных отношений, метко изображает, как мелкий крестьянин даром совершает всевозможные работы для своего ростовщика, чтобы сохранить его благоволение, и при этом полагает, что ничего и не дарит ростовщику, так как для него самого его собственный труд не стóит никаких затрат. Ростовщик, в свою очередь, убивает таким образом двух зайцев зараз. Он избавляется от затрат на заработную плату и все больше и больше опутывает петлями ростовщической сети крестьянина, которого все быстрей разоряет отвлечением от работ на собственном поле».

Вряд ли можно найти хотя бы одного из западных писателей, современных Бальзаку (а среди них были Диккенс и Стендаль), кто достиг бы такой глубины и широты социально-исторических обобщений, как создатель «Человеческой комедии».

Ростовщик Гобсек, некоронованный король Парижа, держащий в своих цепких руках человеческие судьбы и умирающий в жалком одиночестве среди гниющих груд колониальных товаров,— не только типичный ростовщик. Скряга Гранде, уморивший свою жену, искалечивший жизнь своей юной дочери из-за бессмысленной скаредности,— не только типичный скряга-накопитель. Банкир Нюсинжен, строящий свое благосостояние на спекуляциях и злостных банкротствах, на сознательном разорении своих доверителей,— не только типичный проходимец-банкир. В Гобсеке, в Гранде, в Нюсинжене воплотилась типичная черта буржуазного общества — страшная власть денег, убивающих в человеке все живое.

Развращенность, цинизм, холодный расчет вскрывает Бальзак и в политической жизни буржуазной Франции; вспомним, например, хотя бы письмо авантюриста де Марсе («Брачный контракт»), где, сообщив неудачнику-другу о своем намерении перейти от любовных авантюр к авантюрам политическим, в сообществе с высокородными приятелями, де Марсе добродушно предлагает поддержку своему адресату: «Умудренные опытом, мы собираемся трясти с деревьев спелые сливы. Присоединись к нам! На твою долю достанется кусок пудинга, который мы состряпаем».

Такую же теорию «пудинга» преподают герою «Утраченных иллюзий», молодому поэту Люсьену Шардону, парижские журналисты. Они обучают его искусству полемизировать с самим собой на страницах двух враждебных друг другу газет, писать пасквильные рецензии, в душе восхищаясь рецензируемой книгой, и, наконец, откровенно вымогать деньги у издателей, угрожая разгромом выпущенного ими издания.

Закон и суд в «Человеческой комедии» так же склоняются перед денежными расчетами, как пресса и политика. В «Деле об опеке» растратчица-жена, опираясь на свои светские связи, заводит дело о назначении опеки над своим мужем, чтобы тем свободнее растрачивать остатки семейного состояния,— и суд отстраняет от дела честного следователя, осмелившегося противодействовать разыгравшимся аппетитам знатной дамы. Комедия буржуазного суда великолепно показана Бальзаком и в романе «Блеск и нищета куртизанок».

Во многих произведениях Бальзака, казалось бы, разрабатываются сюжеты чисто семейного характера. Так, в «Отце Горио» Бальзак повествует об одинокой старости отца, брошенного своими дочерьми, которым он пожертвовал всем, что у него было. В «Евгении Гранде» Бальзак почти не выводит читателя из стен дома, где проживает старик Гранде со своей женой и дочерью. В «Брачном контракте» рассказана история одного несчастного брака. Целая группа произведений Бальзака носит название «Сцены из частной жизни». Но самые укромные уголки частной жизни освещены мыслью Бальзака о буржуазном обществе в целом.

Стóит только лишить любое из подобных произведений его социальных мотивов — и оно распадется на части, утратит основной смысл. История Евгении, рванувшейся навстречу жизни из мрачного дома своего отца, а затем добровольно обрекшей себя, уже после его смерти, на монотонное прозябание, потеряла бы свою жизненную основу, не покажи в своей книге Бальзак рядом с Евгенией провинциального накопителя старика Гранде, а вдалеке — колониального хищника и парижского карьериста Шарля. Судьба папаши Горио и его сотрапезников, обитателей меблированных комнат на одной из самых захолустных улиц Парижа, теснейшим образом связана и с каморкой Гобсека, и с салоном виконтессы де Босеан, и с канцелярией тайной полиции.

Не раз обращаясь в своих книгах к внутреннему миру художников и мыслителей, Бальзак с беспощадной трезвостью показывает всю иллюзорность «свободного творчества» в условиях буржуазного общества. Поэта-романтика Люсьена развращает литературная среда Парижа. Его друг Давид Сешар, осуществив свое изобретение, попадает в лапы типографов-конкурентов. Химик Балтазар Клаэс осужден из-за своей страсти к науке на долгие годы одиноких исканий и на разорение, почти нищенство.

Бальзак в большинстве своих произведений спокойно, почти бесстрастно производит обзор французской жизни своего времени. О Растиньяке, который на протяжении нескольких книг «Человеческой комедии» превращается из скромного студента в преуспевающего карьериста и хищника, Бальзак порой говорит даже как бы благожелательно. Но такова сила бальзаковского реализма, что «Человеческая комедия» в целом звучит как страстный памфлет.

Образы, созданные Бальзаком, настолько сильны своей правдивостью, что приобретают как бы самостоятельное, независимое от автора существование. Это свойство реализма Бальзака тонко почувствовал Горький: «...совершенно поражен был я, когда в романе Бальзака «Шагреневая кожа» прочитал те страницы, где изображен пир у банкира и где одновременно говорят десятка два людей, создавая хаотический шум, многогласие которого я как будто слышу. Но главное — в том, что я не только слышу, а и вижу, кто говорит, вижу глаза, улыбки, жесты людей, хотя Бальзак не изобразил ни лиц, ни фигур гостей банкира».

По своим политическим взглядам Бальзак не принадлежал к передовым людям своего времени, он был легитимистом — приверженцем старой, «законной», королевской династии Бурбонов и связанного с ней аристократического общества. Но, как отмечал Энгельс, «...его сатира никогда не была более острой, его ирония более горькой, чем тогда, когда он заставляет действовать аристократов, мужчин и женщин, которым он глубоко симпатизирует. Единственные люди, о которых он говорит с нескрываемым восхищением, это его наиболее ярые противники, республиканские герои... люди, которые в то время (1830—1836) были действительно представителями народных масс».

Среди огромного количества персонажей Бальзака можно насчитать лишь несколько, изображенных как положительные герои. Из них самый светлый, благородный образ — это образ республиканца Мишеля Кретьена в «Утраченных иллюзиях». Близок к Мишелю Кретьену по своему благородству и человечности разве лишь скромный герой «Обедни безбожника», водонос Буржа. Правда, Мишель Кретьен — блестящий мыслитель, а Буржа — темный, неграмотный человек; правда, Мишель Кретьен — республиканец, передовой деятель своего времени, политический борец, а Буржа далек от какой бы то ни было политической борьбы. Но неграмотный водонос, уверовавший в научное призвание нищего студента-медика и обрекший себя на полуголодное существование, лишь бы дать ему возможность учиться,— это поэтический образ, в котором сочетается народный героизм и глубокое уважение народа к передовой мысли.

Католическая церковь внесла романы Бальзака в список запрещенных книг. Западная реакционная критика травила Бальзака при его жизни, отвергает либо фальсифицирует его и в настоящее время. Реакция ненавидит Бальзака. Иначе и не может быть: его реалистическое искусство свидетельствует против неправды буржуазного строя.

Валентина ДЫННИК

Эжени Коттон — борец за мир

Н. ПАРФЕНОВА,
заместитель председателя Антифашистского комитета советских женщин

1

Недавно французская реакция возбудила судебное преследование против Эжени Коттон. Ее обвиняют ни больше ни меньше, как «в подстрекательстве к мероприятиям, направленным на деморализацию армии и нации», то есть, по существу, в государственной измене.

Чудовищная нелепость этого обвинения настолько самоочевидна, что не стоит тратить слов на его опровержение. Французский народ, все свободолюбивое человечество знают Эжени Коттон как горячую патриотку, верную дочь Франции, как крупного ученого и выдающегося общественного деятеля. Эжени Коттон активно участвовала в движении народного сопротивления фашистским оккупантам. В наши дни она энергичный и стойкий борец за мир. Эти заслуги Эжени Коттон перед делом мира и демократии вызывают чувство глубокой симпатии и уважения к ней миллионов честных, передовых людей во всех странах.

Эжени Коттон и «деморализация нации» — понятия несовместимые, коренным образом исключающие друг друга. В обвинении, которое предъявили Эжени Коттон потерявшие совесть судейские чиновники, действующие по указке своего американизированного начальства, нет ни проблеска логики, ни доли здравого смысла.

Это обвинение продиктовано слепой, бешеной ненавистью и страхом поджигателей войны перед силами мира. Оно служит еще одним свидетельством бессилия реакции, прибегающей к самым подлым средствам в своих безнадежных попытках сдержать могучее стремление народов к миру, к свободе и счастью.

2

Ничто, пожалуй, не отражает столь ярко историческую обреченность империалистических торговцев смертью, как тот факт, что в борьбе за мир и демократию сплотились все люди доброй воли, независимо от расы и национальности, общественного положения, политических и религиозных воззрений.

Эжени Коттон — достойная представительница многомиллионной армии поборников священного дела мира.

Жизненный путь, пройденный Эжени Коттон, показателен, типичен для лучших представителей западноевропейской интеллигенции. Доктор физических наук, верная помощница своего мужа, известного ученого, заботливая мать, она до второй мировой войны отдавала все свои силы научной работе и семье. Вопросы политической жизни лежали, казалось, вне круга ее интересов. Воспитанная в стенах Севрской нормальной школы, связанная с такой консервативной женской организацией, как «Ассоциация женщин с университетским образованием», Эжени Коттон в течение нескольких десятилетий отдавала дань ложной традиции так называемой аполитичности науки.

Но суровые испытания освободительной войны народов против фашизма раскрыли глаза Эжени Коттон. Она увидела, как крикливые проповедники пресловутой «аполитичности» бесстыдно и нагло продавали и предавали свой народ, свою родину. Она поняла,

Эжени Коттон.

что в ожесточенной битве между фашизмом и прогрессом, смертью и жизнью нет и не может быть нейтральной позиции. Или с гитлеровцами и прислуживающей им французской реакцией или с народом — третьего не было дано.

И, повинуясь голосу своего пламенного сердца, своей кристально чистой совести, Эжени Коттон без колебаний стала на сторону борющегося народа. Дважды гитлеровцы арестовывали ее 72-летнего мужа. Гестаповцы охотились по пятам за ее сыном, который был известен среди партизан как отважный командир Жерар. Эжени Коттон мужественно переносила все треволнения, лишения и опасности, выпавшие на ее долю. Помогая чем только можно было движению сопротивления, она была одной из первых среди тех, кто самоотверженно сколачивал в подполье, в борьбе против оккупантов, массовую демократическую организацию — Союз французских женщин. На первом конгрессе этого Союза, состоявшемся в 1945 году, Эжени Коттон была единодушно избрана его председателем.

Война окончилась, но Эжени Коттон, памятуя ее уроки, не сложила оружия. Она хорошо помнила сама и звала других не забывать о Мюнхене и Виши. Она не ошибалась насчет целей политики американских империалистов, которые сначала, во время войны, предоставили Францию ее тяжелой доле, а затем пытались нагло присвоить плоды победы, добытой французским народом прежде всего благодаря героической борьбе советского народа.

Тот факт, что французская реакция пошла в услужение к Уолл-стриту и стала вновь торговать честью и достоянием Франции, будил тревогу в душе честной патриотки. Эжени Коттон ясно видела, как под крылышком заокеанских гостей, державшихся, словно хозяева, на французской земле, вновь поднимает голову и наглеет реакция, оживает милитаризм, идет наступление на жизненные интересы трудящихся.

Поняв, что борьба за мир и демократию продолжается, Эжени Коттон выступила с предложением о создании международной женской демократической организации.

В ноябре 1945 года в Париже собрался первый Международный конгресс женщин-демократок. Он основал Международную демократическую федерацию женщин, объединившую 80 миллионов тружениц 40 стран. Председателем федерации была избрана Эжени Коттон.

Так, навсегда покончив со своим прошлым затворничеством, Эжени Коттон вышла на арену большой политической деятельности, на арену борьбы за дело мира и прогресса.

3

«Мы торжественно клянемся,— гласила клятва, единогласно принятая первым конгрессом Международной демократической федерации женщин, — неустанно бороться за обеспечение прочного мира во всем мире, как единственной гарантии счастья наших детей и счастья наших семей». Эжени Коттон всей своей деятельностью вносит ценный вклад в эту священную борьбу миллионов трудящихся женщин.

Неисчерпаема энергия этой уже пожилой женщины. Ее выразительное лицо с большими вдумчивыми глазами знакомо миллионам людей. Ее записная книжка испещрена датами многочисленных выступлений, встреч, собраний, митингов. За последние годы ее можно было увидеть на конгрессах и конференциях в Риме и Стокгольме, в Праге и Будапеште, в Москве. Всюду она призывает к дальнейшему сплочению и повышению боеспособности сил мира, ощутимо способствуя этому своей большой организаторской работой и страстным, убеждающим словом. И всегда — обращаясь ли к деятелям Международной демократической федерации женщин или к десяткам тысяч простых людей на митингах — она зовет к отпору поджигателям войны, к срыву кровавых замыслов американских последователей людоеда Гитлера, новоявленных претендентов на мировое господство.

Как прогрессивный общественный деятель и крупный ученый, руководитель исследовательской работы в Национальном научно-исследовательском институте, Эжени Коттон решительно выступает против милитаризации науки. «Это бессовестные и бесчестные люди», — говорит она об ученых — прислужниках монополий, отдающих свои знания черному делу изготовления орудий массового истребления людей. Призывая к запрещению атомной бомбы, Эжени Коттон заявила от имени миллионов женщин: «Женщины согласны принести в жертву ради спасения своей страны, подвергшейся вторжению, драгоценную жизнь двадцатилетнего сына, вырастить которого стóило так много труда; но они никогда не согласятся с диким истреблением беззащитного населения, совершаемым по распоряжению бесчестных людей».

Когда слушаешь выступления Эжени Коттон, ее пламенная ненависть к поджигателям войны, презренным врагам человечества, зажигает сердце. Эта ненависть естественно и закономерно сочетается у Эжени Коттон с горячей, истинно материнской любовью к простому трудящемуся человеку. Выражая единодушную волю женщин всех стран, она решительно заявила с трибуны первого Всемирного конгресса сторонников мира: «Мы никогда не отдадим жизнь наших детей для защиты интересов американских трестов!» Эжени Коттон играет почетную и видную роль в международном движении в защиту мира. Являясь вице-председателем Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, она неутомимо и страстно разоблачает поджигателей войны, срывает с них фальшивую маску миролюбия, раскрывает истинное существо их провокационных маневров.

Не раз Эжени Коттон отвечала правдивым, гневным словом на клевету агентов империализма, пытающихся извратить цели и характер внешней политики Советского Союза. Эжени Коттон говорила: «Сознательные женщины хорошо знают, что опасность войны не может исходить от великой страны, которая внесла в Организацию Объединенных Наций предложение о сокращении вооружений и запрещении атомной бомбы».

Указывая на привязанность и любовь простых людей всех стран к Советскому Союзу — знаменосцу мира, — Эжени Коттон подчеркивала, что «это — результат глубокой благодарности стране, которая отдала для общей победы над фашизмом кровь миллионов своих детей. Это — выражение благодарности миллионов мужчин и женщин великому народу, совершившему революцию 1917 года, первым начавшему борьбу за то, чтобы власть действительно принадлежала народам. СССР — это страна, где великая мечта о социализме, живущая в сердцах всех людей доброй воли, стала действительностью».

И кому из сторонников мира, из поборников демократии не понятны та гордость и то удовлетворение, с какими Эжени Коттон констатировала на втором конгрессе Международной демократической федерации женщин,

что «чувство дружбы женщин мира и солидарности их с советскими женщинами растет с каждым днем».

4

Эжени Коттон начала активную политическую деятельность в рядах демократического, антиимпериалистического лагеря, убеленная сединой, будучи уже зрелым и, казалось, вполне сложившимся в своих убеждениях, принципах, чертах характера человеком. Но такова вдохновляющая сила идей борьбы за мир, за демократию, что под их благотворным влиянием в облике Эжени Коттон произошли за последние годы многие замечательные изменения, поднявшие ее на новую, высшую ступень боевой общественной деятельности.

Эжени Коттон сама рассказывала о том, как она решительно,— правда, с болью в сердце, — порвала со своими многолетними друзьями по «Ассоциации женщин с университетским образованием», которые обвиняли ее за участие в демократическом движении во всех смертных грехах и пытались тянуть назад, «к черным теням прошлого».

В 1946 году Эжени Коттон заявила в своем открытом письме, что, хотя она не коммунистка, она горда тем, что идет вместе с французской коммунистической партией, ибо это единственная честная французская партия, ибо это люди, которым принадлежит будущее, а она, несмотря на свои годы, слишком любит жизнь и людей, чтобы не идти вперед. «Вот почему,— писала Коттон,— я иду и буду идти с коммунистами».

* * *

Летом этого года Союз французских женщин, возглавляемый Эжени Коттон, выпустил плакат, призывающий прекратить позорную и преступную колониальную войну против народа Вьетнама. Французская реакция воспользовалась этим поводом для того, чтобы попытаться расправиться с мужественной, благородной поборницей мира и демократии. Ее привлекли к судебной ответственности. Ей стали угрожать суровой карой.

Но Эжени Коттон не дрогнула. Выходя из кабинета судебного следователя, она заявила во всеуслышание: «Я отстаиваю свои права на честь участвовать в борьбе за защиту мира, которую ведут французские матери».

Весь французский народ, прогрессивная общественность всех стран, в том числе и Советского Союза, выступили с негодующим протестом против преследования Эжени Коттон. В защиту ее решительно подали свой голос миллионы людей в Англии и Китае, Голландии и Экваториальной Африке, Германии и Вьетнаме, Польше и Мексике — во всех концах земли.

Что бы ни делала реакция, на какие бы провокации, преступления и акты агрессии ни шли американские поджигатели войны и их угодливые приказчики в правительствах маршаллизированных стран, — им не запугать сторонников мира, не ослабить волю народов к борьбе за мир.

Плакат, выпущенный Союзом французских женщин и послуживший поводом для судебного преследования против Эжени Коттон.

Текст на плакате гласит:

«Матери, вместе с Союзом французских женщин требуйте, чтобы был возвращен экспедиционный корпус и положен конец войне во Вьетнаме!

Нет, ты не дашь себя завербовать!

Мы ответственны за наших сыновей. Мы не хотим оплакивать их, убитых или искалеченных. Требуйте, чтобы им была предоставлена работа во Франции!».

Долорес

Из поэмы

Хуан РЕХАНО *

О сердце чистое Советского Союза,
Из стали Сталина металл твой драгоценный,
Ты мужества и нежности полно!
Дозволь и мне, Советская земля,
Ступив мечтой на берег твой священный,
Прославить юность вечную твою.

Как будто уж столетья существует
Твой зрелый героизм и то сиянье,
Что излучает солнце нив твоих.
Его лучи открыли человеку
Неведомые дали... Ты стоишь
На страже мира башней неприступной...

Я вижу, как расправила ты мощно
В дыму заводов молодые плечи,
Как целину степей необозримых
Взрывает трактор с радостною песней.
И вижу шахты, школы и сады,
Весь твой цветущий мир, и над тобою
Я вижу солнце новой, светлой жизни,
Улыбку мудрости и доброты,
Твою улыбку,
Вождь,
Учитель
Сталин!

И ты, Долорес, ты родник живой
Всей нашей жизни, ты дыханье наше,
В твоих глазах огонь души народной,
Ты ленинским и сталинским призывам
Верна во всем... Ты учишь нас надежде,
Ты скорбный день изгнанья призываешь
Укоротить оружием борьбы...

Все, что в Испании непреходяще,
Что вечно в ней, смотри, к тебе взывает
И ждет тебя... Ты видишь, Пиренеи
Тысячелетние вздымают плечи,
Подземные раскаты сотрясают
Теснины их, ущелья и снега!

Тебя зовет в Астурии сосна,
Кастильский вяз и патриарх лесов —
Ветвистый дуб, — равнины и холмы,
Оливы Андалузии и тополь
На берегу Дуэро, там, где в ссылку,
Как мы, изгнанник, уходил когда-то
Воитель Сид с дружиною своей.
Тебя зовут те сумрачные дали,
Где синей лентой вьется Гвадиана.
Там странствует теперь, как в дни былые,
Безумный рыцарь, строгий и печальный, —
Он ищет правду на земле, но в ней
Отказано испанскому народу,
Его народу, твоему народу!

О сколько их, таких воспоминаний,
Живых сокровищ творческой души,
Обломков копий, все еще хранящих
И жар и трепет отгремевших битв...
Огромный холм из них сложить мы можем.
Там, на вершине, аркою победной
Воздвигнем мы величие твое,
Твою любовь к родной Земле, к свободе,
Весь подвиг твой, бессмертный подвиг жизни,
Долорес,
мать испанского народа!

Перевел с испанского
Федор КЕЛЬИН

---

* Поэт-коммунист Хуан Рехано во время испанской войны 1936 — 1939 годов был редактором газеты «Френте рохо». После временного поражения республиканской Испании эмигрировал в Мексику.

Поэма «Долорес» недавно напечатана в органе испанской компартии «Мундо обреро».

Киев. Площадь имени И. В. Сталина.

Фото С. Фридлянда и Н. Козловског

Колхоз имени И. В. Сталина, Черкасского района. Бригадир колхозной бригады строителей Матвей Федосеевич Любченко.

Киев. На восстановлении Крещатика. Знатный каменщик Федор Иванович Кравчук.

ПОДРУЖКИ. Фотоэтюд П. Павлова

ДЕЛЬТА ИКС

Рассказ

Сергей **АНТОНОВ**

Рисунки О. Верейского

Коридор в общежитии был такой длинный, что когда по субботам уборщицы скатывали зеленую дорожку, рулон получался высотой с дюжего выпускника. По обе стороны коридора шли двери, разделанные под дуб, и на каждой из них виднелись таблички с фамилиями студентов, расположенные на одинаковой высоте. Фамилии были написаны тушью на аккуратных квадратиках слоновой бумаги шрифтом номер десять, с наклоном букв в семьдесят пять градусов, как требуется по стандарту.

Этот строгий, безмолвный коридор с медными ручками на дверях, начищенными, как на корабле, внушал новичкам такое уважение и робость, что они проходили по зеленой дорожке на цыпочках.

Однако у тех, кто подходил к двери 316-й комнаты, уважение к общежитию несколько уменьшалось. На табличке было написано:

Здесь много мальчиков приятных,
Здесь много ласковых имен,
Здесь Светловидов и Бесчастных,
Крылов и Нерестов Семен.

Впрочем, и эта надпись была сделана шрифтом номер десять и с наклоном букв в семьдесят пять градусов, как это требуется по стандарту.

Целый день коридор был пустынен и тих. Только с восьми до половины девятого утра он наполнялся топотом бегущих занимать очередь в умывальнях, да с трех до четырех часов дня шли с занятий студенты с учебниками, тетрадками, с трубками кальки или миллиметровки, а то и с томиком романа, который читался во время скучной лекции где-нибудь на самой задней скамейке.

Начиная с двенадцати часов ночи за стеклянными фрамугами дверей один за другим гасли огни. Это значило, что задачки из Мещерского решены, очередная глава сопротивления материалов прочитана, брюки для сохранения складок положены под матрацы, а будущие инженеры видят во сне или сестренку, кормящую кур возле избы, окруженной березками, или отца, шагающего по широкому, как улица, заводскому двору. Только в двух — трех комнатах у студентов последнего курса свет упрямо горит до трех, а то и до четырех часов ночи.

Однажды вечером, в горячее время подготовки к весенним экзаменам, в комнату № 316 направлялись член редколлегии стенной газеты «Спидометр» Глеб Васнецов и член профкома автомобильного факультета Вера Бессонова. Редколлегия совместно с профкомом решила обследовать, как распределяются внеучебные часы у студентов.

Вера завела тетрадку с листами, разграфленными на узкие колонки. В первой колонке была надпись: «Подготовка к занятиям». Дальше шли графы: «Культурный отдых», «Общественная работа», «Быт» (баня, еда и прочее), «Сон», «Больные», «Отсутствуют в общежитии» и, наконец, «Бессмысленное препровождение времени».

Несмотря на то, что Глебу нужно было готовиться по механике — до него дошла очередь по алфавиту, и строгий доцент завтра обязательно вызовет,— Глеб с радостью согласился принять участие в этой работе. Когда проверочная комиссия разбивалась на группы по два человека, Глебу пришлось затратить немало ума и хитрости, чтобы незаметно для всех и как будто случайно оказаться в паре с Верой Бессоновой. А попасть в пару с Верой Глебу было необходимо потому, что он собирался пригласить ее в кино. Однако прежде чем сделать такое приглашение, он решил, наконец, точно выяснить отношения между Верой и старостой 316-й комнаты Семеном Нерестовым. Во время проверки для этого представлялся прекрасный случай. Если Вера в 316-й комнате будет совершенно объективна, то между ней и Нерестовым, естественно, ничего нет. Если же она отнесется с пристрастием и всех живущих там попытается внести в графу «подготовка к занятиям», то «Юность мира» Глебу придется смотреть одному.

Вера училась на первом курсе, в той же группе, где и Нерестов. Это была смуглая, черноволосая девушка с голубыми глазами. Она ходила, по школьной привычке, в глухом платье, на котором белел кружевной воротничок. Полные губы ее были всегда немного надуты, словно она сердилась на то, что слишком красива и красота эта доставляет ей массу хлопот.

Еще в первом семестре, когда Вера не могла понять самых элементарных вещей, касающихся устройства автомобиля, и на собрании группы выделили Семена помогать ей после занятий, Глеб заметил какую-то непонятную странность в отношениях между ними. Однажды, проходя мимо автомобильной аудитории, он услышал мерный бас Семена:

— А эти тяги куда идут?

Глеб заглянул в дверь. В аудитории горели все двадцать четыре лампочки. На стенах висели большие схемы новых моделей автомашин. Вера стояла, опустив голову, возле цементного стенда, на котором помещалось шасси автомобиля. Семен сидел за первым столом, утопив в волосах свои толстые пальцы, в позе полнейшей безнадежности. Кроме них в аудитории никого не было.

Глеб вошел, сел поодаль и рассеянно открыл книгу.

— Я лучше по чертежам расскажу, Сеня,— говорила Вера.

— Зачем по чертежам?..— возражал Семен.— По книжкам да по чертежам ты все наизусть знаешь. А ты вот на живом автомобиле покажи.

Вера дотрагивалась до тяги, до кардана, до рамы так робко, словно боялась сделать железу больно.

— Вот сейчас ты тычешь указкой в тормозной барабан,— говорил Семен усталым голосом,— а вон там тормозные колодки. Их надо регулировать, чтобы они нажимали на колеса равномерно и одинаково. Вот. А то может занести машину...— и Семен рассказал длинную историю о том, как в прошлом году, когда он возил к элеватору зерно, на его машину чуть не наскочила полуторка, потому что у нее левое колесо крутилось, а правое шло юзом.

— Как это юзом? — спрашивала Вера.

Семен грустно смотрел на нее и вздыхал.

— Прочитала Чудакова, и все,— говорил он,— а как практики коснешься,— ничего не понимаешь. И зачем тебя мама записала на автомобильный факультет? Она астроном и тебя пустила бы по астрономии...

— Я сама решала, куда мне поступать...

— Ведь вот стартер откажет, ты и не сумеешь машину завести.

— А ты до сих пор не понимаешь, что такое бесконечно малая величина. Ну, что такое дельта икс? Ну?..

— Что ну? Покажи мне эту дельту икс, чтобы я ее пощупать мог.

— Так обозначается бесконечно малая величина,— ядовито замечала Вера,— ее нельзя пощупать. Ее надо понимать.

— Выдумали ваши астрономы и математики все эти бесконечности, интегралы, дифференциалы. Вот в машине дифференциал — деталь ясная и понятная. Диффер — и всё... Ладно, показывай по чертежам.

Вера не оборачивалась и молчала. Семен ерзал на стуле и наконец несколько виноватым тоном говорил:

— А ведь не станешь рассказывать, так я и уйду.

Вера молчала.

— Ну и ладно,— заключал Семен и отправлялся в общежитие.

Вера садилась на его место, открывала книгу, но не читала ее, а, не отрываясь, смотрела на схемы машин, которые будут выпускать в этом году Московский, Ярославский, Горьковский, Минский автомобильные заводы... Как много существует всяких машин, и все они разные... Глеб считал неудобным предложить ей свою помощь. Он учился в другой, «параллельной» группе, и они виделись с Верой только на общих лекциях и, работая агитаторами перед выборами, изредка встречались в агитпункте.

Минут через десять возвращался Семен.

— Опять снега навалило,— басил он,— все дороги в снегу. По такой дороге только на третьей передаче поедешь... а то и на второй...

— Снег все идет? — примирительно спрашивала Вера.

— Идет. Читаешь?

— Читаю.

— Про карбюратор?

— Про карбюратор.

— Все понятно?

— По книжке все понятно.

— А на практике?

Вера молчала.

— Ну, подожди. Ты сиди, я сам тебе покажу.

Семен брал с полки модель карбюратора, и Глеб снова слышал его густой бас:

— А жиклер надо регулировать вот так. Вот. Чем лучше его отрегулируешь, тем меньше спалишь горючего...— и Семен рассказывал длинную историю о том, как зимой все эмтээсовские шоферы просили его регулировать жиклеры, потому что, по его словам, в этом деле он был великий специалист.

— Подожди,— прерывала его Вера,— дай-ка теперь я попробую показать составные части шасси.

— Ты же хотела по чертежам? Ты ведь ничего не поймешь на практике...

— Нет, пойму. Вот эти винтики...

— Болты, а не винтики. Это не швейная машина, а автомобиль. Давай рассказывай по книжке про карбюратор.

— А в книжке те самые дельты, в которых ты ничего не смыслишь...

И через несколько минут они снова ссорились.

К великому удивлению Семена, на экзаменах по описательному курсу автомобиля Вера получила пятерку. Однако и после этого они только за тем и собирались, чтобы поспорить и поссориться.

Глеб понимал, что ссоры еще не означают отсутствия дружбы и даже любви. Но полную ясность могло внести только поведение Веры в 316-й комнате. Вполне понятно поэтому, что Глеб подходил к этой комнате с некоторым волнением. Он даже надел свой новый костюм, сшитый из какого-то необыкновенного материала, потому что решил ехать с Верой в кино сразу же после обследования.

Вера постучала в дверь, и они вошли.

316-я комната ничем не отличалась от других комнат студенческого общежития. Вдоль боковых стен, выкрашенных масляной краской, стояли четыре одинаковые никелированные кровати, покрытые одинаковыми полосатыми одеялами. К ножке каждой кровати были прикручены проволокой овальные жестяные бляхи с названием института и четырехзначным инвентарным номером. Между кроватями стояли тумбочки, посреди комнаты стол, а у двери шкаф. И только на тумбочке Светловидова находился предмет, которого не было в других комнатах: довольно удачно нарисованный на картоне осел, держащий в зубах папиросу. Осел был изображен во фраке, с галстуком-бабочкой и, поднявшись на дыбы, опирался на надпись: «Здесь курить запрещено, а я курю».

Несмотря на то, что все кровати и одеяла были одинаковы, маленькая комнатка с ситцевой занавеской на окне, со стопками книг на тумбочках, с картой Китая, исчерченной красным карандашом, с розовым абажуром, тоже, кстати сказать, имеющим жестяную бляху за номером 2414, отличалась тем особенным студенческим уютом, о котором через много лет пожилые, седые инженеры, директоры заводов и заведующие мастерскими, лауреаты Сталинских премий и Герои Социалистического Труда будут вспоминать с теплой улыбкой всегда, когда им вспомнится их веселая, счастливая и трудная молодость.

316-я комната оказалась первой, куда вошли Глеб и Вера, поэтому жители ее не успели подобающим образом подготовиться к приему комиссии. За столом аккуратный Крылов вполголоса читал толстый учебник и изредка отхлебывал чай. У него разыгралась мигрень, и голова его была повязана полотенцем. Напротив Крылова сидел Светловидов и решал задачу. Решение не сходилось с ответом, и во время продолжительных размышлений по поводу того, кому нужны такие задачки, которые не решаются, он тут же, на черновиках, рисовал карикатуру на Крылова. Бесчастных лежал на кровати, положив на живот открытую книгу. Лег он как будто специально для того, чтобы оправдать необходимость графы «бессмысленное препровождение времени».

Старосты комнаты Семена Нерестова дома не было.

— А-а, Верочка! — протянул остряк Светловидов, увидев вошедших.— Опять Семену бесконечность объяснять пришла?

Вера сухо поздоровалась, показывая, что шуткам не время и что никаких поблажек с ее стороны допущено не будет

— Ого! — продолжал между тем Светловидов, взглянув на праздничный костюм Глеба.— Пиджак брусничного цвета с искрой. Перелицован из чичиковского фрака.

Вера, не удержавшись, хмыкнула, сразу потеряв весь свой официальный вид.

— Одна из самых плохих комнат,— покраснев, сказал Глеб,— почти все едут на тройках...

Всердцах Глеб немного сгустил краски: Крылов был отличником.

— Это чья тумбочка?

— А что? — спросил Бесчастных и сел.

— Неужели полотенце на место нельзя повесить? — спросила Вера.

— Вон у него тут целый Эверест на тумбочке,— добавил Глеб.

Вера посмотрела на Крылова и поставила палочку в графе «подготовка к занятиям». По мнению Глеба, Крылова можно было бы записать и в графу «быт», потому что он пил чай, и в графу «болезнь», из-за мигрени; но он решил не вмешиваться, а наблюдать, как Вера поведет себя дальше. Между тем Вера взглянула на Бесчастных, на его смятую постель, и, скосив глаза, Глеб увидел, что она поставила палочку в графе «сон». «Все ясно,— подумал Глеб с грустью,— какой же здесь «сон»...»

«Проектируя векторы ОА и ОВ,— отдавался в его ушах голос Крылова,— а также вектор ускорения на ось иксов...» — и Глебу вдруг показалось, что напрасно он ввязался в эту утомительную историю, напрасно надел новый костюм. Куда было бы лучше сидеть вот так же, как Крылов, дома и повторять механику.

Вера снова посмотрела на постель Бесчастных и спросила:

— Что вы читали?

— А что? — переспросил осторожный Бесчастных.

«Еще не хватало, чтобы она записала и его в «подготовку к занятиям»,— тоскливо подумал Глеб и сердито сказал: — Мы проверяем распорядок.

Бесчастных сунул книжку под подушку и сел за стол заниматься. Вера вздохнула, зачеркнула палочку в графе «сон» и сделала отметку в графе «бессмысленное препровождение времени». «Нет, еще ничего неизвестно»,— повеселев, подумал Глеб и спросил:

— Где староста?

— Староста пошел ловить мышей,— ответил Светловидов.

— А?— произнесла ошеломленная Вера и растерянно оглянулась на Глеба.

— Посмотрите, как они занимаются,—сказал ей Глеб, указывая на черновую тетрадку Светловидова. Среди чисел и формул Вера увидела карикатуру на Крылова, изображенного во фраке и с галстуком-бабочкой. Она покачала головой и непреклонно переправила цифру «один» в графе «бессмысленное препровождение времени» на двойку.

В это время дверь распахнулась, и на пороге появился запыхавшийся Семен.

— Это что? Комиссия?— забасил он; видимо, слух о проверке уже разнесся по общежитию.— В кладовке, ребята, чрезвычайное происшествие. Мышонок завелся. Завхоз попросил устроить электрическую мышеловку, вот я и задержался...— и Семен начал рассказывать длинную историю о мышеловках собственной конструкции.

— Значит, вы тоже не выполняете распорядка, товарищ Нерестов?— прервала его Вера.— Вы староста, должны пример подавать...

— Вы видите, все занимаются! Вот Светловидов готовится!

— Какая же это подготовка! — не удержался Глеб и развернул тетрадь Светловидова, чтобы все увидели его художество. Рядом с карикатурой на Крылова уже был изображен человек в костюме с широченными плечами, довольно похожий на Глеба.

Вера снова сбилась с серьезного тона и улыбнулась.

— А Бесчастных лежал на кровати,— раздраженно заметил Глеб.

— Кто? Бесчастных? У него, если хотите знать, собственное расписание. Человек живет по минутному графику. Смотрите.

Семен открыл дверцу тумбочки Бесчастных. К внутренней ее стороне была прикреплена табличка с длинным распорядком дня, включающим все, вплоть до времени на чистку ботинок.

— Так вот,— сказал Глеб,— он и по своему расписанию должен сейчас заниматься. А он лежал.

— Бесчастных — дальневосточник,— вставил Светловидов,— у него расписание по читинскому времени.

— Не остроумно,— сказала Вера, с трудом стараясь удержаться от смеха.— Итак, товарищ староста, в вашей комнате три приятных мальчика бессмысленно проводят время.

— Какие три мальчика? — медленно проговорил Семен.

— Светловидов, Бесчастных и ты. Пойдемте, Васнецов!

— Ладно,— продолжал Семен, все больше накаляясь.— Я Ершову доложу. Мы на лучшую комнату соревнуемся, а ты такие данные в профком несешь. Посылают школьников...

— Пойдемте, Васнецов,— повторила Вера, несколько бледнея,— с этой комнатой все.

Глеб вслед за Верой вышел в коридор. Через торцовое окно били лучи закатного солнца. Медные ручки на дверях сияли. Глебу почему-то показалось очень смешным, что Крылов сидит сейчас с головой, повязанной полотенцем, похожий на фокусника Кио, и бубнит про векторы и оси координат.

— Пожалуй, мы переборщили, Васнецов. Как вы думаете? — спросила Вера.

Она стояла, освещенная мандариновым светом солнца, как-то боком, по-птичьи смотрела на Глеба, и лицо ее казалось загоревшим.

— Конечно,— согласился Глеб,— в других комнатах надо быть добрее.

— Давайте перенесем Светловидова в «подготовку к занятиям»: все-таки он решал задачу.

Глеб великодушно согласился.

— А Нерестова в «быт». Нужно же кому-то выводить мышей в кладовке.

Глеб согласился и на это. Занятый мыслями о том, как Вера отнесется к его предложению насчет кино, он не особенно прислушивался к тому, что она говорила. В отношениях с девушками он был человеком

застенчивым. Он часто представлял себе, как они с Верой летними белыми ночами будут кататься на лодке или бродить по Марсову полю тоже обязательно во время белых ночей. Несколько дней назад фраза «пойдемте со мной в кино» казалась ему простой и обычной, а теперь, во время ходьбы по комнатам, Глеб побаивался, что Вере эти слова покажутся слишком внезапными. Надо, очевидно, сначала поговорить о только что выпущенном на экраны фильме, о пользе изредка отвлекаться от занятий, а потом уже... Но времени на такую подготовку совершенно не было. Приходилось ходить из комнаты в комнату, спорить со старостами и заполнять графы в тетрадке цифрами и примечаниями. В этих занятиях прошел час, прошел второй, и, наконец, когда оставалось обследовать последнюю, 392-ю комнату, Глеб ни с того, ни с сего остановился посреди коридора, взял Веру за руку и несколько хрипло произнес:

— А в Доме культуры кожевников идет хорошая картина...

— В кино, по-моему, лучше ездить на Невский,— ответила Вера, осторожно высвобождая руку.

— Но «Юность мира» идет только в Доме культуры кожевников. Нам придется идти туда,— сказал Глеб и, спохватившись, добавил:— Вы пойдете со мной, Вера?

— Ой, не знаю, Васнецов, не знаю,— Вера немного смутилась,— у меня сегодня столько дел! И математика не готова, и начерталка...

— А у меня механика не готова. Пойдемте!

— Прямо не знаю! А какая картина?

— «Юность мира».

— И билетов, наверное, сегодня не достать...

— Что вы! На последний сеанс всегда есть билеты. Пойдемте!

— И переодеваться надо... Целая история.

— Зачем переодеваться? У вас это очень хорошее платье. Пойдемте.

После того, как был сделан первый шаг, Глеб с удивлением и гордостью замечал, что с каждой минутой становится смелее. Вера колебалась и чем-то была смущена.

— И ребята наши узнают,— тихо проговорила она,— станут завтра смеяться. «Сама,— скажут,— следит, чтобы занимались, а сама в кино ходит».

— Так ведь на последний сеанс! На одиннадцать тридцать! В это время никто не обязан заниматься!

— Прямо не знаю, Васнецов. А какая картина?

— «Юность мира»,— терпеливо повторил Глеб и опрометчиво добавил:— А вашим ребятам тоже не возбраняется после занятий отправляться в кино.

— Это идея!— обрадовалась Вера.— Давайте позовем и Светловидова, и Бесчастных, и Нерестова.

— Зачем еще Светловидова?

— Вы не знаете! Светловидов — такой чудак, вы умрете от смеха.

— А Нерестов не поедет. Ему восьмое задание...

— Мы его уговорим. Не беспокойтесь. И Нерестов и Светловидов поедут.

Действительно, все обитатели 316-й комнаты, кроме Крылова, согласились ехать в кино без всяких колебаний. И когда пятеро студентов ожидали трамвай, единственным хмурым и молчаливым во всей группе был инициатор поездки — Глеб.

В трамвае настроение его еще больше испортилось. После того, как он взял два билета, выяснилось, что за Веру заплатил Семен. А кроме того Глеб начал подозревать, что отношения между Верой и Нерестовым гораздо сложнее, чем ему казалось. Глеб чувствовал это по неуловимым для других мелочам. Вера стала узнавать о времени у Семена, хотя у Глеба были ручные часы, а Семену пришлось в трамвайной толчее лезть за своими карманными. Возле билетной кассы подержать перчатку она попросила тоже Семена, хотя в кино ее приглашал не Семен, а Глеб.

Они сидели в темном, прохладном зале, Глеб слева от Веры, а Семен справа, и пучок разноцветных лучей медленно передвигался над их головами.

Счастливые, решительные лица юношей и девушек улыбались Глебу с экрана. Они пели, танцевали, уверенно говорили о своем будущем, и чем больше Глеб смотрел на них, тем покойней и радостней становилось на его душе. «Здраво рассуждая, ничего нет особенного в том, что она дала подержать перчатку не мне, а Семену,— подумал он,— они учатся в одной группе, привыкли друг к другу. И вообще, может быть, все эти тонкости ничего не значат».

Картина кончилась, и студенты вышли на улицу. Высоко над крышей пятиэтажного дома зажигались и тухли большие буквы рекламы Госкинопроката, и когда они зажигались, на мокрой крыше возникали их мутные отражения и становилось видно, что идет мелкий дождь. Над домами, над затихшей ночной улицей низко висело серое небо, предвещающее прозрачные белые ночи. Бесчастных и Светловидов немного отстали. Глеб и Семен шли впереди с Верой и, стесняясь друг друга, не брали ее под руку. Разговор не клеился. Но вдруг, когда Вера снова спросила Семена, сколько времени, Глеб неожиданно для самого себя сказал:

— Сейчас половина второго, Вера. Приглашал вас в кино я, а не Нерестов. А вы в третий раз у него спрашиваете, сколько времени.— Глеб понимал, что становится смешным, но, как иногда бывает с застенчивыми людьми, именно поэтому разозлился и решил идти напропалую:— Если вам нравится Нерестов, нечего было ходить со мной...

Глеб замолчал, ожидая взрыва смеха и веселых шуточек. Но все получилось иначе.

Вера вздрогнула и остановилась, опустив голову. Семен резко повернулся и взглянул на нее. И Глеб увидел, как в свете неона заблестели его большие широко открытые глаза.

— Твои часы отстают, брат,— сказал Семен и взял Веру под руку.

И по тону, каким была сказана эта фраза, Глеб с тоской понял, что Семен только сейчас впервые догадался о том, о чем ему давным-давно следовало бы догадаться.

Видимо, поняли это и остальные. Светловидов ухмыльнулся и задержал Глеба и Бесчастных.

Ничего не замечая, Вера и Семен шли по пустому, блестящему и черному от дождя тротуару, шли и молчали.

— Давайте спорить,— сказал Светловидов,— они не заметят трамвайную остановку.

Спорить никто не захотел.

Вера и Семен прошли одну трамвайную остановку, прошли и вторую. Ребята шагали за ними в отдалении.

— Интересно: о чем они сейчас беседуют?— серьезно проговорил Бесчастных.

Ребята подошли ближе.

— Я еще тогда знал, что не могу без тебя,— говорил Семен.

— Я тебя боялась, Сеня. Ты так хорошо рассказываешь про автомобили, что мне казалось, что я, вчерашняя школьница, совсем не интересна тебе...

— Что там автомобили!.. Ты на лету теорию ловишь, а я что... Помнишь, когда я не ответил про Кориолисово ускорение...

— Ты тогда был в кожаной тужурке...

— Да, в тужурке. Ты так покачала головой, что я решил вовсе не смотреть на тебя. И на вечере пошел танцевать с Зоей Гусевой.

— Краковяк.

— Да, краковяк. А что мне Гусева! Говорит, говорит, а слова у нее все пустые. Тоже задачки решает хорошо. По правилам. По правилам и я тебе любой интеграл решу, а вот понять, что это такое, понять физическую сущность бесконечно малой, этой чертовой дельты икс или сущность восьмерки, лежащей на боку, изображающей бесконечность...

— Какая-то чушь,— сказал Светловидов.

— Нет, не чушь,— тихо отозвался Бесчастных,— как ты думаешь, Васнецов?

Глеб не ответил.

Ребята снова прислушались.

— А совсем высоко,— говорила Вера,— где кончаются все звезды и все планеты, там ничего нет, там безвоздушное пространство.

Семен вопросительно посмотрел на мутное небо.

— Так ведь это самое «ничего»,— сказал он,— это безвоздушное пространство тоже без конца тянуться не может. Тоже где-то кончится... А дальше что?

— Дальше совсем пустота,— объясняла Вера,— бесконечная пустота... Бесконечность.

— Не может быть на практике никакой бесконечности,— решительно возразил Семен,— это теоретически, в математике, бесконечно большие, бесконечно малые, дифференциалы, дельты икс, ньютоновские флюксии...

— Значит, по-твоему, Ньютон глупее тебя?— спросила Вера.

— И Ньютон и Лейбниц по-разному объясняли сущность дифференциального исчисления. Значит, и сами они не очень-то понимали...

— Что? Ну, знаешь...

— Опять спорят!— сказал пораженный Светловидов.— Не падай духом, Васнецов, твои шансы растут. Сейчас они поругаются.

Глеб не расслышал этих слов.

Он шел удрученный, смутно чувствуя всю великую и прочную силу расцветающей любви, не признающей робкого подчинения одного человека другому, не прощающей недостатков и не допускающей поблажек, любви, какой могут любить только спокойные за свою судьбу люди.

ПОДВИГ ВРАЧА

Я. МИЛЕЦКИЙ

Нина Кузьминична Завьялова.
Фото О. Кнорринга

Нина Кузьминична сквозь сон услыхала гортанный говор переводчика. Она с трудом открыла усталые, красные от бессонных ночей глаза.

— Доктор Завьялова, — звал переводчик,— проснитесь, доктор! Вы слышите, с больной в изоляторе происходит что-то непонятное...

Сон сняло как рукой. Она вспомнила все: и ночи у постели больной, и мучительную борьбу с тяжелым недугом, и радость, когда наступало улучшение, и тревожные думы, когда, казалось, исчезала всякая надежда на выздоровление.

Нина Кузьминична поднялась с кровати, привычным движением натянула на себя защитный костюм. Куда девались ее защитные очки? Запропастились, и именно сейчас, когда дорога каждая секунда! Да, очки остались в дальней комнате, а дойти туда нет времени.

— Скорей, скорей, доктор,— торопил переводчик, — больная может убежать из палаты, ее трудно удержать...

Медлить было невозможно, и Нина Кузьминична бросилась к изолятору, не надев очки.

Больная оказалась в сильном возбуждении. Несколько часов назад слабая и беспомощная, теперь она металась по постели, вскакивала с нее. Нине Кузьминичне с трудом удалось уложить больную.

Сзади раздался шорох. Завьялова увидела переводчика, одетого в защитный костюм. Он никогда раньше не заходил в эту комнату, боясь заразиться чумой.

— Я помогу вам, доктор... — тихо произнес он.

Укол успокоил больную, дыхание ее стало ровным. Она уснула.

Нина Кузьминична посмотрела на переводчика:

— Разве вы уже не боитесь чумы?

— Вам трудно одной... Я должен был помочь... Теперь русские вылечивают от этой болезни!

Нина Кузьминична взглянула ему в глаза, скрытые под широкими стеклами очков, и вдруг вспомнила: ее глаза не защищены, значит, она подвергается серьезной опасности заражения.

...Завьялова сразу же поняла, что несчастье произошло: страшной болезни не избежать. Своей рукой она написала телеграмму товарищам — советским врачам, работавшим в этой далекой стране.

Она запретила приходить к себе в комнату без защитного костюма. Услыхав это, санитарка поглядела на врача со смешанным чувством страха и преклонения перед русской женщиной, которая заразилась чумой, спасая ее соотечественницу.

Нина Кузьминична верила в метод, разработанный советскими учеными, и, превозмогая боль, сама себе делала уколы.

На память ей пришло, что она в студенческие годы, учась во Втором московском медицинском институте, читала про случай с русским врачом Деминским, заболевшим чумой еще в начале века, когда наука не знала исцеления от этого недуга. Он тоже сам себе поставил диагноз, означавший тогда смерть. Напрягая последние силы, врач написал на бумаге: «В доме чума» — и прибил ее к воротам, чтобы никто не зашел в комнату, где он умирал.

Завьялова отгоняла от себя мрачные мысли. Она знала, как далеко шагнула советская медицина, и верила в нее.

Ведь она сама уже здесь, за рубежом своей Родины, вылечила нескольких больных от легочной чумы.

На чистой тетради большими буквами вывела она свою фамилию, имя и отчество. В графе «диагноз» проставила: «Первичная легочная чума». Она решила подробно описать, как произошло заражение и дальнейший ход болезни. Писала она и о своих переживаниях:

«К случившемуся несчастью отношусь реально, без паники. К чему волнения? Они не помогут».

Она вела записи каждый день, пока это было возможно:

«Запретила переводчику входить к себе без полного защитного костюма. Зайдя в первый раз, он смутился: много раз поправлял очки, покашливал. Волновался. Я ободряла его: «Ничего, не смущайтесь, так надо». Он, видимо, беспокоился, что вид защитного костюма подействует на мою психику. Я же ко всему отношусь спокойно».

И потом:

«Ввела последнюю дозу препарата. Больше его нет у меня. Процесс развивается быстро. Организм подорван бессонными ночами, когда ухаживала за больной. Пятнадцать дней круглосуточного дежурства».

Утром Завьялова услышала стук в окно и радостный голос переводчика, сообщавшего, что прилетел самолет с двумя врачами. Прибыла старая знакомая Завьяловой — Елена Константиновна.

Болезнь протекала тяжело. Елена Константиновна сутками не отходила от постели Нины Кузьминичны. По двадцать часов подряд ей не удавалось снять защитный костюм. И все же старая подруга всегда находила ободряющие слова. Да и сама больная, как только ей становилось немного лучше, поражала своей жизнерадостностью. Прежде всего она возвращалась к своим записям:

«Раньше мне казалось, что я преувеличиваю, говоря о своем мужестве. Нет! Оно у меня есть. Безумно хочу жить!»

Она писала о жажде жизни, о вере в метод лечения, о том, что, выздоровев, будет первым врачом, испытавшим на себе этот метод.

Близко знавшие Завьялову и раньше не сомневались в ее готовности мужественно переносить трудности. С детства, оставшись без родителей, она выработала в себе упорство и настойчивость. Экстерном сдала она экзамены за десятилетку. Потом, так же не бросая работы, девушка окончила медицинский институт.

Болезнь Завьяловой длилась долго. Но наступил день, когда Нина Кузьминична смогла выходить из комнаты. Она сидела, любуясь безграничным степным простором, наслаждаясь убаюкивающей тишиной и чистым, прозрачным воздухом. Она поняла, что вернулась к жизни. Метод советской медицины восторжествовал! Нина Кузьминична выздоровела.

Пришел час прощаться с Еленой Константиновной, а самой вернуться к работе в госпитале.

Последний вечер они вдвоем провели дома. Нина Кузьминична была чем-то озабочена. Наконец, решившись, встала с места, подошла к подруге.

— Лена, — сказала она, внимательно посмотрев ей в глаза, — я хочу тебе кое-что сказать.

— Что с тобой, Нина? Ты какая-то сегодня странная.

— Я хочу совершить очень важный шаг в жизни, Лена. Я решила еще раз заразить себя легочной чумой.

— Что?! — вскричала та.

— Послушай меня внимательно. Одна мысль давно не дает мне покоя. С тех пор, как после болезни я снова вернулась на этот свет...

— Так зачем же опять?..

— Послушай меня, Леночка. Ведь я единственный врач, который вылечился от легочной чумы по методу советских ученых. Единственный! Как с иммунитетом? Есть он или его нет? Наука не дала точного ответа на этот вопрос. Мне кажется, что я обязана произвести на себе этот опыт во имя науки, во имя жизни людей. Никто, кроме меня, не может сделать этого.

Завьялова подошла к окну, посмотрела вдаль и, резко повернувшись к подруге, сказала:

— Это случай единственный по своему характеру, упускать его я не хочу. Опыт даст такие материалы, которые навсегда сделают ненужными эксперименты ученых на самих себе при изучении чумы.

НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА

На 100 километров вдоль берега Черного моря протянулась крымская здравница. От Алушты и до самого Фороса стоят в живописных, неповторимых по климатическим условиям местах светлые, комфортабельные дома-дворцы.

В 160 санаториях и домах отдыха Южного берега Крыма ежегодно отдыхает около 200 тысяч человек.

Сейчас осуществляется грандиозный план реконструкции этого крупнейшего курорта. Поднимаются из руин разрушенные во время войны санатории, строятся новые.

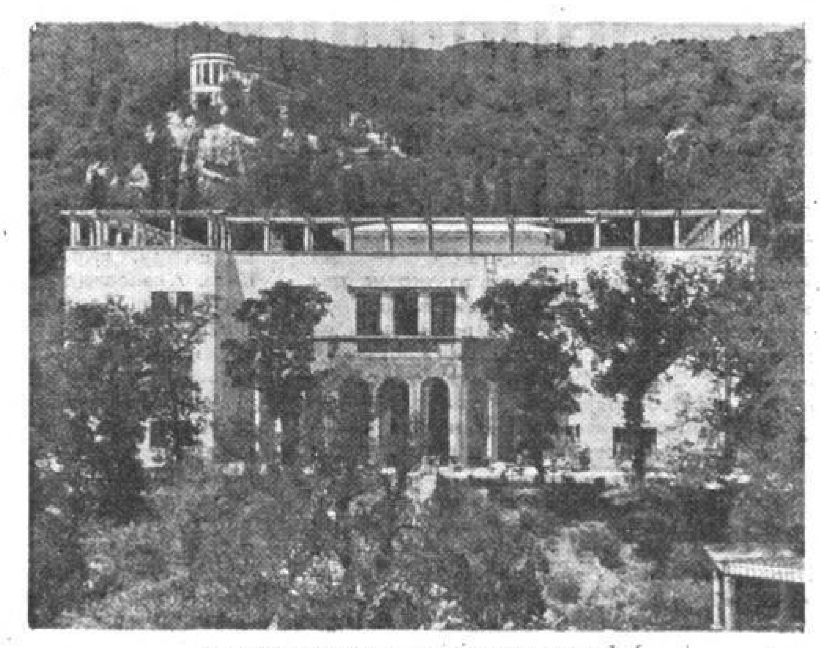
Новый санаторий открылся этим летом в Алуште для рабочих пищевой промышленности. Принимает курортников один из лучших санаториев, законченный постройкой после войны, в Нижней Ореанде. Ныне на Южном берегу воздвигаются еще более совершенные и прекрасные здания. В Мисхоре строится санаторий Министерства лесной и бумажной промышленности, в Алуште — Министерства химической промышленности. В Ялте, недалеко от Ливадии, поднимутся корпуса санатория Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии.

Хорошеет и благоустраивается Ялта — лечебный центр Южного берега Крыма. Разработан план реконструкции набережной имени Ленина. От речки Дерикойка в восточной части города до речки Учансу в западной части протянется центральная магистраль. На ней будут размещены морской вокзал, пансионат для курсовочников, гостиница, курзал и несколько крупных санаториев. Западная часть набережной расширится за счет моря. Уже сейчас на пустырях создан благоустроенный и живописный приморский парк. Оборудуется лечебный пляж, первая его очередь открыта.

Крым превращается в цветущий сад. Сотни агрономов и садовников с помощью местных жителей высаживают на побережье новые рощи мандаринов, лимонов, апельсинов, вдоль шоссе поднялись саженцы эвкалиптов. Машины везут с горы Ай-Петри землю для разбивки новых парков.

Преображается и расцветает одно из лучших мест отдыха советских людей — Южный берег Крыма.

В. ВИКТОРОВ

Новый санаторий в Нижней Ореанде.
Фото Дм. Бальтерманца

Наступила напряженная тишина. Нина Кузьминична затем продолжала:

— Видишь ли, еще до бактериологической эры врачи на основании практики пришли к заключению, что существует активный, приобретенный иммунитет к бубонной чуме. Известно, что в 1827 году, во время эпидемии, к уходу за больными допускались лица, перенесшие бубонную чуму, и что такие санитары больше не заболевали. Но создается ли иммунитет после перенесения первичной легочной чумы? Ведь тогда никто от этой болезни не выздоравливал! Кроме того важно установить, какими приемами нужно пользоваться для лечения повторных случаев.

— И ты решишься после мучительной болезни снова заразиться ею?

— Не сейчас, а погодя, когда окрепну.

...В далеком госпитале, стоявшем, как оазис в пустыне, дни Нины Кузьминичны потекли в труде и заботах. Она снова лечила больных, ездила с переводчиком по селениям. Местные люди с еще большим уважением стали относиться к русской женщине. Встречаясь с ней, говорили:

— Доктор, переболевший такой болезнью, будет жить не меньше ста лет!

Спустя некоторое время Завьялова стала пропадать в лаборатории, куда никого не впускала. Здесь находились морские свинки. На них она производила опыты по иммунитету к легочной чуме. Наконец Нина Кузьминична решила приступить к опыту над собой.

Это было через восемь месяцев после того, как она выздоровела от легочной чумы. Работая с морскими свинками, Нина Кузьминична перестала надевать защитную маску и вдыхала зараженный воздух.

Однажды вечером Завьялова почувствовала недомогание. Повысилась температура.

Анализ подтвердил, что она снова заболела легочной чумой. Как знакомы были ей эти тревожные симптомы!

Согласно существующим правилам, Завьялова подверглась изоляции. Она сама стала лечить себя. Вход в ее комнату был всем категорически запрещен.

— Я заболела, — сказала она переводчику, — но это не серьезная болезнь. Однако входить ко мне нельзя.

— Что вы сделали с собой, доктор?! — вскричал переводчик.— Вы позволите мне дать телеграмму о вашей болезни?

— Не надо, я скоро выздоровею. Кушанье пусть оставляют в коридоре. Там будет стоять моя кастрюля — в нее надо переливать еду. Приносите мне молоко и сахар...

На новой тетрадке она написала свою фамилию, имя, отчество, вывела крупными буквами название болезни и дважды подчеркнула слово: «Повторно».

Точно и строго соблюдала Нина Кузьминична все процедуры, предусмотренные советским методом лечения болезни. Болезнь развивалась, наступило ухудшение. Перед возбужденным взором врача предстали тяжелые картины недавнего прошлого, когда она болела впервые, и она готова была раскаяться в сделанном. Но тотчас же одумывалась и упрекала себя в малодушии.

Болезнь протекала легче, не в пример прошлому разу. Свои наблюдения Нина Кузьминична продолжала аккуратно заносить в историю болезни.

«Состояние удовлетворительное»,— писала она, когда температура была еще высокой. И вот уже записи: «Состояние хорошее, температура нормальная...», «Появился аппетит. Первый раз принесли лапшу, съела ее с удовольствием. Молоко и сахар, которыми питалась все время, опротивели донельзя», «Состояние хорошее. Вечерами выхожу на воздух».

Только затем, после выздоровления, сообщила она Елене Константиновне, что опыт, проделанный ею, породил много наблюдений, которые послужат темой ее научной работы.

Врач Завьялова, таким образом, обогатила науку описанием течения болезни и особенностей лечения повторных случаев первичной легочной чумы, о чем до сих пор не было известно в науке. Легкое течение заболевания, его особенности дали впервые возможность судить о характере иммунитета после перенесенной легочной чумы.

Тщательное клиническое обследование, которому в дальнейшем подверглась врач Н. К. Завьялова со стороны виднейших советских медиков, показало, что она полностью здорова. Чума, перенесенная ею дважды, не оставила в ее организме никаких вредных последствий.

* * *

Ученые-людоеды в Японии были заняты тем, чтобы вырастить мириады смертоносных бактерий, способных убивать все живое. Японские планы сорвались. Но их подхватили верные наследники разгромленного фашизма, новоявленные теоретики людоедства из империалистической Америки.

Профессор Колумбийского университета Теодор Розбери в книге «Мир или чума» с наслаждением смакует возможности использования бактерий и яда для массового истребления. Любители человечины сокрушаются, что медицинская наука открыла способы излечивать страшные заболевания. Они приходят в неистовство при мысли, что со временем могут исчезнуть с лица земли чума, туберкулез, малярия.

А в это же время советская женщина-врач, руководимая великой верой в силу советской науки и сознанием долга перед человечеством, подвергает опасности свою жизнь, чтобы найти способы уберечь от смерти тысячи людей.

Имя Нины Кузьминичны Завьяловой достойно быть занесенным в славный список ученых-героев, совершивших подвиг во имя жизни.

К больной Завьяловой входили в полном защитном костюме.

ПОСЛЕДНИЙ МОСТ

Н. СВИРЧЕНКО

Первые годы замужества Вера Андреевна с горечью спрашивала: «Ну, как можно любить мосты больше, чем жену и детей?»

Он тогда сказал, что уезжает только на три месяца. Диссертация была почти готова, но ему захотелось хоть одно лето поработать на строительстве большого моста. И Александр Диомидович Скачков уехал, чтобы осенью вернуться в Новочеркасский институт, в аспирантуру, защитить диссертацию и уже окончательно посвятить себя преподаванию курса мостов.

Прошло три месяца. Пролетел год. На исходе был уже второй десяток лет, а они с Александром Диомидовичем как начали в 1931 году, так и продолжали кочевать с моста на мост. «Самое интересное в жизни инженера — строить!» — говорил Скачков товарищам. И всякий раз, переезжая на новый мост, уверял жену: «Верочка, это последний».

Бешеные, пенистые реки Восточной Сибири сменились желтоводными, уральскими. За Донским мостом, у Лисок, поднялся над Москвой-рекой Воскресенский мост. За этим — еще бо́льший, в Горьком. Потом — Магнитогорск. За Магниткой — Сосьва: глушь, таежные топи... И всякий раз на новой площадке ей, с детьми и хозяйством, приходилось едва ли не труднее, чем мужу.

Он-то всегда обладал способностью оставаться спокойным, уравновешенным, чуточку даже медлительным; так, по крайней мере, казалось другим, хотя она лучше знала, какого нервного напряжения, скольких пачек папирос в день стоит инженеру Скачкову это его постоянное спокойствие.

Приходилось привыкать. А потом и она незаметно втянулась в эту «бродяжью», «чемоданную», но зато и интересную жизнь строителей мостов: сколько они повидали за эти годы! А особенно дети: никакие рассказы, никакие книги не могли бы с такой силой запечатлеть в их памяти манящие просторы Родины.

Как-то весной, когда человек двести строителей собрались на высокой железнодорожной насыпи, чтобы присутствовать при испытании выстроенного моста, Вера Андреевна даже призналась мужу, что не понимает, как это можно всю жизнь прожить на одном месте.

Воздух в тот день был по-весеннему чист, люди празднично приоделись, и настроение у всех было радостное, светлое. Припекало вовсю, но река еще не вскрылась. В небе было полным-полно пушистых облаков, и на их белом фоне мост выделялся, как вычерченный тушью. Казалось, облака стоят на месте, а мост двигается, и вместе с ажурными фермами плывут и высокая насыпь и люди на насыпи.

Два паровоза, труба к трубе, подошли к мосту, помедлили, прогудели по очереди, будто окликнули друг друга: «Готов?» «Готов!» — и осторожно вкатились на мост. Разговоры и смех оборвались. Паровозы достигли середины первого пролета и остановились. Они стояли, тяжело попыхивая трубами, и за эти несколько минут, пока измерялся прогиб пролетного строения под статической нагрузкой, Александр Диомидович искрошил в пальцах две папиросы.

Это было тягостное ожидание. Непривычно тревожна была и сама эта тишина: отзвенели циркулярные пилы, замерли грохотавшие, как обоз телег по булыжной мостовой, барабаны бетономешалок, отстучали свое клепальные молотки, и даже река, казалось, присмирела, притихла.

Лед вокруг опор был околот, и теперь они отражались в искрившейся на солнце воде, высокие, тонкие, будто их выточили из цельного камня. А паровозы опять прогудели и перекатились в соседний пролет. К Скачкову подбежал сияющий геодезист и назвал какую-то цифру. «Красавец, а?!» — показал он на мост. Александр Диомидович концом папиросы поймал дрожавший в ладони огонек спички, вытер лоб и ответил: «Со статикой хорошо, но что еще скажут динамические испытания...»

Паровозы скрылись за насыпью противоположного берега, потом вернулись, прошли по мосту один раз, другой, взяли разгон и уже на большой скорости пролетели по насыпи, обдав всех жаром и ветром движения, и принялись «утюжить» мост. И тут опять прибежал геодезист и сообщил новую цифру, и теперь уже Скачков торжествующе спросил у него: «Ну, что я говорил?!» Все задвигались, зашумели, кто-то крикнул «ура», и его поддержали. Вера Андреевна вместе со всеми радовалась, и ей казалось, что и у всех в эту минуту должны быть такие же счастливые лица, какое было у Александра Диомидовича. Каким все-таки окрыленным, сильным, счастливым может делать человека работа!

В тот день, пожалуй, впервые с такой отчетливостью она поняла, что в беспокойной, ответственной работе мужа, в этих мостах и ее счастье.

Свое пятидесятилетие инженер Скачков отпраздновал в большом городе на берегу Днепра, где вслед за одним мостом, уже пропускавшим поезда, восстановители поднимали еще бо́льший.

И тут Александр Диомидович впервые сам поверил, когда сказал: «Кажется, этот мост будет действительно последним».

Беспокоило сердце. И врачи все настойчивее советовали переменить работу, а друзья звали в институт. Он уже и сам собирался поговорить о своем переводе, но начальник главка, молчаливый, скупой на восторги человек, показал на кучу бумаг и спросил, взглянув исподлобья:

— Думаешь, мне легче?

Он продолжал просматривать бумаги, а Скачков про себя подумал, что, пожалуй, и вправду легче строить, что вот у начальника главка самая светлая память должна быть о тех годах, когда он сам возводил громадный мост через холодную, быструю Ангару. И теперь, просматривая какую-то синьку с общей схемой моста, начальник наверняка завидует людям, которые поедут его строить...

— Ты знаком с этим проектом?

Скачков достал очки. Огромная железобетонная арка одним прыжком перекрывала русло реки. Да, он уже слышал о проекте Преображенского: смелое решение! Таких железобетонных мостов никто не строил.

— Там особенно нужны опытные люди,— и начальник главка обвел рукой крутую дугу арки.— У тебя как с семьей? Старший, кажется, уже в институте? Поедешь?

И Александр Диомидович вернулся домой начальником технического отдела новой стройки.

— Понимаешь,— сказал он жене,— я всю жизнь чувствовал бы себя несчастнейшим существом, откажись я от этого объекта. Да и что тут особенного: ну, еще пару лет поработаю на мостах, зато потом успокоюсь окончательно.

— Кто? Ты? — Она даже рассмеялась: — Вспомни, сколько их уже было, последних!

Недавно они получили новую квартиру в только что восстановленном доме. Сын Игорь учился на втором курсе института. Старшая дочь, Ирина, кончала десятилетку. Решили так: на этот раз Вера Андреевна с ребятами останется здесь, а он будет приезжать каждое воскресенье, может быть, даже и в будни: ведь стройка от города всего в нескольких часах езды.

Но чем стремительнее развертывались дела на новом мосту, тем меньше становилось этих воскресений, а о буднях и говорить нечего.

— Тебя обязательно или необязательно ждать в следующее воскресенье? — спрашивала Маринка, когда утром отец целовал ее, еще сонную, тепленькую, торопясь на вокзал.

Вера Андреевна не спрашивала. Она знала: на этой неделе на стройке пойдет бетон.

...Бетон!

Сколько раз, наблюдая за тем, как готовят замес за замесом и перевертываются над бадьями барабаны бетономешалок, как проплывают над берегом и опускаются вниз эти стальные бадьи с серой массой, как выливается из них густое тесто бетона, до краев наполняя деревянную опалубку, как день за днем бетон твердеет и наконец приобретает монолитную прочность,— сколько раз, направляя все эти процессы, инженер Скачков испытывал особенное, совершенно ни с чем не сравнимое ощущение прочности, нетленности, значимости своего труда! И всякий раз, когда шел бетон, инженер становился особенно недоверчивым, придирчивым, педантичным до мелочей.

— Да сойдет же! — говорили иногда другие.— Не все ли равно, будет ли стоять этот стержень арматуры на сантиметр правее или левее? Тут же кроме того колоссальные запасы прочности!

— Ставьте арматуру в точности по проекту, или я задержу бетон,— обрывал он.

Вот и на этот раз, хотя бетонирование должны были начать в восемь, начальник технического отдела появился на площадке в седьмом часу утра. Длинный, сухощавый, с зоркими глазами на большом, в резких складках лице, он вымеривал широкими, ровными шагами правый берег, поднялся на бетонный завод, еще раз проверил установку дозаторов, придирчиво проэкзаменовал дежурного лаборанта, просмотрел в лаборатории последние анализы песка и цемента, взял из бумажного мешка щепоть зеленоватой цементной муки и долго растирал ее в длинных, сухих пальцах. Обнаружив невычищенную бадью, он вызвал мастера и отчитывал до тех пор, пока тот сам не взялся за лопату.

Потом полез на арку.

Река внизу дымилась. Солнце еще не выкатилось из-за туч. Легкая пелена тумана, поднимавшаяся от воды, и сама вода, сплошь в кругах от играющей рыбы, и прибрежные камни, еще не просохшие после ночного ливня,— всё казалось розовым. Гигантская арка уперлась бетонными пятами в гранитные берега, выгнув над рекой широченную спину.

Собственно, это был еще не самый мост, а только остов его, скелет, начало. Меж пустых, каждый высотой с двухэтажный дом, коробов деревянной опалубки, установленных в три ряда на стальных кружалах, торчали выпуски арматуры. Пронизанная во всех направлениях стальными каркасами, опалубка напоминала с берега соты, гигантские ячеи которых, тщательно выметенные и промытые дважды — из насосов и неожиданным ночным ливнем, — вкусно пахнущие смолой, теперь дожидались бетона.

И вот бетон пошел — и ощущение красоты и общественной значимости труда с особенной полнотой овладело строителями. Это ощущение радостной приподнятости испытывали и начальник технического отдела Скачков, и арматурщик Шапоренко, с удовольствием наблюдавший за тем, как обволакиваются и скрываются в бетоне стальные стержни — миллион килограммов арматуры, — и плотник Степин, участвовавший в сооружении и установке всех этих коробов,— шутка сказать, двадцать четыре тысячи квадратных метров деревянной опалубки! — и маленький, юркий Валерий Кудинов, инженер-«первогодок», с неизменным складным метром в кармане синего комбинезона, и поседевший в схватках с десятками рек главный инженер, чей густой баритон слышался то в одном, то в другом конце арки, и мотористка кабель-крана Варвара Мортикова, выгадывавшая минуты на подъеме и спуске каждой бадьи. Все они жили радостями и трудностями этой работы, и рядовые бетонщики чувствовали себя такими же творцами, как и инженеры: каждый вносил в эту большую, сложную, умную постройку свои способности, свою страсть.

Почетный железнодорожник инженер, строитель мостов, А. Д. Скачков.
Фото М. Глебычева

Все позднее, далеко заполночь, засиживался инженер Скачков над чертежами в техническом отделе. Но удивительное дело: чем больше люди требовали от него, тем спокойнее он становился, тем лучше, крепче чувствовал себя этот немножко медлительный, любящий все хорошенько обдумать рязанец, рядовой инженер пятилеток, каким он всегда себя считал и каким его считают другие. Два слова — «Пошел бетон!» — и куда девались сердечные перебои, и будто чьей-то рукой сброшен с плеч груз нелегко прожитых пятидесяти двух лет, уже не думается о годах, и ничуть не зазорно, уча молодых, любоваться их хваткой, самому учиться у них стремительной производственной смелости.

...Черная доска, самая обыкновенная классная доска висит в кабинете главного инженера, где собралось постоянное техническое совещание командиров строительства. Всегда пунктуальный, Скачков сегодня задержался на мосту: идет бетон!

Извиняясь за опоздание, он занимает свое место за длинным столом, рядом с секретарем совещания Феньевым. У доски главный механик Маневич. Быстро, сухо постукивает мел, и под рукой механика возникает схема моторов, редукторов, лебедок для подъема скользящей опалубки. Маневич объясняет, продолжая стучать мелом: вот эти тросы тянут вверх стальной пояс скользящей опалубки, предложенной инженером Каминским. Включается рубильник — и отпадает всякая необходимость в домкратах и ручных лебедках. Все можно сделать своими руками, за неделю. Таким образом, и эта операция бетонирования стоек будет механизирована. Может быть, Михаил Николаевич встречал подобные способы механизации опалубки?

Крутолобый, нахмуренный, всегда чем-нибудь недовольный, Маневич кладет мел и поворачивается к главному инженеру. Нет, насколько главному инженеру известно, опалубка, если и делалась передвижной, то поднимали ее всегда и везде вручную. Может быть, Александру Диомидовичу известны попытки механизировать эту операцию?

Маневич встречается глазами со Скачковым и, хмурясь, передает ему чертежик: вот схема, вот расчет скорости передвижки. Достаточно? Он садится на место. Скачков держит в руках чертеж и вспоминает, как вот так же принес ему, инженеру, свое рационализаторское предложение бригадир слесарей Матвей Маневич. Это было давно, на строительстве моста через Дон, первого в жизни обоих. А на мосту через Днепр уже главный механик строительства Маневич рекомендовал Скачкова в партию.

Вторую рекомендацию Александру Диомидовичу написал начальник строительного двора Шапкин. Он сидит в уголке, незаметный, такой же узкоплечий, как в молодости, с тонким, нервным лицом. Они познакомились на Воскресенском мосту — плотник Шапкин и аспирант Новочеркасского института Скачков. И вот оба — командиры... Быстро растут мосты, но еще быстрее — люди!

Теперь стучит мелом высокий, в очках инженер Каминский. Что такое он хочет предложить? Опять новый тип инвентарной опалубки? Это первый в жизни Каминского мост. Молодой инженер даже не представляет, как можно строить мосты без этих кранов, электровибраторов, скользящей опалубки, инвентарных стальных подмостей, ста тридцати моторов и ста тысяч киловаттчасов электрической энергии, ежемесячно поглощаемой всеми этими механизмами.

Да, так мы строим теперь мосты! И может быть, даже хорошо, думается Скачкову, что инженер Каминский не застал ни грабарей, ни каталей, не видел, как вручную замешивают бетон, как уминают его ногами... В самом деле, хорошо, что он ничего этого не увидел на первом же своем мосту: меньше будет поводов останавливаться, оглядываться, успокаивать себя сравнениями!

Ну, а сами они, Скачков, Михаил Николаевич, Шапкин, разве не чувствуют они себя молодыми, когда вот так, окруженные молодежью, сами отвыкают оглядываться, держаться традиций и подталкивают, торопят себя и других, исподволь, незаметно, подсказывая молодежи темы новых инженерных дерзаний, вроде той же механизированной опалубки или крупноблочного монтажа арматуры! Ни в одном курсе мостов не найти этого! Хочется строить так, как еще никогда не работали. Хочется требовать от себя неизмеримо больше, чем просто честной службы. Да и какая же «служба», кому «служба», как можно отцеживать часы на «службу» и на «себя», когда люди не просто поднимают мосты,— строят коммунизм!

Большие, яркие мысли освещают сухое лицо Александра Диомидовича, когда он вслушивается в слова Каминского, начертившего на доске свою схему.

— ...Вот так сложилась жизнь, — говорит Александр Диомидович.— Думаю, очень похоже на жизнь тысяч других строителей.

Давно отзвучали над Днепром торжественно-медленные удары Кремлевских часов, давно замолчали радиорупоры, а мы с Александром Диомидовичем по-рязански, вприкуску, стакан за стаканом «гоняем чаи», и разговор наш отнюдь не технический — о скользящей опалубке, для изучения которой я командирован на стройку,— а о самых простых вещах на свете: о мостах, стоящих, как вехи, за спиной инженера Скачкова. О строителе, оправдание жизни которого в том, что он оставит после себя на земле. И о Маринке, этой хитрюге, в которой отец души не чает. И о том, что хорошо, когда дети следуют профессиям отцов,— вот и Ирина уже заявила, что считает профессию инженера самой благородной. А у Игоря скоро первая практика, и хотелось бы, чтобы его послали сюда, на Днепр. Сын приезжал сюда на каникулы. Они вдвоем с отцом обошли всю площадку, и, когда уже под конец дня спустились с арки к самой воде, Игорь серьезно сказал:

— Я тебе завидую.

— Завидуешь? Чему? — переспросил Александр Диомидович, любуясь отражением арки в реке.

— Такой мост стоит целой жизни.

— В твоей жизни будут еще не такие.

— То будут!..

— Пройдет три года, и ты начнешь строить, а я буду сидеть дома и завидовать тебе.

— Пройдет три года, тридцать, триста лет, а эта арка все так же будет стоять.

Они помолчали, любуясь отсветами заката в воде.

— Да, такие мосты не легко поднимать из обломков.

— Почему ты об этом подумал? — Игорь обеспокоенно посмотрел на отца: — Больше не придется поднимать, я верю.

— И я. Иначе мы бы не строили такие мосты.— И Александр Диомидович опять достал папиросу.

— Потерпи, ты страшно много куришь, — сказал Игорь.

Александр Диомидович послушался и подумал, что вот уже и вырос сын. Где, когда возмужал: здесь, на днепровских мостах, или еще раньше, на Урале? И уже завидует отцу: завидует, как инженер инженеру! Уже и ему подавай вот такой мостище, чтобы все начинать с нулевых отметок и так же не знать покоя, когда пойдет бетон, и так же, по отцовской жизни, равнять свою.

— А матери очень хочется, чтобы я перешел в институт? — неожиданно спросил сына Александр Диомидович.

— Конечно. Но знаешь, мы как-то при ней заспорили с Ириной, и я сказал, что перестану тебя уважать как инженера, если ты уйдешь до окончания этого моста.

— А мама что?

— Представь, согласилась. Только Маринка сказала, что нашему отцу вообще нельзя верить, у него все мосты последние.

— Действительно, язычок! — И Александр Диомидович с удовольствием подумал, что, пожалуй, младшая лучше всех ориентируется в отцовском характере.— А ты слышал о новом проекте? — И, достав блокнот, начертил схему моста с необычными консольными фермами и завинчивающимися сваями. — Вот где простор инженеру!

— Уже потянуло?

— Тебя тоже потянет, когда начнутся работы.

— Мне еще учиться.

— Думаешь, два года много? Я вот говорю с тобой и все стараюсь припомнить: когда ты успел стать таким взрослым? В Сибири? Но ты же был совсем мальчишка! А в Магнитогорске ты еще бегал в трусиках. На Сосьве?

— А для мамы я все еще мальчик. Ну пошли, а то завтра опять поднимешься чуть свет.

По крутым ступенькам лестницы, высеченным прямо в скале, они зашагали вверх. Игорь взял отца под руку. На верхней площадке лестницы оба, не сговариваясь, повернулись к мосту. Днепр чуть дышал сонной волной. Вода в реке из розовой сделалась багровой, потом желтой, сиреневой, потом совсем погасла, стала серой. Опрокинувшись в глубину, отражалась застывшая на взлете арка. Вспыхнули над обоими берегами огни, и вода стала еще темнее: ночная смена при тысячесвечовых лампах продолжала укладывать бетон.

Пафос преобразования

За несколько тысяч километров от Москвы лежат хакасские степи. Суровый в Хакассии климат. Знойное лето сменяется морозными зимами. Добрую половину года дуют свирепые ветры-суховеи, иссушающие почву. Вода для Хакассии — драгоценный источник жизни.

Борьба с засухой — тема нового романа Алексея Кожевникова «Живая вода». Пафос этой книги в рассказе о славных трудовых подвигах советских людей, объявивших войну пустыне, задавшихся целью превратить всю Хакассию в цветущий сад.

Действие романа развертывается на Белозерском конном заводе, расположенном едва ли не в самой засушливой части Хакассии. И хотя заводу принадлежит почти «целое государство» земли, она, эта земля, по мнению некоторых местных работников, не способна родить хорошую траву, колос, овощи и фрукты. Бывший директор завода Застреха уверен, что нормально развиваться здесь может одно только коневодство, издавна составлявшее славу Хакассии.

Но вот на завод приезжает новый директор — Лутонин. Вникая в жизнь завода, он все более убеждается, что хозяйство здесь ведется односторонне, по-кустарному. Ему ясно, что сооружение оросительной сети поможет перестроить все хозяйство завода, сделать его комплексным, многоотраслевым.

Заглядывая в недалекое будущее, он уже видит цветущие в пустынном крае сады, голубые пруды, богатые урожаи хлеба, прочно огражденные защитными лесными полосами от ураганов и суховеев. В горячем стремлении Лутонина помочь своим творческим трудом преобразованию жизни, устроить ее лучше, прекраснее проявились свойственные нашим людям живые черты коммунизма. Это делает образ Лутонина запоминающимся.

Всюду, где ему приходилось раньше работать, он смело брался за преодоление трудностей, внушал своим помощникам мысль, что все богатства природы нужно заставить служить человеку. Об этом привлекательном свойстве Лутонина говорит уже начало романа. Поезд только что вошел в хакасские степи. Отныне Лутонину предстоит здесь жить и трудиться. Его жена и верный друг Нина Григорьевна с грустной усмешкой замечает:

— И везет же тебе!.. То пошлют в дебри: «Сей там пшеницу», то — на болота: «Разводи скот», теперь вот на пустырь: «Делай из него рай».

Но Лутонин не согласен с женой. Именно в том, чтобы переделывать и украшать жизнь, видит он свое призвание. Вспоминая, сколько медвежьих углов, старых лесосек, гнилых топей превратил он в прошлом в поля и сенокосы, он с удовольствием восклицает:

— И в самом деле везет!

В труде, в заботах о заводе наиболее полно раскрываются лучшие качества большевистского характера Лутонина. Вступая в борьбу с природой, он одновременно ведет борьбу с носителями отсталых взглядов и настроений — с Застрехой и уполномоченным треста конных заводов Рубцевичем.

Писатель показывает столкновение творчески заинтересованного отношения к жизни с невежественным, мертвящим, бюрократическим. В сущности, вся деятельность Застрехи как директора завода вращалась на холостом ходу, приносила не пользу, а один только вред. Застрехе хотелось жить без хлопот, без новшеств, поэтому и планы составлял он заниженные, на «младенцев-ползунков», как образно охарактеризовал их Лутонин. А у нового директора размах другой. Он умеет подойти к делу с государственной, а не узко деляческой точки зрения, как Рубцевич, который объявляет начинание «сумасбродным» и пытается пресечь его грубо административными мерами.

Живое, творческое отношение к жизни проявляют наряду с Лутониным парторг завода Домна Борисовна, старший научный сотрудник Хакасской опытной станции орошаемого земледелия, большой энтузиаст своего дела Дронов, молодой ирригатор Миша Коков, старый коневод Урсанах и другие. Благодаря горячей убежденности, энергии и настойчивости этих людей идея преобразования безводных степей овладевает массами, становится силой, вдохновляющей коллектив завода на трудовые подвиги.

Еще одна черта характеризует героев книги. Это горячая любовь к родному краю. Она побуждает археолога Аспата Конгарова усердно отыскивать на курганных плитах «писанницы» — древние надписи и рисунки, неоспоримо подтверждающие, что до нашествия орд Чингиз-хана Хакассия была не только скотоводческой, но и хорошо орошаемой земледельческой страной.

Любовь к Хакассии движет поступками Аннычах, когда она неутомимо закладывает в степи будущие лесные полосы. Любовь к Хакассии помогает и молодому агроному Иртэн настойчиво добиваться своей цели. Иртэн родилась и выросла в этой степи. Степь для нее — родной дом, каждая травка, как сестра, каждый камень — брат. И когда малодушные люди говорят: «Проклятая земля, плюнуть на нее», — Иртэн думает про себя: «Разве можно плюнуть на братьев и сестер, на родной дом и перейти в чужой?»

Далекий уголок нашей Родины, Хакассия, описан в романе А. Кожевникова с такой искренней теплотой, с таким основательным знанием прошлого Хакассии, привычек и быта ее коренных жителей, что усиливает симпатии и интерес к судьбам этого края, к его людям, к его истории.

Удались автору картины природы края. Читая книгу, живо представляешь себе бесконечные степные просторы, степные увалы и холмы с их мягкими, округлыми очертаниями, высокое небо над головой. Писатель нашел нужные краски, сумел передать своеобразную красоту хакасских пейзажей. Лутонин, вглядываясь в расстилающиеся перед ним безбрежные степи, чувствует, что есть в этом «что-то значительное, сразу останавливающее и берущее за сердце, какая-то по-своему глубокая и красивая душа земли, способная пленить человека, может быть, не меньше, чем Кавказ, Украина, Волга».

Картины природы наполнены жизнью и движением. Главы, посвященные описанию знаменитых хакасских скакунов,— это небольшие новеллы, вплетенные в ткань повествования.

Алексей Кожевников в опубликованном еще до войны романе «Брат океана» проявил себя как чуткий к современности писатель. В новой своей книге он выступает пропагандистом смелых новаторских начинаний.

В этой книге сказалась одна из важнейших особенностей советской литературы: ее стремление подмечать и любовно описывать черты нового в жизни нашего общества. Через произведения художественной литературы опыт передовых людей науки, промышленности, сельского хозяйства доходит до широких кругов читателей. То же относится и к книге А. Кожевникова. Пропагандируя опыт хакасских новаторов, она помогает нашему движению вперед, содействует распространению новых методов работы.

В конце романа мы видим, каких ощутимых результатов добиваются его герои. Изменилась природа, изменились в процессе труда и сами люди, выросли, обогатились духовно. Десять тысяч гектаров, отвоеванных у пустыни, превращены в цветущий оазис. Но Лутонин и его помощники уже всерьез задумываются об использовании остальных 290 тысяч.

Есть и другая проблема, которая глубоко волнует коллектив завода. Конечно, каналы-оросители сыграли огромную роль. Но не слишком ли много пахотной земли они отнимают? Не являются ли они рассадниками сорняков? И не препятствует ли подобная система орошения — сеть каналов, изрезавших землю,— широкому использованию на поливных полях мощной современной сельскохозяйственной техники?

Заменить постоянные оросители временными — вот задача, которую выдвигают практики сельского хозяйства перед работниками Хакасской опытной станции орошаемого земледелия. И научному коллективу станции оказывается под силу решение этой насущно важной проблемы. Руками хакасских опытников сконструирована новая машина — канавозарыватель, — которая помогает перейти на совершенно новую систему орошения.

Все то новое, свежее, о чем рассказал в своем романе Алексей Кожевников, не выдумано им. Характерная, определяющая черта этой книги — почти документальная точность. Отталкиваясь от живых явлений жизни, роман Кожевникова пропагандирует передовой опыт и тем, в свою очередь, обогащает жизнь.

При своих неоспоримых достоинствах «Живая вода» страдает и существенными недостатками. Порой писатель излишне многословен. Тщательнее, строже следовало поработать над композицией произведения. Чувство неудовлетворенности оставляет финал, где повествование сбивается на беглый пересказ событий. Встречаются небрежности и в языке. Сравнения вроде: «Орешков вдруг побагровел, как печенка» — никак нельзя признать удачными.

Но главное в романе — его правдивость. Злободневная, волнующая тема подсказана автору явлениями самой жизни, которые он тщательно и всесторонне изучил. Именно на этом пути художника ожидают значительные творческие победы.

Б. ГАЛАНОВ

Алексей Кожевников. «Живая вода». Роман. «Советский писатель». М. 1950. 511 стр.

Голос корейских поэтов

Сейчас, когда народ Кореи героически борется против американских империалистов за свое национальное объединение, советские читатели с обостренным интересом и волнением возьмут в руки сборник «Современная корейская поэзия».

В книгу вошли переводы стихов двадцати трех поэтов Северной и Южной Кореи. Поэтам-переводчикам (Луговскому, Кирсанову, Алигер, Железнову, Хелемскому, Павловой, Журавлеву и другим) удалось передать не только содержание, но и своеобразную форму и колорит корейской поэзии.

О нищенской, рабской доле корейского народа в годы японской оккупации повествуют написанные в то время стихи поэтов-борцов Ли Сан Хва, Пак Пхал Яна, Лим Хва и Ли Ден Гу. Типичной для того времени была деревня Бондури, о которой рассказывает Ли Ден Гу. Люди жили в «домах, где скот не стал бы жить», в пещерах или вовсе без жилья и ходили в поисках работы в отрепьях, голодные, «завидуя зверям». О том, как японцы покупали за пятьдесят иен корейских детей девяти — тринадцати лет для работы на химкомбинате, мы узнаем из стихотворения «Мать» Тю Сон Вона.

Однако и в то время корейский народ вел партизанскую борьбу. Тогда он восставал против японских оккупантов и лелеял «мечту о свободной земле», жил «в ожидании бури» и ждал освобождения с севера.

Так долго ожидаемое корейским народом освобождение принесла в 1945 году ему Советская Армия. Радостно встретил корейский народ своих освободителей. Яркую картину этой встречи дает Ли Чан в стихотворении «Красные солдаты»:

Без слов мы знакомимся
с этим солдатом:
Улыбка, пожатье руки —
и становишься братом...
Вдруг слово «Сталин»
услышишь — и вмиг
Родным и понятным стал
чужой язык.
Вздохнула гармонь под
солдатской рукою,
И хлынула русская песня
рекою...
Веселая песня звучит без
конца,
И радостно бьются наши
сердца.

Чувство глубокой благодарности за освобождение наполнило сердца корейского народа. Оно выражено во многих стихах поэтов. О «вечном рукопожатии», о большой дружбе между корейским народом и народами Советского Союза пишет Ли Ден Гу.

Благодарность Сталину от всего корейского народа высказывает Тю Сон Вон:

Мы стали вольным
народом,
Мы новую жизнь творим,
За землю и за свободу
Мы Сталина благодарим!

Ким Дё Гю шлет «земной поклон и приветствует скромным стихом огромное солнце России и великого учителя и вождя Сталина»:

Не ты ль, полководец
веков,
Ведя нас победным путем,
Шлешь ленинской правды
лучи
Во все уголки
мирозданья?..
Великое имя твое
Повсюду не только
народ,—
Земля вся — и все на земле
С любовью сейчас
произносит.

О Зан Хван с волнением рассказывает о своем посещении Мавзолея Ленина, а Ким Сан О поет славу Москве — «залогу победы мира трудового, надежде человечества».

Образование народно-демократической республики в Северной Корее вызвало огромный энтузиазм трудовых масс.

В «Песне о земле» Тё Ги Чена бедняк с песней пашет свою землю и вспоминает, как он раньше, в прежние весны, пахал на чужом поле под ярмом помещика. В стихотворении «День земельной реформы» Бяк Ин Дюна старый дед, плача от радости, сгребает камни с грядок и выдирает сорняки. В этот вечер впервые в доме варился суп из курицы и «веселье светилось в глазах изможденных».

О свободном труде корейских рабочих пишет Ян Мен Мун. Шахтеры, соревнуясь друг с другом, «сил не жалея, добывают уголь для топок, для строек народной Кореи». Доменщики стоят на посту у огнедышащей летки печи, и каждый сознает, что «непрерывный поток металла — пламенная река победы моей страны, моего народа».

О близости к народу Трудовой партии Кореи и о популярности ее вождя Ким Ир Сена рассказывают стихи «Я иду в народный комитет» Пак Се Ена и «Песня о Ким Ир Сене» Ли Чана.

Непреодолимое стремление всего корейского народа к объединению и ненависть к американским империалистам, пришедшим на смену японским в Южной Корее, нашли яркое выражение во многих стихах.

Участник партизанской борьбы в Южной Корее Бяк Ин Дюн пишет о ненависти к империалистам Америки, искусственно разделившим страну на две части:

О подлецы,
между моими двумя детьми
они протянули колючую
изгородь
разлучающих рук.
В пасть их,
двигающуюся в жвачке
резины,
в их глаза,
лгущие о
джентльменстве,—
мой плевок гнева и мести!

Глубокую уверенность в победе правого дела корейского народа выражает Тю Сон Вон; в стихотворении «Суд идет!» он пишет о скором справедливом суде народов над поджигателями войны:

Слишком много пролито
крови,
Чтоб ныне
забыть о том!
Слишком много страдал
народ мой,
Чтоб снова
надеть
ярмо!..
Дрожите,
свободы
грабители —
Идет
последний
суд!
За все,
что вы
расхитили,
К ответу
вас
привлекут!
Вчера в Нюрнберге,
Сегодня в Токио,
А завтра,
быть может,
в Вашингтоне...

Голос корейских поэтов — это голос всего корейского народа. Он звучит как грозное предупреждение империалистическим захватчикам и поджигателям войны.

Мих. ЗЕНКЕВИЧ

СОВРЕМЕННАЯ КОРЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ. Издательство иностранной литературы. М. 1950. 228 стр.

ЗАКАТ. Фото Б. Кузьмина.

В АРХАНГЕЛЬСКОМ (Подмосковье).

Фото И. Шагина.

ПУТЬ К СОВЕРШЕНСТВУ

К. РУДНИЦКИЙ

Москва полюбила киевских актеров. Два года назад у здания Малого театра стояли очереди москвичей, желавших попасть на гастрольные выступления Киевского русского драматического театра имени Леси Украинки. Ныне в том же помещении гастролировал Украинский драматический театр имени Ивана Франко. И снова было трудно достать билеты на спектакли киевлян. Аншлаг следовал за аншлагом. Это свидетельствует о том, что театр чутко реагирует на растущие духовные запросы наших зрителей.

Приезд в Москву — важный экзамен в жизни каждого театра страны. Московская публика известна своей взыскательностью, тонким пониманием театрального искусства. Это самая требовательная и самая благодарная аудитория. И уже не в первый раз актеры Театра имени Франко завоевывают ее симпатии.

Чем же это объясняется?

Когда смотришь одну за другой постановки киевлян, убеждаешься, что труппе в высокой степени присуще чувство современности, то ощущение ритма нашей жизни, которое, конечно, и является первоосновой успеха.

Артисты Театра имени Франко любят драматургические произведения советских писателей. Они показывали в Москве три постановки А. Корнейчука: «В степях Украины», «Макар Дубрава», «Калиновая роща», — демонстрируя тем самым итоги своей многолетней творческой дружбы с драматургом. Они играют также первую пьесу молодого драматурга Я. Баша «Профессор Буйко», «Заговор обреченных» Н. Вирты...

Кроме того в их репертуаре классические комедии и драмы: «Суета» и «Мартын Боруля» И. Карпенко-Карого, «Украденное счастье» И. Франко, «Последняя жертва» А. Островского. Но и эти классические спектакли проникнуты **свежим дыханием времени, и в прошлое театр смотрит глазами своих современников. Потому-то зрители так охотно посещают все спектакли этого театра.**

Сцена из пьесы А. Корнейчука «Калиновая роща». Карп Ветровой — народный артист УССР В. Добровольский, Батура — заслуженный артист УССР П. Сергиенко.

«Калиновая роща» в Украинском драматическом театре имени Франко. Наталья Ковшик — народная артистка СССР Н. Ужвий, Романюк — народный артист СССР Ю. Шумский.

Фото А. Гладштейна.

* * *

Иван Франко назвал «Украденное счастье» драмой. Но сила огромного таланта Амвросия Бучмы делает эту драму подлинной трагедией. Печальна судьба Миколы Задорожного. Суров и тяжел его жизненный путь. Один только раз улыбнулось Миколе счастье, когда отдали за него Анну, девушку, которую он полюбил всей душой. Но Анна была невестой другого. Корыстные братья обманом выдали сестру за Миколу, уверив, что жених ее, Михайло, погиб в чужих краях. Им не терпелось сплавить Анну с рук и завладеть ее приданым.

Михайло возвращается, и старая любовь загорается с новой силой.

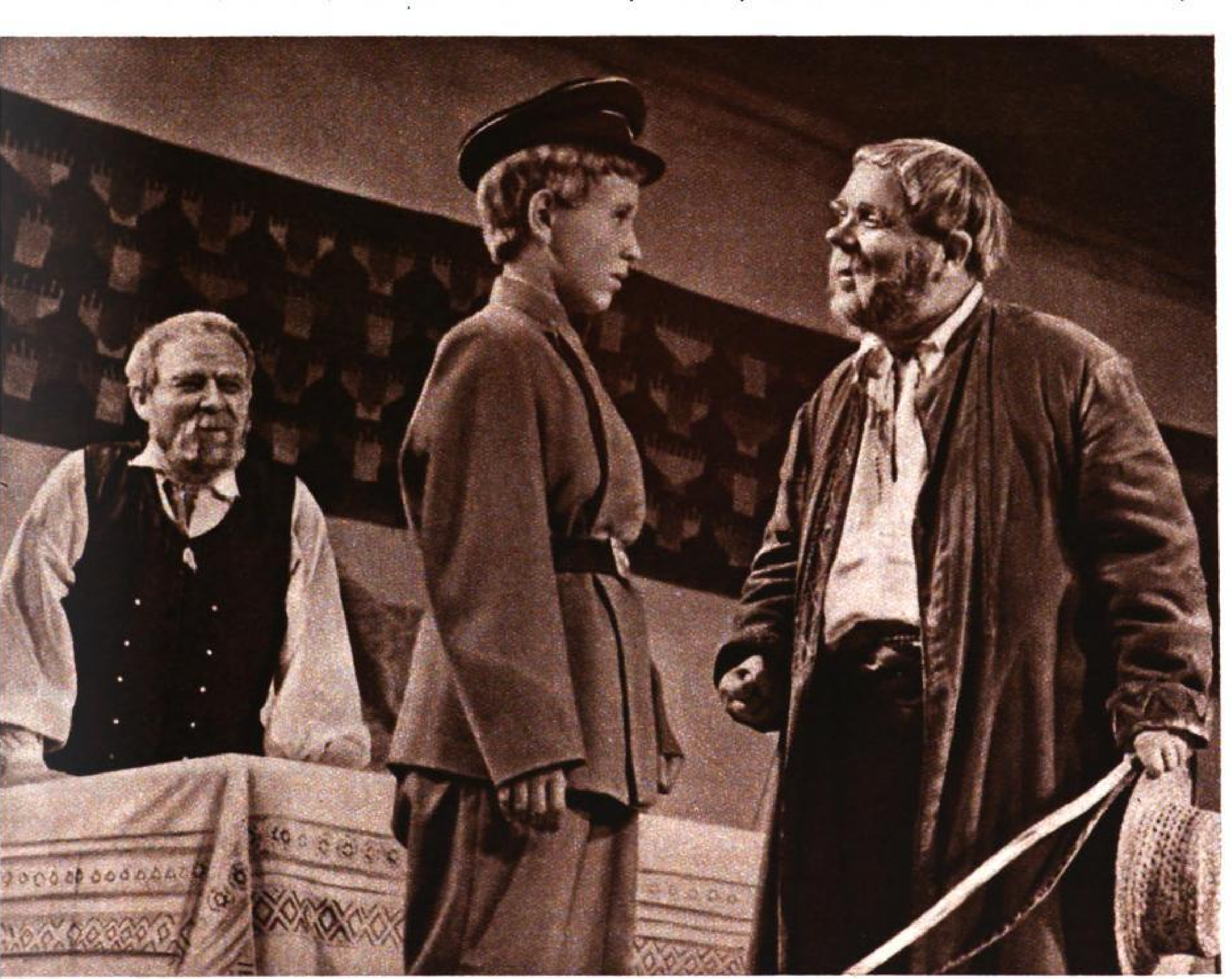
Н. Ужвий, играющая Анну, и В. Добровольский, играющий Михайлу, выразительно и просто рисуют образы людей, решивших любой ценой вернуть украденное у них счастье. Их любовь причиняет Миколе большое горе...

Бучма в этой роли поистине поражает своим уменьем раскрыть тончайшие переживания сценического героя. Ни одного слова упрека не срывается с уст Миколы. С болью в сердце он просит Анну об одном: не бывать с Михайлой на людях. В этом простом, забитом человеке огромное чувство собственного достоинства.

Связь Анны и Михайлы становится известной, и Микола опозорен перед всем селом. Но он попрежнему молчалив, только

сгорбился, словно стал меньше ростом. Глаза его потухли... А где-то в глубине души зреет взрыв. Микола на грани отчаяния... Напряжение разрешается убийством соперника — Михайлы.

М. Коцюбинский писал, что Франко делит людей на угнетателей, против которых он оттачивает, как меч, каждое свое слово, и на угнетенных, которым отдает свое сердце. Во время представления «Украденного счастья» сердца всех зрителей принадлежат

Сцена из комедии И. Карпенко-Карого «Суета». В роли Макара Барыльченко — народный артист УССР Т. Юра, Матюши — Ю. Яковченко, Терешки Сурмы — народный артист СССР Гнат Юра.

Миколе. Но зрители прекрасно понимают, что счастье Миколы, Анны, Михайлы украдено угнетателями. Личная трагедия простых людей, тщетно стремящихся к светлой жизни, верно трактуется в спектакле, как трагедия обездоленного народа, несущего ярмо неволи.

Тема счастья, украденного угнетателями, пронизывает и другие классические постановки театра. Она раскрывается в «Последней жертве», звучит лейтмотивом комедий «Мартын Боруля» и «Суета», в которых франковцы выступают во всеоружии мастерства и свежего, живого юмора, поднимаясь до сатирического обличения пороков буржуазного общества.

Наряду с известными, зрелыми артистами, такими, как Г. Юра, А. Ватуля, в этих комедийных спектаклях успешно выступают молодые — О. Кусенко, лиричная, искренняя актриса, Н. Панасьев, одаренный и обладающий большим тактом комик. Острым оружием смеха киевские актеры в этих спектаклях словно ведут бой за чистоту человеческих душ, за полное избавление их от следов грязной морали, сложившейся в мире насилия, в мире, где чувства подвластны деньгам...

Пьеса А. Корнейчука «В степях Украины» хорошо знакома зрителям столицы. Много лет шла она в Малом театре. Ее показывал в Москве и Театр имени Франко во время гастролей 1941 года. Тогда спектакль посетили товарищ Сталин, руководители партии и правительства. Веселая, солнечная комедия шла под шумный смех публики. Этот смех вы услышите и сейчас. Спектакль не постарел, хотя ему уже десять лет от роду — срок немалый! Поныне зрители увлеченно следят за бурными столкновениями двух председателей колхозов — Чеснока и Галушки,— аплодируют словам Чеснока о том, что к коммунизму надо идти «быстро и каждый день», и встречают дружным хохотом разглагольствования Галушки, мечтающего о «тихой жизни»...

Уже позади война, которую предчувствовал Чеснок, говоря:

— Будем драться, но с такой злостью, что мир не видал, потому человек больше всего злится, когда ему крышу мешают построить и новые двери дрянью пачкают.

Уже редко где увидишь теперь рядом избы двух председателей соседних колхозов — чаще встретишь один колхоз, объединяющий несколько сел, чем два колхоза в одном селе.

И все же комедия живет, и каждое слово ее попрежнему встречает отклик в зале. Сочный щедрый народный юмор, которым пропитаны образы спектакля, попрежнему будит в сердцах зрителей презрение к собственническим инстинктам, вызывает любовь к передовикам колхозного села. То, о чем рассказывается в этой комедии, стало прошлым. Но то, что составляет ее сердцевину, ее смысл, — борьба нового отношения к труду со старым — остается содержанием нашей сегодняшней жизни.

Вот почему так активны зрители на этом спектакле. Вот почему с такой симпатией относятся они к Чесноку, предстающему в исполнении Д. Милютенко подлинным героем современности, и к Катерине, которая в воплощении артистки П. Нятко радует своей неподдельной молодостью, свежестью чувств и бодростью духа... Особенно удачен в спектакле образ Галушки, созданный замечательным комедийным артистом Ю. Шумским. Шумский не скрывает от зрителя глубоких заблуждений Галушки, но в то же время, посмеиваясь вместе с нами над незадачливым любителем поживиться за счет государства, показывает и то здоровое, чистое в Галушке, что обещает нам возвращение сценического героя на верный, хотя и менее спокойный путь борьбы за общее счастье.

По духу близок Галушке и Романюк, центральный персонаж спектакля «Калиновая роща». Романюк, роль которого исполняет Шумский, по сути дела, лишь пытается «модернизировать» в наши дни мечту Галушки о «тихой жизни». Он также не спеша хочет добраться до коммунизма и отстаивает, так сказать, «право на заурядность». Имея все возможности для того, чтобы вывести колхоз в число передовых, председатель считает, что неплохо быть передовым и... среди отстающих! Но жизнь показывает, что не идти вперед — это значит неизбежно оказаться отставшим. Скоро в этом убеждается и Романюк, а еще скорее — колхозники «Калиновой рощи».

Карп Ветровой в исполнении В. Добровольского предстает перед нами волевым, мужественным и энергичным человеком, чья принципиальность и непримиримость в борьбе за новое объединяют вокруг него лучших людей колхоза. Вместе с Ветровым выступает против Романюка и председатель сельсовета Наталья Ковшик (Н. Ужвий), женщина, обладающая глубоким умом и отзывчивым сердцем, окрыленная огромными возможностями, которые открывает перед человеком колхозный строй...

Подобно тому, как классические спектакли Театра имени Франко пронизывает тема борьбы за утраченное, отнятое у народа счастье, современные спектакли этого театра полны живым ощущением счастья, завоеванного, обретенного в труде. Солнечные, яркие картины жизни советской Украины видим мы в этих спектаклях, правдиво отражающих действительность наших дней.

* * *

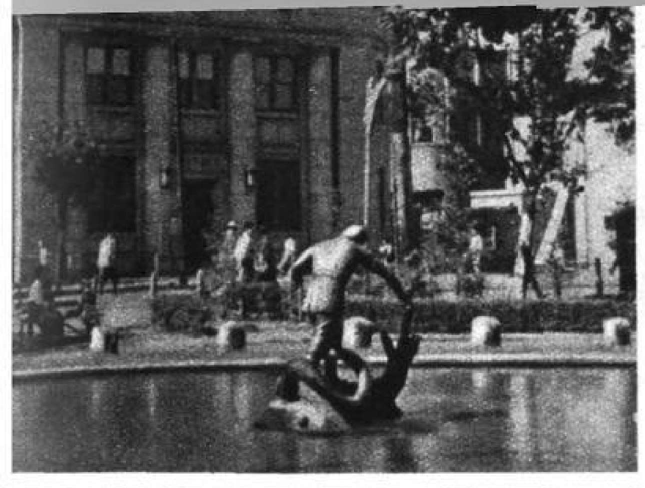
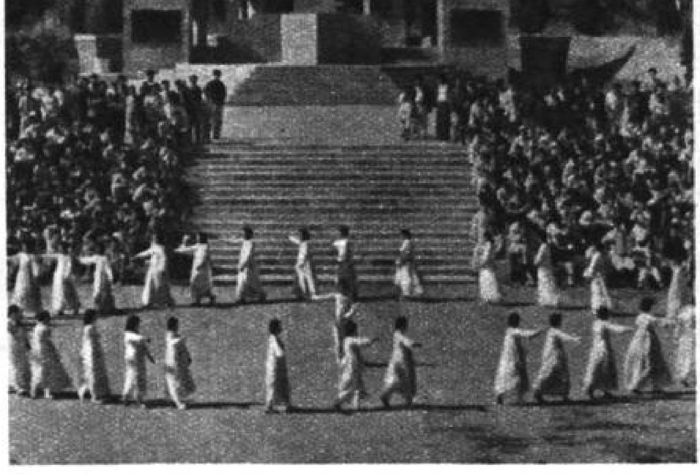
Трудно было бы предъявить какие-либо претензии к таким замечательным мастерам сцены, как Амвросий Бучма, Наталья Ужвий, Юрий Шумский, Владимир Добровольский. Трудно было бы спорить с опытным постановщиком Гнатом Юрой о трактовке той или иной пьесы. В игре этих актеров, в режиссерской работе Г. Юры есть черты подлинного совершенства: ясность идеи, яркость формы, цельность художественного замысла. Но замыслы не всегда оказываются осуществленными до конца, а у ведущих артистов театра не всегда оказываются вполне достойные партнеры.

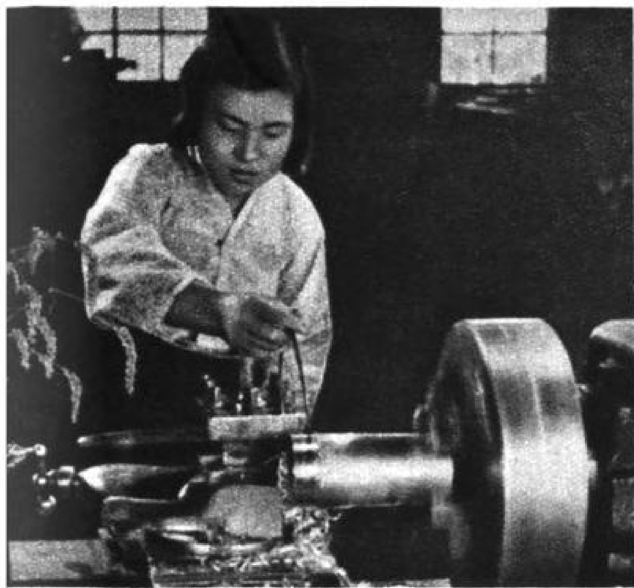
Речь идет не об отдельных актерских неудачах, к числу которых нельзя не отнести, например, образ писателя Батуры в исполнении П. Сергиенко в «Калиновой роще» и образ Вакуленко (И. Маркевич) в том же спектакле. Речь идет о недостаточно развитом в труппе чувстве ансамбля, о том, что иной раз актеры позволяют себе чрезмерно нажимать на «комедийные педали», стремясь позабавить публику, а иной раз и отходят от свойственной лучшим мастерам труппы реалистической манеры исполнения.

В театре любят и ценят своих корифеев. Их любит и ценит зритель. Но зрители наших дней не могут не заметить той дистанции, которая отделяет ведущих мастеров театра от некоторых его актеров.

В преодолении этой дистанции и заключается главная задача коллектива. Именно в борьбе за слаженный, единодушный ансамбль театр придет к высокому совершенству своего искусства.

Можно не сомневаться в том, что творчество франковцев достигнет этих высот. Бесспорна глубокая связь театра с народом, с лучшими традициями русского и украинского реалистического театра, с жизнью советского общества, неуклонно идущего вперед, к коммунизму. Искусство, черпающее свои силы в народе, в его труде и в его борьбе, имеет все данные для новых больших побед.

КОРЕЯ
ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «ПО СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ»

Вверху. Один из живописных уголков Пхеньяна.

Народный танец девушек в парке культуры и отдыха.

Люди труда, не знавшие раньше, что такое отпуск, получили возможность отдыхать в санаториях и домах отдыха.

Внизу. Корейская женщина отдает свой труд на благо освобожденной отчизны.

Журналы и книги — лучшие друзья корейских трудящихся в часы досуга.

Солнечные лучи озаряют Пхеньян. Корейский народ празднует 1 Мая — международный день трудящихся. Триста пятьдесят тысяч горожан вышли на улицы и площади, чтобы продемонстрировать непреклонную волю к миру, к единению народа. Над могучим потоком торжественного шествия реют знамена Корейской народно-демократической республики, возвышаются портреты национального героя, вождя корейского народа Ким Ир Сена.

Счастьем светятся лица демонстрантов. Они стали полноправными строителями своей жизни. На руках у матерей малыши. Не в силах оторвать глаза от красочного зрелища, они приветливо машут ручонками. Звучит музыка. Мощно разносится мелодия песни о Ким Ир Сене и Гимн демократической молодежи. Идут студенты, школьники, рабочие, крестьяне. Молодость, силу и здоровье нации олицетворяют физкультурники—юноши и девушки.

Таким запечатлен в красочных кинокадрах первомайский праздник в Пхеньяне, талантливо заснятый корейскими кинооператорами.

Просматривая этот цветной документальный фильм, я вспоминаю Корею такой, какой мне довелось ее увидеть в прошлом году во время пребывания там бригады советских кинематографистов. Воспоминания об этих днях свежи и ярки, словно я была в Корее только вчера.

Все, что мы видели, говорило о мирном, созидательном труде, о страстном тяготении к просвещению и культуре. Здесь, на севере страны, сбылись вековые чаяния корейского народа: он стал хозяином своей земли, сам управляет государством, руководит его промышленностью и сельским хозяйством.

На горе Морамбон, где когда-то была крепость и до сих пор еще уцелели древние стены, живописно расположился парк культуры и отдыха. В парке воздвигнут памятник советским воинам, павшим при освобождении Кореи от японского ига. Этот монумент высится как символ вечной дружбы советского и корейского народов. У подножья памятника всегда свежие цветы, которые приносят корейские патриоты.

Во время нашего пребывания в Северной Корее мы постоянно чувствовали себя среди друзей, радушно принимавших нас и гостеприимно показывавших нам родной край, первые достижения молодой республики: новые здания, украсившие Пхеньян,— Дом правительства, первый в Корее университет, Исторический музей, Театр Армии. Нам увлеченно рассказывали о дальнейшем строительстве культурно-просветительных учреждений.

Люди труда, не знавшие раньше, что такое отпуск, получили возможность отдыхать, заниматься спортом, путешествовать. Мы побывали на Алмазных горах, живописнейшем месте, где устроен первый рабочий санаторий Кореи.

На бывших помещичьих землях мы видели прекрасно возделанные рисовые поля. Крестьяне не боятся больше голода, этого вечного бича прежней корейской деревни.

К свету, к знанию тянется вся республика. Учатся все: малые и большие, дети и отцы. Велик интерес корейцев к русской культуре, которая имеет среди корейской интеллигенции серьезных знатоков и страстных пропагандистов. Мы присутствовали на лекции писателя Тан Юра, посвященной Пушкину. С большим интересом изучает корейская молодежь русский язык и литературу советских народов.

До установления народно-демократической республики в Корее не было своей национальной кинематографии. Теперь в Пхеньяне выстроена хорошая киностудия. Постепенно она оснащалась современным оборудованием. Государство расходовало крупные средства на воспитание кинематографических кадров. В студии снимались документальные и художественные фильмы. Кинематографисты Кореи, молодые талантливые люди, работали с исключительным энтузиазмом. Фильм о первомайском параде, о котором я рассказывала выше,— свидетельство незаурядного дарования корейских операторов. В первый раз проводили они цветные съемки и сняли этот всенародный праздник отлично.

Корейское кино сразу и решительно стало на путь реализма и стремится создавать ясные и доходчивые фильмы. В стране много кинотеатров. С удовлетворением наблюдали мы интерес корейцев к советским фильмам, пользующимся там неизменным успехом.

Побывали мы и в корейских театрах — в опере и драме. В драматическом театре смотрели пьесу «Заговор обреченных». Этот очень хорошо поставленный и сыгранный спектакль вызывал живую реакцию зрительного зала. Тема произведения — разоблачение империалистических замыслов США, борьба народа за свободу и демократию — была близка аудитории и волновала ее. В корейских театрах поставлены также «Любовь Яровая», «Русские люди» и ряд других советских пьес.

Многие советские зрители, искренно восхищавшиеся мастерством корейских музыкантов, певцов и танцоров во время их гастролей по Советскому Союзу, знают, как плодотворно развивается корейское искусство. Справедливо гордятся патриоты молодой республики выдающейся балериной Цой Сын Хи и ее молодыми воспитанниками.

Мирный народ, вдохновенно трудившийся на освобожденной земле, отдавал часы досуга книге, искусству, спорту.

...Да, так было на севере «страны утренней свежести», как поэтически называют свою родину корейцы, пока американские империалисты не толкнули лисынмановские войска на путь военной провокации. Ныне, когда в Корею брошены иноземные войска, когда гром орудий огласил мирный край, когда над городами и селами рвутся бомбы американских интервентов, все силы народа отданы делу победы.

Гнев, негодование вызывают известия о преступлениях, которые творят американские империалисты на корейской земле.

«Руки прочь от Кореи!»—требует все прогрессивное человечество. И с этой мыслью лучшие люди ставили свои подписи под Стокгольмским Воззванием Постоянного комитета сторонников мира.

Корейцы сами могут и должны решать судьбу своей страны. Ни карательные экспедиции, ни террор американских реакционеров в Южной Корее не сломили воли народа к объединению страны. Режим американской марионетки Ли Сын Мана, никогда не имевший опоры в народе, рушится.

Сегодня еще идут бои, но завтра на всей корейской земле восторжествует справедливость, и народ снова вернется к мирному, радостному труду.

Ирина СЕТКИНА,
лауреат Сталинской премии, кинорежиссер

Борьба продолжается

Виктор ВАСИЛЬЕВ

Внешне все выглядело довольно обычно: заполненная зрителями западная трибуна московского стадиона «Динамо», судьи в светлых брюках, бело-голубая планка, установленная на двух высоких стойках, наконец, расположившиеся на скамейке спортсмены. И все же многим: и зрителям, и судьям, и самим спортсменам — был ясен какой-то особый внутренний смысл того, что сейчас происходило.

Князев в прыжке.

Высоту 4 метра «взяли» четверо: Николай Озолин, Петр Денисенко, Борис Сухарев, Виктор Князев. Трое последних были каждый почти в два раза моложе Озолина. С седеющими висками, он легко мог сойти за отца любого из своих противников. И только блеск живых, чуть насмешливых глаз говорил о том, сколько темперамента, сколько хорошей спортивной злости таится в этом приземистом, крепком человеке.

Все участники борьбы за звание чемпиона страны в прыжке с шестом были прямо или косвенно связаны с ним. Сухарев и Денисенко были его учениками. Они многим обязаны Озолину, может быть, даже и тем, что вот сейчас оспаривали у него право называться сильнейшим прыгуном страны.

Какая, право, благородная задача — готовить спортсмена к борьбе с собой — тренером, передавать ему свой десятками лет накапливаемый опыт, знания, мастерство; делиться с ним тем, что стоило тебе неимоверно упорного труда, напряжения всех физических и духовных сил; делиться с ним, зная наверняка, что он, ученик, хорошо воспользуется всем этим и не упустит случая победить тебя оружием, которое ты сам вложил в его руки!

Ведь воспитать спортсмена, который станет сильнейшим, поднимет «потолок» рекорда страны,— это значит выполнить свой долг, доказать, что ты и теперь не менее полезен, чем в те годы, когда сам взлетал на высоту 4 метра 30 сантиметров.

Воспитать спортсмена, который вместо твоего имени в таблице рекордов впишет свое,— это и значит победить, ибо каждая победа твоего питомца — это и твоя победа, каждый его приз — это и твой приз.

И пусть не все на трибунах знают об этом, пусть не всегда забывчивый судья-диктор назовет наряду с именем твоего прославившегося ученика имя тренера— все равно ты счастлив. Ты знаешь: ученик крепко пожмет маленькую, но сильную руку и скажет взволнованным голосом:

— Спасибо!

...С Сухаревым Озолин познакомился несколько лет назад. Случилось это на одном из соревнований, где представитель Курска штурман авиации Борис Сухарев прыгнул в высоту с разбега 1 метр 91 сантиметр. Для молодого спортсмена это был превосходный результат. Но Сухарев остался недоволен своей техникой и решил при первом же удобном случае поговорить с таким авторитетным знатоком, как Озолин.

— Прыгаете вы неплохо,— ответил Озолин и с улыбкой добавил: — Но мне кажется, что результат ваш мог быть много лучше.

И когда Сухарев вопросительно взглянул на него, Озолин подвел его к шесту и сказал:

— Я лично больше всего люблю этот вид спорта. И потом у вас прекрасные данные: высокий рост, сравнительно небольшой вес, крепкие мускулы. Подумайте...

Думать Сухареву не пришлось— ему нравились прыжки с шестом. Спустя несколько месяцев он уже перепрыгнул планку, установленную на высоте 3 метров 60 сантиметров. Вскоре офицера Сухарева перевели в Москву, и здесь он под руководством Озолина начал всерьез изучать технику прыжка.

Денисенко взял большую высоту.

Прыгун с шестом должен быстро бегать, быть хорошим гимнастом и, наконец, обладать выносливостью — это необходимо, чтобы не утомиться перед последними прыжками. Сухарев поочередно совершенствовал различные элементы прыжка.

Тренер и его ученик были упрямы. Медленно, но верно Сухарев добрался до четырех метров — заветной высоты каждого прыгуна с шестом.

Пришел день, когда они встретились возле планки уже как претенденты на звание чемпиона столицы 1949 года. И ученик доказал, что учитель не напрасно потратил на него столько труда: Сухарев победил Озолина.

Петра Денисенко, выпускника Днепропетровского института инженеров железнодорожного транспорта, Озолин тренировал с 1948 года. Через год Денисенко под руководством тренера выступал на Международных студенческих играх в Будапеште и занял первое место в многоборье.

По сравнению с Сухаревым Денисенко был уже для Озолина «старым» противником. Любителям спорта надолго запомнилась двухдневная дуэль Озолина и Денисенко при розыгрыше первенства страны 1948 года. Это было редкое по спортивному накалу единоборство, в котором оба соперника оказались достойными друг друга. И когда Озолин все же победил своего молодого и полного сил противника, он дал себе слово больше не выступать.

Заслуженный мастер спорта Николай Озолин.

Но прошла зима, наступило спортивное лето 1949 года, и Озолин почувствовал, что его неодолимо влечет к заветной планке и что он не выполнит своего решения.

И вот он снова участник соревнований. Раскаивается ли он теперь в этом? Нет, не раскаивается.

...Петр Денисенко, а за ним и Виктор Князев легко, с первой попытки, взяли высоту 4 метра 10 сантиметров.

О Князеве разговор особый. Юноше, студенту Московского авиационного института, немногим более двадцати лет. В спортивной манере Князева Озолин без труда узнает его тренера, заслуженного мастера спорта Владимира Дьячкова.

Дьячков теперь — коллега Озолина по научной работе в Институте физкультуры. А ведь было время, когда они, вот такие же горячие, сильные, задорные, боролись друг с другом за рекорд страны.

Поединок этот начался очень давно, в 1927 году, когда Озолин впервые стал рекордсменом страны, показав высокий для того времени результат. Рекорд этот не был долговечен: спустя две недели его улучшил Дьячков. На следующий год Дьячков повысил рекорд на 19 сантиметров.

Но и Озолин не остается в долгу и устанавливает свой второй рекорд. Это словно послужило сигналом для Дьячкова: вскоре он прибавляет к рекорду еще 8 сантиметров. Лишь спустя несколько лет Озолину удается победить Дьячкова...

И вот теперь Виктор Князев воскрешает воспоминания. Если бы соперничали только Князев, Денисенко и Сухарев, все было бы просто. Тогда можно было бы сказать, что старые противники, передав свой опыт и мастерство молодым, символически вновь борются друг с другом. Но участие Озолина в борьбе нарушает эту символику. Он совершенно реально заявляет свое право обладать алой майкой чемпиона.

...Высота 4 метра 10 сантиметров. Денисенко и Князев прыгают

удачно с первой же попытки, а Сухарев не смог преодолеть планку, Озолин тоже берет высоту, но со второй попытки. Это на первый взгляд незначительное обстоятельство может сыграть решающую роль: в случае, если все не одолеют следующую высоту, то он, Озолин, окажется побежденным...

И все же он и теперь не раскаивается в том, что вступил в борьбу. Да, конечно, куда спокойнее (и, по мнению некоторых, достойнее) было сойти после прошлогоднего сезона с дорожки, сойти победителем, в ореоле славы. Но он тогда почувствовал, что этот выход не для него. Пока есть сила в мускулах (а сила эта есть!), пока есть воля к борьбе (а воли хватит на двоих!), он будет драться за победу. И никто не упрекнет его в том, что он струсил, уступил титул без борьбы.

— Высота 4 метра 18 сантиметров! Прыгает Озолин, приготовиться Князеву! — голос судьи звучит глухо, словно издалека.

Озолин не спеша снимает вязаный костюм и идет к старту разбега. Шест мерно, в такт шагам покачивается в его руке. Было у Озолина перед прыжком скрытое психологическое преимущество. Оно заключалось именно в том, что итоги у него менее выгодны, чем у Денисенко и Князева. Он должен поэтому взять высоту! Непременно взять!

Пора! Озолин внимательно смотрит вперед, словно прицеливаясь. Шест направлен в сторону планки.

Начинается разбег. Плотная фигурка мчится все быстрее и быстрее. Вот упругий шест получает опору, и мускулистое тело спортсмена выносится вперед и вверх. Вот оно уже перед рейкой. Есть! С первой попытки!

Князев и Денисенко тоже берут высоту, но со второй попытки. Для обоих это блестящий успех, личный рекорд. Почему они сумели преодолеть планку, установленную на такой высоте? Это сделали спортивная борьба, чувство соперничества, стремление победить. В душе все они были благодарны друг другу за страстный порыв спортивного вдохновения, который охватил их.

...В летние дни этого года на секторе для прыжков московского стадиона «Динамо» часто можно видеть двух мускулистых, загорелых спортсменов, тренирующихся в прыжках с шестом. Вот один из них, тот, что повыше, делает прыжок. Другой стоит под планкой, и когда первый спортсмен прыгает, невысокий подталкивает его в спину и громко кричит:

— Голову назад, Боря! Резче выноси ноги!

Это Озолин и Сухарев. Учитель и ученик. Друзья и будущие соперники в грядущих соревнованиях.

И, глядя на то, как один из них учит другого своему мастерству, кажется, что тренер уже отказался от личных успехов, отказался от борьбы. Но попробуйте заговорить с ним об этом — и вы увидите, как вспыхнут и заискрятся его живые глаза.

— Звания даром не уступлю! — скажет он чуть сердито. И насмешливо добавит: — Не так мы воспитаны.

И сказано это будет с такой решительностью, что вам станет ясно: борьба не кончена. Борьба продолжается...

Игра началась.

Когда на московском стадионе играет «Спартак», среди десятков тысяч зрителей всегда можно увидеть светлоголовую девочку с бантами в косичках — Галочку Дементьеву. Она следит за всеми перипетиями матча и особенно напрягает свое внимание, когда мяч попадает к отцу — заслуженному мастеру спорта Николаю Дементьеву.

Наш фотокорреспондент А. Бочинин заснял Галочку Дементьеву во время матча.

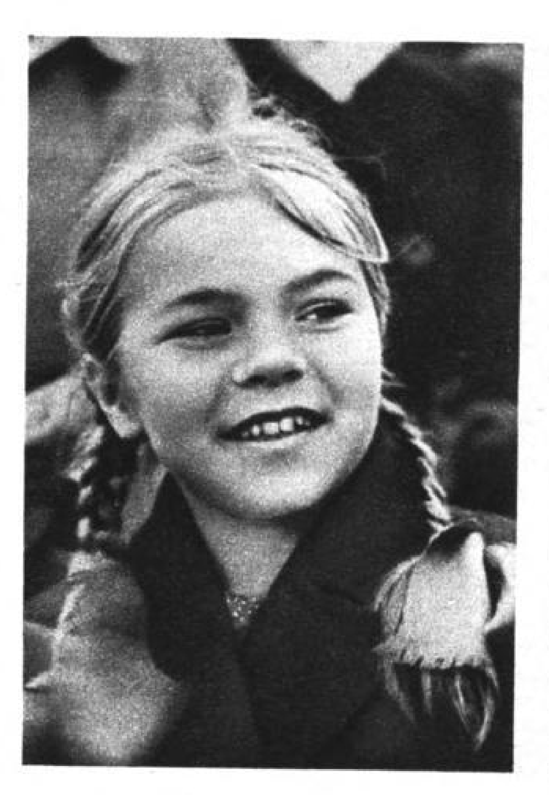

Папа упал.

Галочка Дементьева НА СТАДИОНЕ

Острый момент у ворот.

Папа забил гол.

Мяч идёт к воротам «Спартака».

Судья назначил одиннадцатиметровый штрафной удар.

Мяч в сетке «Спартака».

Все же «Спартак» выиграл!

Дипломат

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Рисунки А. Каневского

Два часа ночи. Предрассветный ветерок через открытую форточку осторожно шевелит тюлевую занавеску. Василий Митрофанович Мухин подходит к окну и распахивает обе половинки. В комнату врывается аромат цветущей липы, свежего сена и еще какие-то едва уловимые запахи летней ночи, навевающие воспоминание о юности, ночных прогулках, о первой любви.

Но Василию Митрофановичу не до воспоминаний. Ему не спится. Во-первых, придя с работы и пообедав, Василий Митрофанович успел, как любит говорить его супруга Антонина Николаевна, «отхватить» несколько часов на диване. Но это — не главное.

Дело в том, что экономиста терзают неприятные мысли. Уже вторую неделю он замечает, что им очень недоволен управляющий конторой Иван Сергеевич Пухов. Позавчера, например, принеся управляющему ежемесячную сводку о ходе заготовок дикорастущих ягод, Василий Митрофанович вместо обычного «благодарю» услышал равнодушное «хорошо, оставьте». А в понедельник Пухов, будучи в облисполкоме на совещании, попросил приехать к нему с дополнительными материалами не Василия Митрофановича, как это он делает обычно, а Марию Павловну, работающую в конторе без года неделю.

А вчера на профсоюзном собрании управляющий очень решительно требовал, чтобы будущей осенью все без исключения учились кто где может: в кружках, в вечерних техникумах и институтах. Он так прямо и сказал: «все» — и строго посмотрел в это время на Василия Митрофановича. Ну что ж, управляющий, конечно, прав. Прошлой зимой Мухин дотянул в кружке только до декабря. Неужели Иван Сергеевич помнит об этом и за это сердится? Не может быть! Статистик Голосов не сдал в вечернем институте ни одного зачета, а Иван Сергеевич с ним не то чтобы очень мил, а все-таки...

Василий Митрофанович видит в окно, как розовеет край неба. В комнате стало почти светло. У окна можно даже читать. Василий Митрофанович машинально берет газету. Его рассеянный взгляд скользит по объявлениям: «Требуются бухгалтеры», «Требуются токари и монтеры», «Все для летнего отдыха», «Продается бильярд».

Стоп! Бильярд! Ну, конечно, отсюда все и началось.

Нелегкая дернула Мухина в позапрошлое воскресенье поехать с сослуживцами в однодневный дом отдыха. Поездка могла бы пройти бесследно, не ввяжись он в игру на бильярде. Обставив двух партнеров, Василий Митрофанович разошелся и вызвал на состязание самого товарища Пухова. Всю оплошность своего поступка Василий Митрофанович понял после первых ударов управляющего. Даже самому неопытному новичку было совершенно ясно, что глава учреждения взял в руки кий впервые. Он целился по нескольку минут, но бойка, словно заколдованная, или выпрыгивала за борт или, прочертив зеленое поле вдоль и поперек, не задев ни одного шара, подобно бумерангу, возвращалась на исходную позицию.

В довершение всего в конце партии управляющий, желая забить совсем уж невозможный шар, так напряг свои мышцы, что жилет его новенького костюма не выдержал и лопнул по швам.

Победителя встретили дружными аплодисментами. Сам побежденный дружески похлопал Василия Митрофановича по широкой спине, говоря при этом:

— Ну и молодец! Не ожидал! Чемпион! Чтобы так играть, сколько же тренироваться надо...

Успех не вскружил головы экономисту, а, напротив, вселил в его душу непонятный страх. Окончательно оробел он после разговора с заведующим продтоварным сектором Андреем Петровичем Часовым. Между прочим, этого самого Часова Василий Митрофанович считал почему-то своим недоброжелателем. И на этот раз Часов иронически, как показалось Василию Митрофановичу, произнес:

— Неправильный вы ход сделали.

Однако Василий Митрофанович не стал его слушать, а уединился, чтобы обдумать, как исправить необдуманный поступок. Но из этого благого намерения ничего путного не вышло. После ужина он нашел управляющего в библиотеке и, виновато улыбаясь, предложил ему еще раз «слегка покатать шарики».

Пухов нехотя оторвался от книги:

— Спасибо, Василий Митрофанович, за приглашение. Какое же вам удовольствие играть со мной? Вы у нас чемпион...

Только теперь, в предрассветный час, страдая от бессонницы, Василий Митрофанович вспомнил все детали этого происшествия и понял, какую грубую, непростительную ошибку он допустил. Не в силах дальше оставаться один, он разбудил Антонину Николаевну и начал рассказывать ей грустную историю, разыгравшуюся вокруг бильярдного стола. Сначала он говорил, что сам, по собственной инициативе пригласил Пухова. Затем он стал доказывать, и не столько жене, сколько самому себе, что на это неприятное дело его подбил извечный недоброжелатель Часов:

— Он это, конечно, неспроста выдумал. Я же его, бестию, хорошо знаю. А результат налицо — управляющий на меня сычом смотрит.

Антонина Николаевна выслушала, вздохнула и, перевернувшись на другой бок, произнесла:

— Какой ты, Васенька, мнительный! Спи лучше...

Поэтому Василий Митрофанович дальнейший разговор вел сам с собой:

— Это так оставлять нельзя. Так недолго и неприятности нажить. Без дипломатии тут не обойтись. Надо все обдумать тонко, чтобы комар носу не подточил.

Мухин вспомнил, как лет тридцать назад один из его коллег выслужился тем, что посылал свою жену нянчить дочку начальника, когда начальник с женой уходили в кино или в гости. Василий Митрофанович посмотрел на спящую супругу.

— Мою не пошлешь. Не тот характер.

Совсем рассветало. А Василий Митрофанович так ничего и не придумал. Но внезапно чувство уныния сменилось злой решительностью:

— А все-таки я его обволоку. Я такие ходы придумаю...

Истерзанный сомнениями, Мухин наконец заснул. Ему приснилось, что он с Пуховым охотится на тетеревов. Управляющий целится в толстого, пудового тетерева, которого Василий Митрофанович держит за хвост. Выстрел. Тетерев взмывает в небо, оставив в руках у Мухина пучок перьев. Управляющий сердится:

— Экий вы! А еще чемпион...

Придя утром на службу, Василий Митрофанович узнал от Марии Павловны, что управляющий сегодня приехал рано и вместе с Часовым полчаса назад закрылся в кабинете. У Василия Митрофановича холодеют ноги. Конечно, там, за закрытой дверью, управляющий с Часовым решают вопрос только о нем. Он отчетливо представил, как Часов сидит напротив Пухова и говорит:

— Надо его прижать...

В этот момент дверь кабинета открывается и выходит Часов. Он здоровается с Василием Митрофановичем и говорит:

— Зайдите к хозяину.

Пока Мухин, как тяжело больной, бредет от своего стола в кабинет управляющего, в его голове проносятся вихри мыслей:

«Я буду защищаться... На работе у меня все в порядке... Мы еще посмотрим...»

Войдя в кабинет, он останавливается у самой двери. Управляющий идет ему навстречу, жмет руку и подвигает кресло.

— Я хочу поговорить с вами, Василий Митрофанович, о некоторых штатных перемещениях...

У Василия Митрофановича внутри что-то обрывается.

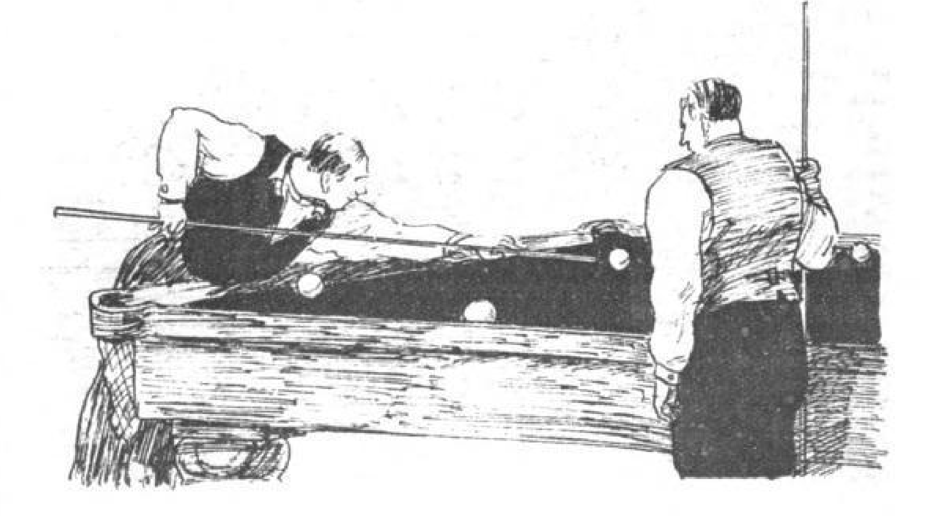
— Я понимаю, вам, конечно, будет трудно, но ничего поделать нельзя. Я прошу вас, Василий Митрофанович, принять на время отпуска товарища Часова продтоварный сектор. Дел у вас, конечно, будет больше, но товарищ Часов считает, и я с ним вполне согласен, что лучше вас никто не справится. У вас большой опыт...

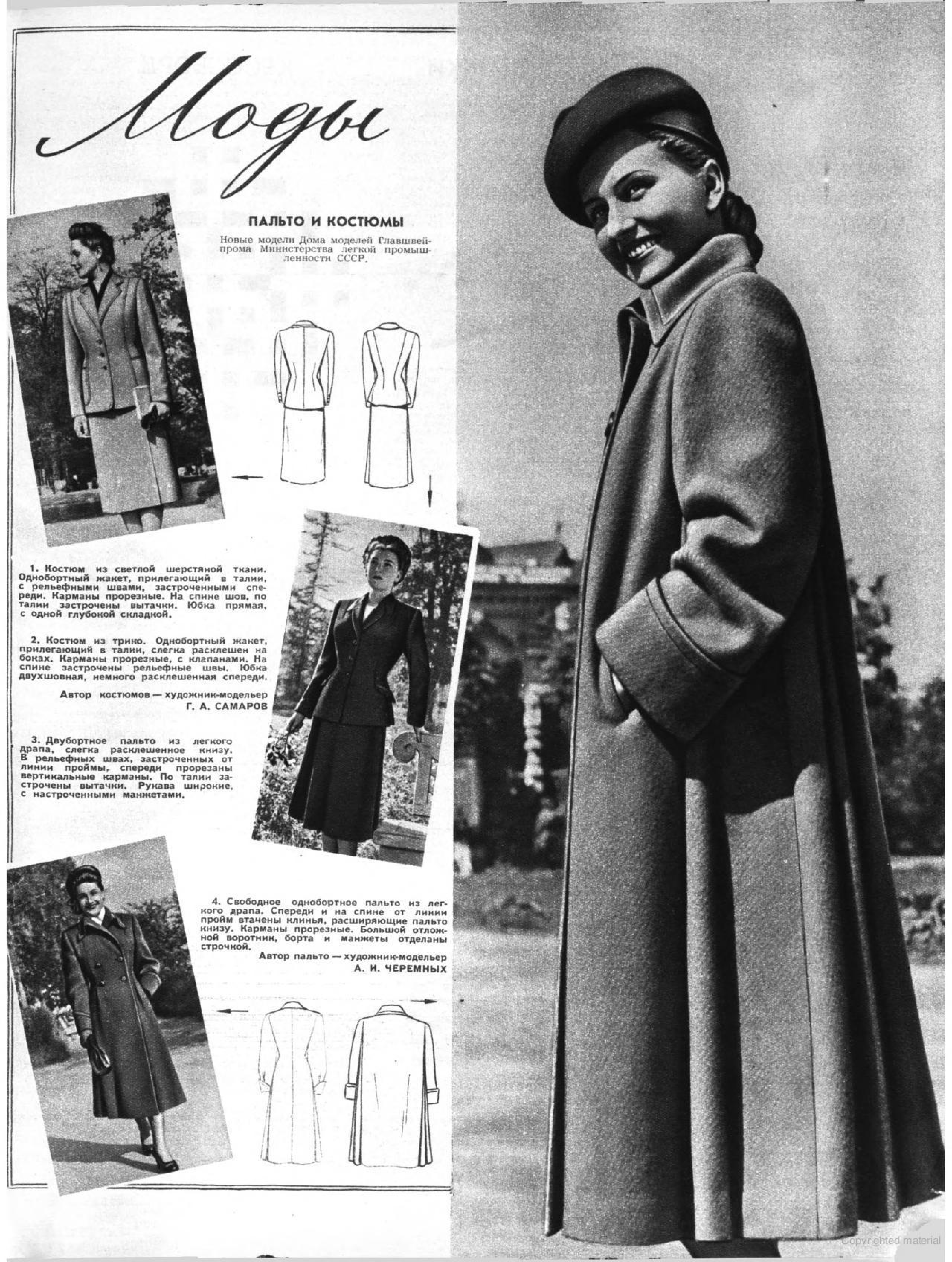
О чем говорит управляющий дальше, Василий Митрофанович не понимает. Он только видит его умные серые глаза и слышит его спокойный голос. Мухину становится мучительно стыдно за ночные мысли.

Кое-как пробормотав согласие и выйдя из кабинета, он встречает Часова. Андрей Петрович спрашивает:

— Согласился? Правильно сделал. Тут, брат, надо без дипломатии.

Василий Митрофанович смотрит в окно и неожиданно замечает, как буйно в этом году цветут липы. Затем он переводит свой взгляд на собеседника и впервые за всю совместную работу видит, что у Андрея Петровича совсем седые виски...

Моды

ПАЛЬТО И КОСТЮМЫ

Новые модели Дома моделей Главшвейпрома Министерства легкой промышленности СССР.

1. Костюм из светлой шерстяной ткани. Однобортный жакет, прилегающий в талии, с рельефными швами, застроченными спереди. Карманы прорезные. На спине шов, по талии застрочены вытачки. Юбка прямая, с одной глубокой складкой.

2. Костюм из трико. Однобортный жакет, прилегающий в талии, слегка расклешен на боках. Карманы прорезные, с клапанами. На спине застрочены рельефные швы. Юбка двухшовная, немного расклешенная спереди.

Автор костюмов — художник-модельер
Г. А. САМАРОВ

3. Двубортное пальто из легкого драпа, слегка расклешенное книзу. В рельефных швах, застроченных от линии проймы, спереди прорезаны вертикальные карманы. По талии застрочены вытачки. Рукава широкие, с настроченными манжетами.

4. Свободное однобортное пальто из легкого драпа. Спереди и на спине от линии пройм втачены клинья, расширяющие пальто книзу. Карманы прорезные. Большой отложной воротник, борта и манжеты отделаны строчкой.

Автор пальто — художник-модельер
А. И. ЧЕРЕМНЫХ

Французско-западнонемецкий спаренный хомут.
Рис. Бе-Ша («Перець»)

Дерево-щетка

На Черноморском побережье Кавказа часто встречаются стройные деревья, увенчанные густой шапкой узких и длинных листьев, похожих на остроконечные мечи. По внешнему виду эти деревья трудно отличить от веерных пальм.

Это драцены. Их родина — Новая Зеландия. Субтропические чужестранки плохо переносят низкие температуры, и небольшие морозы поражают их листву, а иногда и все дерево. Однако в таких случаях весной из корневой шейки пробивается новая поросль, восстанавливающая растение.

Драцена необыкновенно красива, особенно в начале лета, когда на кроне появляется множество белых душистых цветов. Но не только своей декоративностью интересны эти экзоты. Местные жители расщепляют их огромные, почти метровые листья на тонкие ленты и подвязывают ими растения. Из сухих листьев плетут прочные, не боящиеся сырости веревки и делают сноповязальный шпагат.

Советские ученые, изучая анатомию драценовых листьев, обнаружили в их рыхлой мякоти сосудистые ткани, близкие по физическим свойствам к животной щетине и конскому волосу. Из этих тканей получают растительную щетину, или фибру.

Щетки из драцены испытывались в различных отраслях металлообрабатывающей, текстильной, химической и пищевой промышленности; они могут заменить щетки из дефицитной животной щетины.

Драцена акклиматизировалась в Аджарии, Абхазии и других теплых районах Западной Грузии. Она размножается главным образом семенами. На одном гектаре можно разместить до 10 тысяч драцен, которые дают около 5 тонн сухого листа с гектара. А из тонны сухих листьев можно извлечь около 800 килограммов щетины.

Драцена—«дерево-щетка»— замечательное декоративное и техническое растение.

А. ВЕКСЛЕР

Подумай!

СОЛНЦЕ ЗА ГОРИЗОНТОМ

В летний вечер под Москвой мы наблюдали заход солнца. Видна была лишь половина его красновато-золотистого диска.

«Еще несколько минут, и солнце скроется за горизонтом,— сказал один из нас,— пора идти домой!»

«Но солнце уже за горизонтом!» — возразил находившийся в нашей компании астроном-любитель.

«Однако мы его ясно видим! Вы что-то мудрите»,— смеясь, заметил первый.

«Не смейтесь! Я берусь доказать правильность своего утверждения».

Мы выслушали краткие, но убедительные объяснения любителя астрономии и вынуждены были согласиться, что он прав...

Какое объяснение дал астроном?

ДАВЛЕНИЕ В 15 ТОНН

Нам попала в руки книжка без начала и конца, некоторых страниц не хватало, другие были оборваны. Просматривая эти обрывки страниц книги, мы заинтересовались следующими строками: «...тело человека испытывает давление свыше 15 тонн... однако он не погибает под действием такой тяжести... даже не испытывает никаких неудобств...»

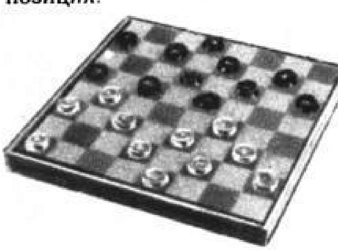
К сожалению, на дальнейших страницах автор не возвращается к этой теме, и нам не удалось узнать более подробно об этом явлении.

Не поможете ли вы выяснить, о чем рассказывалось на этих страницах?

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

Оригинально и остро играл в XI чемпионате СССР харьковский мастер А. Коврижкин. В каждой партии он искал новых путей и доставлял немало хлопот своим «противникам». В его партии с мастером Швидким (черные) уже после 11-го хода получилась такая сложная позиция:

На первый взгляд позиция белых безнадежна, так как после 12. g3 — h4 e5 : g3; 13. h2 : f4 f6—e5; 14. f4—g5 h6 : f4; 15. e3 : g5 e7—f6; 16. g5 : e7 d8 : f6 белым нужно сдаваться. Но здесь сказался талант Коврижкина, который не только сумел спасти партию, но и заставил Швидкого искать пути к ничьей. Вот как продолжалась эта многострадальная партия:

12. c3—d4! e5 : c3

Как показывает анализ, 12. ... a5 : c3 вело к проигрышу.

13. f4—e5! f6 : d4
14. e3—f4! . . .

Белые пожертвовали две шашки, но, несмотря на это, не им, а черным нужно думать о спасении!

14. ... a7—b6
15. g3—h4 c3—b2!

Единственный ход. Черные вынуждены возвратить две шашки, так как белые грозят прорваться в дамки.

16. a1 : e5 a5 : c3
17. d2 : b4 e7—f6

Снова единственный ход. Если 17. ... b6 — a5, то 18. f2—e3 a5 : c3; 19. e3—d4 и выигрывают.

18. h2—g3! f6 : d4
19. f2—e3 d4 : f2
20. f4—e5 d6 : h2
21. e1 : g3! h2 : f4
22. b4 : b8 . . .

В этой тяжелой позиции черные нашли этюдный путь к ничьей.

22. ... g7—f6!
23. b8 : g3 b6—c5!
24. g3—b8 . . .

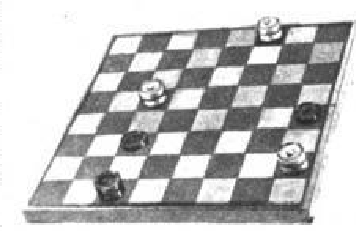
Если 24. g3—f2, то d8—c7! и сразу ничья.

24. . . . c5—d4
25. b8—a7 d4—c3
26. a3—b4 c3 : a5
27. a7—d4 d8—e7,
28. d4 : h8 a5—b4
29. h8—d4 e7—f6!
30. d4 — h8 b4 — c3

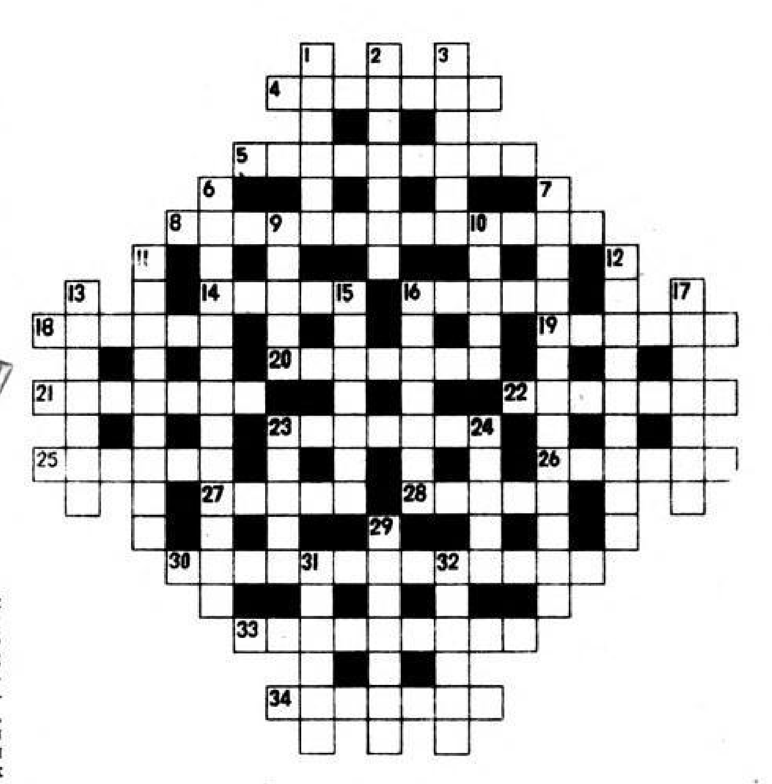
и ничья.

ЭТЮД

В. Кочур (Днепропетровск)
Белые начинают и выигрывают.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Советский писатель. 5. Советский художник. 8. Театральное зрелище. 14. Горная порода. 16. Невысокое плоскогорье. 18. Металл. 19. Озеро. 20. Ловкая проделка. 21. Розыгрыш вещей или денежных сумм по билетам. 22. Представительница одного из народов СССР. 23. Писатель-обличитель. 25. Зубчатая кайма. 26. Запас. 27. Произведение Гончарова. 28. Персонаж из оперы «Евгений Онегин». 30. Поэтическое произведение. 33. Русский ученый. 34. Писатель, деятель искусств, науки, имеющий общепризнанное значение.

По вертикали:

1. Многовесельная лодка. 2. Персонаж из «Мертвых душ» Гоголя. 3. Условный знак. 6. Ювелирное изделие. 7. Совокупность взглядов на окружающее. 9. Морской термин. 10. Река и город в РСФСР. 11. Копия типографского набора. 12. Род трудовой деятельности. 13. Живое существо, обладающее даром мышления и речи. 15. Город в СССР. 16. Болезнь. 17. Разновидность тополя. 23. Боязнь, ужас. 24. Печатная форма с рельефным рисунком. 29. Сухие, опавшие ветви. 31. Прибрежная мель. 32. Половодье.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 32

По горизонтали:

7. Стокгольм. 9. Кондуктор. 10. Беркутов. 11. Машинист. 13. Судак. 15. Ореол. 16. Строфа. 17. Литератор. 18. Лопата. 21. Атропин. 24. Механик. 25. Перегон. 26. Зарайск. 27. Контакт. 31. Дрезина. 32. Профиль. 33. Свисток. 37. Кортик. 38. Кибальчич. 39. Бирюза. 42. Болид. 44. Фаска. 45. Коперник. 46. Протокол. 47. Диаграмма. 48. Аквамарин.

По вертикали:

1. Статуэтка. 2. Игрек. 3. Клекот. 4. Знание. 5. Руссо. 6. Подросток. 8. Материк. 9. Кашалот. 10. Барограф. 12. Тропинка. 14. Перепел. 19. Гипербола. 20. Нежданова. 22. Рессора. 23. Полотно. 28. Тростник. 29. Изделие. 30. Интервал. 32. Проходчик. 34. Казакевич. 35. Личинка. 36. Синкопа. 40. Клемма. 41. Плотва. 43. Домра. 44. Форма.

ИЗВЕСТНО ЛИ ЭТО ВАМ?..

(Ответы. См. № 32)

Необыкновенный материал

Пижама была сшита из ацетатного шелка, производство которого, кстати говоря, стоит на втором месте после вискозного (20 процентов мирового производства искусственного волокна).

В отличие от вискозного шелка ацетатный состоит не из чистой целлюлозы, а из химического соединения целлюлозы с уксусной кислотой.

Ацетатный шелк пропускает ультрафиолетовые лучи, но более легок, меньше набухает в воде. Некоторые сорта этого шелка в результате специальной обработки после прядения дают необычайно прочную ткань, крепость нитей которой превышает крепость стальной проволоки такого же сечения.

Беззвучные звуки

«Сверхзвуки», или «ультразвуки», с числом колебаний до 700 тысяч в секунду не воспринимаются человеческим ухом. «Звуком» с таким числом колебаний можно умерщвлять мелких рыб и лягушек.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А — 6225. Подписано к печати 8/VIII 1950 г. Изд. № 562. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 2011. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ СПОСОБСТВУЮТ ПОДЪЕМУ ХОЗЯЙСТВА и КУЛЬТУРЫ НАШЕЙ СТРАНЫ

ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОИЗВОДИТСЯ ШЕСТЬ ОСНОВНЫХ И ОДИН ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ТИРАЖ ВЫИГРЫШЕЙ.

Основные тиражи выигрышей состоятся 30 января, 30 марта, 30 мая, 30 июля, 30 сентября и 30 ноября, дополнительный тираж — 30 сентября каждого года.

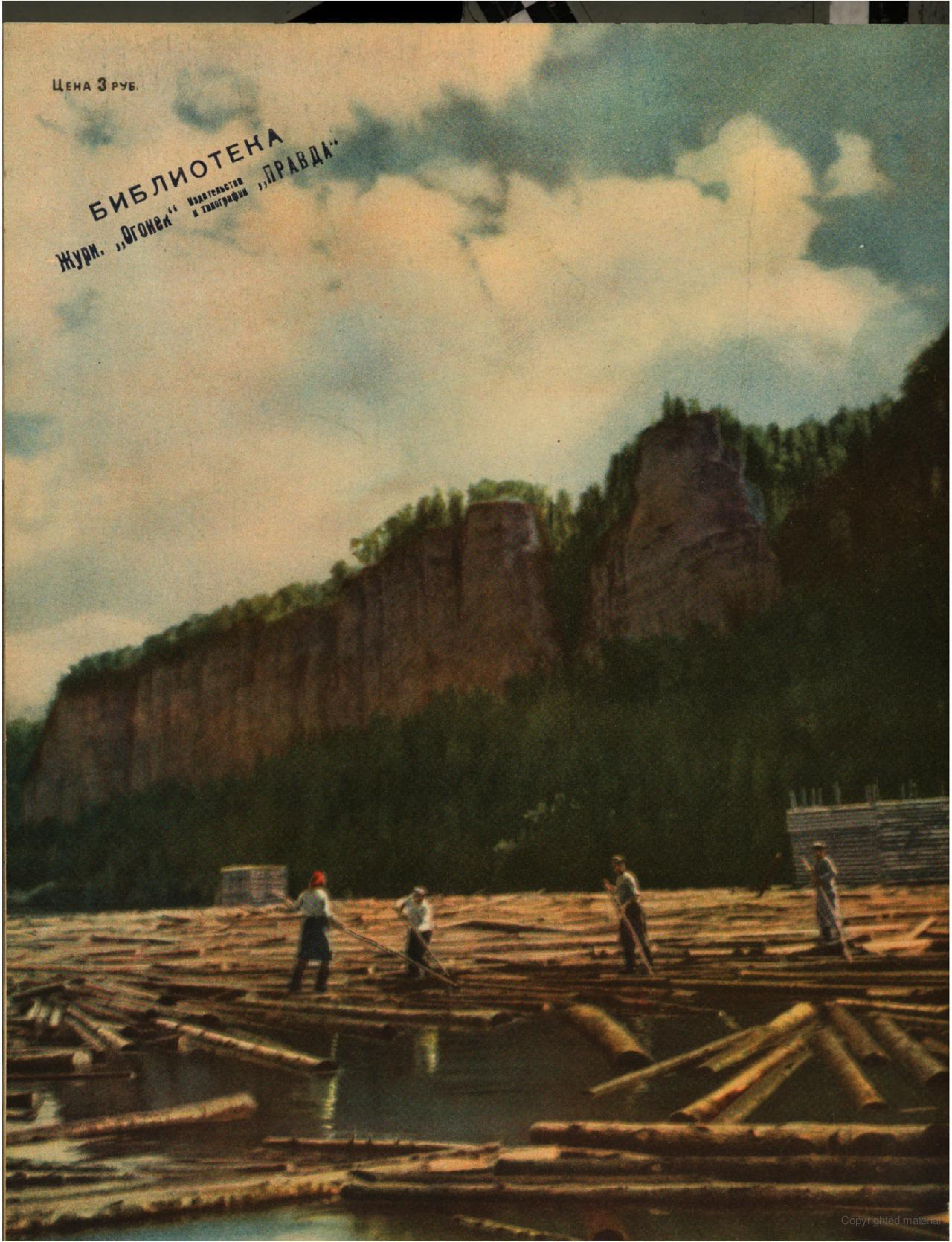
Тиражи выигрышей производятся на один разряд займа с тем, что выигравшими считаются облигации, имеющие одинаковые серию и номер во всех выпущенных трех разрядах займа.

В основных тиражах участвуют все облигации, независимо от срока их приобретения. В дополнительных тиражах участвуют облигации, приобретенные не менее чем за девять месяцев до срока тиража.

В каждом тираже займа разыгрывается следующее количество выигрышей:

Размер выигрыша в рублях	Количество выигрышей: В основном тираже — на один разряд займа	В основном тираже — на три разряда займа	В дополнительном тираже — на один разряд займа	В дополнительном тираже — на три разряда займа
100.000	—	—	1	3
50.000	2	6	5	15
25.000	5	15	25	75
10.000	25	75	80	240
5.000	80	240	800	2.400
1.000	700	2.100	2.300	6.900
400	7.688	23.064	8.289	24.867
Всего:	8.500	25.500	11.500	34.500
Общая сумма выигрышей в рублях	4.650.200	13.950.600	11.390.600	34.171.800

ОБЛИГАЦИИ ЗАЙМА ПРОДАЮТСЯ И СВОБОДНО ПОКУПАЮТСЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ

Цена 3 руб.